

Председатель редакционного совета журнала

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.

Заместитель председателя редакционного совета

СИНЮКОВ Владимир Николаевич проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России.

Главный редактор журнала

СОКОЛОВА Наталья Александровна доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Ответственный секретарь

САЛИЯ Марианна Романовна эксперт отдела научно-издательской политики Управления организации научной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Редакционный совет журнала

БЕШЕ-ГОЛОВКО Карин доктор публичного права (Франция).

БОНДАРЬ Николай Семенович доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, первый проректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ.

ИСАЕВ Игорь Андреевич доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ.

КОМОРИДА Акио профессор Университета Канагава (Япония).

КОЛЮШИН Евгений Иванович доктор юридических наук, профессор, член Центризбиркома России, заслуженный юрист РФ.

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса.

НОГО Сreto доктор юридических наук, профессор Университета Джона Нейсбитта (Белград, Сербия), президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине).

ОТМАР Зойль доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Ouest-Nanterre-La Defense (Франция).

ПАН Дунмэй	доктор юридических наук, профессор Юридического института Хэйлунцзянского университета КНР, приглашенный исследователь Центра славянских исследований Университета Хоккайдо Японии.
РАРОГ Алексей Иванович	доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный юрист города Москвы.
РАССОЛОВ Илья Михайлович	доктор юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой правовой информатики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный редактор журнала «Судебная и правоохранительная практика».
ТУМАНОВА Лидия Владимировна	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса и правоохранительной деятельности, декан юридического факультета Тверского государственного университета, заслуженный юрист РФ.
ФЕДОРОВ Александр Вячеславович	кандидат юридических наук, профессор, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, главный редактор журнала «Наркоконтроль».
ХЕЛЛЬМАНН Уве	Dr. iur. habil, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета (Германия).
ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и административного права Санкт-Петербургского государственного университета.
де ЗВААН Яап Виллем	профессор кафедры Жанна Монне, почетный профессор кафедры права Европейского Союза Университета Эразмус в Роттердаме (Нидерланды).

Редакционная коллегия журнала

ГРОМОШИНА Наталья Андреевна	доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
ЕРШОВА Ирина Владимировна	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
КАШКИН Сергей Юрьевич	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
КОМАРОВА Валентина Викторовна	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
КОРНЕВ Аркадий Владимирович	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
ЛЮТОВ Никита Леонидович	доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Chairman of the Council of Editors

**BLAZHEEV
Victor
Vladimirovich** Rector of the Kutafin Moscow State Law University, PhD in Law, Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.

Vice-Chairman of the Council of Editors

**SINYUKOV
Vladimir
Nikolaevich** Vice-Rector on Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Officer of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Editor-in-Chief of the Journal

**SOKOLOVA
Natalia
Aleksandrovna** Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University.

Executive Editor

**SALIYA
Marianna
Romanovna** Expert of the Division for the Scientific and Publishing Policy of the Department for the Organization of Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University.

Council of Editors

**BECHET-GOLOVKO
Karine** Doctor of Public Law (France).

**BONDAR
Nikolay
Semenovich** Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Scientist of the Russian Federation.

**GRACHEVA
Elena
Yurievna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law, First Vice-Rector of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Specialist in Science and Technology of the Russian Federation.

**ISAEV
Igor
Andreevich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation.

**KOMORIDA
Akio** Professor of the Kanagawa University (Japan).

**KOLYUSHIN
Evgeniy
Ivanovich** Doctor of Law, Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Merited Lawyer of the Russian Federation.

**MALINOVSKIY
Vladimir
Vladimirovich** PhD in Law, Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councillor of Justice.

**NOGO
Sreto** Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University (Belgrade, Serbia), President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of international criminal law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (headquarter in Beijing).

**OTMAR
Seul** Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Ouest-Nanterre-La Defense (France).

- PAN Dunmey** Doctor of Law, Professor of the Law Institute Heilongjiang University of China, invited researcher at the Slavic research Center of Hokkaido University of Japan.
- RAROG Aleksey Ivanovich** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University, Merited Scientist of the Russian Federation, Merited Lawyer of the City of Moscow.
- RASSOLOV Ilya Mikhailovich** Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Department of Legal Information Science of the Kutafin Moscow State Law University, Editor-in-Chief of the Journal «Judicial and Law-Enforcement Practice».
- TUMANOVA Lidia Vladimirovna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Process and Law-Enforcement Activities, Dean of the Law Faculty of the Tver State University, Merited Lawyer of the Russian Federation.
- FEDOROV Aleksandr Vyacheslavovich** PhD in Law, Professor, Vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol).
- HELLMANN Uwe** Dr. iur. habil, Professor, Head of the Department of the Criminal and Economic Criminal Law of the Law Faculty of the Potsdam University (Germany).
- SHEVELEVA Natalia Aleksandrovna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the St. Petersburg State University.
- de ZWAAN Jaap Willem** Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University Rotterdam (The Netherlands), also Jean Monnet Professor.
- Editorial Board**
- GROMOSHINA Natalia Andreevna** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- ERSHOVA Inna Vladimirovna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial and Company Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- ZHAVORONKOVA Natalia Grigorievna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- KASHKIN Sergey Yurievich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- KOMAROVA Valentina Viktorovna** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- KORNEV Arkadiy Vladimirovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- LYUTOV Nikita Leonidovich** Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Labour Law and Law of Social Security of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
- MATSKEVICH Igor Mikhailovich** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Forensic Studies and Criminal Executive Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА

Веденеев Ю. А. Теория государства и права: между апологией и критикой концептуальных оснований	7
Злобин А. В. Формы права в современной России	23
Кузьмин И. А. Специфика частноправовой ответственности	37

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Батырь В. А. Российско-северокорейский проект «Хасан-Раджин» в системе международных экономических ограничений (непрístupный российско-китайский бастион в КНДР)	53
---	----

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Егорова М. А. Злоупотребление доминирующим положением как частный случай злоупотребления правом	70
--	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Шулаков А. А. Публичный порядок в международном частном праве и проблемы толкования и применения сверхимперативных и императивных норм	81
---	----

ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Зайков Д. Е. Коллегиальные органы по рассмотрению вопросов противодействия коррупции	98
---	----

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Гребеньков А. А. Понятие информационных преступлений, место в уголовном законодательстве России и место признаков информации в структуре их состава	108
Волконская Е. К. Криминологическая оценка современной ситуации, связанной с коррупционной преступностью в России	121

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Аминов И. И. Коренное население Закаспийской области на государственной и военной службе Российской империи (1881—1917 гг.)	136
Тур В. Г. Государственно-конфессиональные отношения в Крыму первой половины XIX века	152

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Ануфриева Л. П. Международная финансовая система и международное финансовое право в кризисных условиях мировой экономической системы (рецензия на учебник В. М. Шумилова и И. М. Лифшица «Международное финансовое право». 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юстиция, 2017. 302 с. Магистратура)	168
--	-----

CONTENTS

THEORY OF LAW

- Vedeneev Yu. A.** *Theory of the State and Law: Between an Apology and Criticism of Conceptual Foundations* 7
- Zlobin A. V.** *Forms of Law in Modern Russia* 23
- Kuzmin I. A.** *Specificity of Private-Law Responsibility* 37

INTERNATIONAL LAW

- Batyr V. A.** *The Hasan-Rajin Russian and North Korean Project in the System of International Economic Constraints (Impregnable Russian-Chinese Bastion in the DPRK)* 53

IMPROVEMENT OF LEGISLATION

- Egorova M. A.** *Abuse of a Dominant Position as a Specific Case of Abuse of the Right* 70

PRIVATE INTERNATIONAL LAW

- Shulakov A. A.** *Public Policy in Private International Law and Problems of Interpretation and Application of the Super Mandatory and Mandatory Provisions* 81

ENFORCEMENT MATTER

- Zaykov D. E.** *Collegial Bodies for Anti-Corruption Issues* 98

COMBATING CRIME

- Grebenkov A. A.** *The Concept of Computer Crimes, Place in the Criminal Legislation of Russia and the Place of Information Features in the Structure of the Elements* 108
- Volkonskaia E. K.** *Criminological Assessment of the Current State of Corruption in Russia* 121

HISTORY OF LAW

- Aminov I. I.** *Indigenous Population of the Trans-Caspian Region in Civilian and Military Service in the Russian Empire (1881—1917)* 136
- Tur V. G.** *State Confessional Relations in Crimea in the First Half of the XIX Century* 152

BOOKSHELF

- Anufrieva L. P.** *International Financial System and International Financial Law in the Global Economic Crisis (Review of the Coursebook on "International Financial Law" by V. M. Shumilov and I. M. Lifshitz (3rd edition, rev. and suppl.)* 168

ТЕОРИЯ ПРАВА

Ю. А. Веденеев*

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: МЕЖДУ АПОЛОГИЕЙ И КРИТИКОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ

Аннотация. Статья посвящена современному состоянию развития юриспруденции и определена задачей поиска новых предметных и концептуальных оснований научной дисциплины. Изучение вопроса предполагает широкий социокультурный и междисциплинарный контекст теоретического и практического переосмысления предмета и структуры юридической науки.

Культурно-историческая перспектива в понимании права как языковой и когнитивной реальности, одновременно образной, символической и понятийной, составляет, на наш взгляд, то направление и подход в его исследовании, которое позволяет раскрыть актуальные смыслы и значения права в разнообразных цивилизационных (дискурсивных) практиках социального общения.

Анализ изменений собственно систем юридических знаний или предмета, структуры и языка юриспруденции в контексте социокультуры определенных исторических эпох развития науки права позволяет определить фундаментальную роль юридической науки в формировании и развитии правовой системы в целом.

Ключевые слова: предмет и метод юриспруденции, концептуализация права, классическая и современная юриспруденция, юридическая картина мира, историческая грамматика правопорядка, юридический концепт действительности, сетевая онтология и эпистемология права.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.007-022

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

1. Эволюция права связана социокультурным контекстом и протекает в исторической логике и границах нормативных представлений о праве, а также верований в ценность наличного правопорядка и ритуальных практик, поддерживающих воспроизводство установленных отношений. Право — это юридическая форма выражения субъектности человека в разнообразных исторических практиках и системах вертикального, горизонтального или сетевого социального общения и регулирования. Исто-

рические изменения этноконфессиональных и социально-политических координат развития правовых систем, сопровождаемые преобразованиями юридических картин мира, имеют своим аналитическим продолжением расширение или сужение эпистемологических границ и когнитивных форм юридического знания. Системы юридических знаний, выстроенные в логике вертикальных и горизонтальных заимствований и обменов, переходят в системы юридических знаний, выстроенных в логике сетевых категориальных обменов и определений. Поиск новых феноменологических и концептуальных изме-

© Веденеев Ю. А., 2018

* Веденеев Юрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

y-vedeneev@yandex.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ний права и науки права — возможный ответ на структурные вызовы и требования в процессах становления и развития институтов глобального и региональных правопорядков.

Правовая реальность — языковая реальность. Языки действия права и языки осмысления права в их взаимных отношениях и пересечениях лежат в основании развития и воспроизводства правовой реальности в различных аспектах и формах ее проявления. Ими определяются нормативные и аксиологические границы ее восприятия и существования. В них обнаруживает себя культурно-историческая практика становления и развития различных типов правовых систем, составной частью которых является знание права, или юриспруденция. Отсюда, собственно, и проистекает правообразующая функция юридической науки в целом, а именно быть источником права как в институциональном (*правовой конструкт*), так и в социокультурном (*правовой концепт*) смысле в широком диапазоне возможных грамматических, аналитических и формальных определений юридически должного порядка.

Теория государства и права — составная часть юридической науки. Определение ее места в общей дисциплинарной структуре юридического знания — актуальная проблема и тема юриспруденции. Она всегда занимала эксклюзивное положение в марксистско-ленинской государственно-правовой доктрине и санкционированной ею одноименной научной и учебной дисциплине. В итоге была выстроена весьма жесткая и идеологически мотивированная структура юриспруденции, ее предмета и научного словаря, номенклатуры основных проблем и подходов к их решению.

Представляется возможным вынести на обсуждение ряд тезисов, характеризующих отдельные этапы эволюции подходов в определении не только и не столько дисциплинарного статуса теории государства и права, включая ее взаимоотношения с отраслевыми юридическими науками. Это классическая тема «старой» юриспруденции. Ее научная разработка имеет уже сложившуюся аналитическую традицию как формальной постановки вопроса, так и его догматического решения. Современное состояние разработки предмета и структуры юриспруденции основано на различении классической и неклассической версий понимания права и представлено в определениях таких трансграничных направлений концептуализации правовой науки, как антропология и со-

циология права, коммуникативная и культурно-историческая теория права.

Расширение предмета юриспруденции выявило актуальную потребность качественного изменения номенклатуры методологических подходов в изучении права, поскольку такие структурные составляющие правовой реальности (ментальная, когнитивная, языковая), ее феноменология, аксиология и эпистемология оказались за рамками формально-догматического подхода. Он по определению их не видит, не знает и не хочет знать. Не касаясь выявления содержательной глубины формальных конфигураций юриспруденции, таких как теория государства и права или теория права и государства, энциклопедия права или общая теория права, широкое или узкое понимание науки права, можно отметить следующее. Предмет и структура теоретической юриспруденции в различных форматах их концептуальной разработки существуют в рамочных определениях исторической эпистемологии права. История и методология юридической науки содержит богатейший материал аналитической реконструкции отдельных направлений ее становления и развития. Действительный предмет новой юриспруденции — сама юридическая наука, или самосознание права.

2. Традиционная версия понимания концептуального статуса теории государства и права — теория государства и права есть одновременно общая (в смысле — главная) методология описания и объяснения государственно-правовых явлений. В рамках данного подхода получила свое доктринальное обоснование иерархическая модель построения системы юридической науки, органично вписываемая в идеологическую модель восприятия и конструирования политико-правовой реальности. Теория государства и права — нормативная дисциплина, содержание которой образуют рамочные директивные реконструкции предмета и языка других, в том числе и отраслевых, юридических наук. Теория государства и права — это *прескриптивный текст*, оформляющий и оценивающий конкретное юридическое знание на предмет его классово-достоверности, доктринальной истинности и обоснованности. Отраслевые юридические науки в этой модели организации юридического знания составляют нижний уровень научной иерархии, вторичны относительно собственно теории права. Их назначение заключается в конкретизации базовых идеологических

концептов, определяющих и обосновывающих нормативные границы вмешательства государства в социальную, экономическую и политическую практику.

Язык официальной юриспруденции закрыт для описания и объяснения социокультурных и антропологических, ментальных и концептуальных оснований и измерений права. Действительное бытие права осмысляется лишь в предметной и формальной логике юридической доктрины, официально санкционированной государством и признанной доминирующей идеологией. Фактически здесь обнаруживает себя предельно жесткий каркас юридической картины мира, отсеивающий все, что не вписывается в систему ее нормативных границ, предпочтений и ожиданий. Очевидно, что идеологически заданный модус существования права как субординированной государственно-правовой реальности сам по себе не предполагает иерархию знаний о праве.

3. Новая редакция данного подхода в определении места теории государства и права в общей системе юридических наук воспроизводит себя в более гибкой и структурированной аргументации *интегративной юриспруденции*, что по своей сути является предметным и логическим продолжением взгляда на юридическую науку как вертикально организованную систему юридических знаний. Для придания концептуальной новизны «новому» формату главной юридической науки была развернута абсолютно бессодержательная дискуссия по вопросу различения понятий интегральной или интегративной юриспруденции.

Концепт «*интегративная юриспруденция*» имеет право на существование, прежде всего в плане открывающихся возможностей обнаруживать и формулировать новые смыслы и значения в понимании предмета и структуры науки права, а также ее теоретического языка и междисциплинарных связей в общей системе социальных, политических и юридических наук. А как следствие — формировать и проектировать новые сетевые правовые онтологии и эпистемологии, внешние и внутренние структурные связи развития которых определяются принципом саморегулирования. Собственный предмет интегративной юриспруденции лежит за рамками формально-догматических обобщений конкретных юридических дисциплин. Ее содержание заключено в описании и объяснении юридических картин мира, лежащих в основании мировосприятия и переживания

права каждой исторической эпохи его существования, т.е. тех культурно-исторических аспектов и форм развития правопорядка, в которых протекает процесс осмысления и концептуального воспроизводства самой правовой системы.

Все иное в понимании ее теоретико-методологического статуса ориентировано на сохранение стандартной этатистской и легалистской топики (*догматики и аксиоматики*) рассуждения о праве и государстве, определяемой жесткими рамками их взаимных пересечений. Ахиллесова пята интегративной юриспруденции — неопределенность в определении ее действительного (собственного) предмета. Переход от изучения государственно-правовых явлений (юридических конструкций) к изучению собственно культурно-исторических оснований языка права и языка самой научной дисциплины не состоялся, по крайней мере, до настоящего времени.

Язык — универсальный способ существования и манифестации реальности, в том числе и правовой. В этом смысле юридический язык и есть фундаментальный предмет интегративной юриспруденции, поскольку в нем резюмированы культурно-исторические основания и внутренняя логика развития и воспроизводства и права, и науки права. По существу, предложенный вариант концептуализации юридической науки был ориентирован прежде всего на сохранение и консервацию сугубо доктринального формата развития дисциплины, т.е. ее апологетической функции. Галльский петух еще не пропел здесь свою победную песню.

4. Юридическая наука в целом и теория государства и права — одна из форм существования и развития правовой реальности. Это концептуальная реальность со своей внутренней (*структурной*) и культурно-исторической (*эволюционной*) логикой ее становления и воспроизводства. Теория права, являясь составной частью правовой онтологии и эпистемологии, обнаруживает себя и выражает в исторической практике доминирующей социокультуры, т.е. в системе вырабатываемых ею категорий и представлений, понятий и определений должного и недолжного, юридических конструкций и эмпирических суждений.

В этом плане и юридический язык теории государства и права, и язык отраслевых юридических наук в их собственной догматике и аксиоматике объективно насыщены переживаниями и представлениями о должном или

недолжном порядке отношений, составляющими юридическую картину мира или правосознание конкретной исторической эпохи. В их рамочных определениях конструируется собственный культурно-исторический тип юридического знания — и практического и теоретического. Базовая функция юридической картины мира заключается в отборе и ранжировании приемлемых и неприемлемых вариантов юридической организации отношений в ее оценках, классификациях и квалификациях, в том числе и правовой науки.

Разумеется, процессы концептуализации предметов и методов теории и отраслевых юридических наук, их динамики и структуры носят комплексный характер, протекают в системе социокультурных, эпистемологических и аксиологических координат данного исторического места и времени. Пересечения и заимствования общеметодологических и конкретно-отраслевых подходов в понимании границ и содержания своего собственного предмета, структуры и содержания как со стороны теории права, так и со стороны отраслевых юридических наук носят циклический и взаимный характер.

Логика и траектория практических вызовов и адекватных научных ответов не заданы изначально, но постоянно выявляют себя в процессах консервации старых или появления новых доктринальных и концептуальных решений. В этой связи вполне закономерно появление в общем корпусе юридической науки, наряду с историей государства и права (институтов — *историческая юриспруденция*) и историей политических и правовых учений (доктрин — *доктринальная юриспруденция*), истории и методологии юридической науки или истории систем юридических знаний (*когнитивная юриспруденция*) и такого формата правовой науки, как *критическая юриспруденция*.

5. В предложенной схеме эпистемологической эволюции системы юридических знаний, безусловно, заслуживает внимания и представляет общенаучный интерес такой формат современной юридической науки и теории права, как *постюриспруденция*, весьма активно разрабатываемый представителями петербургской школы права. Ее исходная познавательная парадигма ориентирована, в отличие от классической юриспруденции, на критику прежде всего традиционного взгляда на предмет и метод самой юридической науки, ее онтологию и эпистемологию. Проблема

переопределения метафизических и концептуальных оснований юридической науки задана исторической логикой развития самой науки. Включение в предмет юридической науки самой юридической науки в определениях системы и структуры ее категорий и понятий, соотношения практического и теоретического языка юриспруденции, подходов в аргументации ее смысла и значения, жанровых форм и практических приложений характеризует прежде всего способность внутренней саморефлексии юридической науки в целом. В этом аспекте своего теоретико-методологического статуса (рассуждений на предмет самое себя) постюриспруденция это не что иное, как теория о теории науки права, или *мета-теория*.

Историческая фаза рефлексии на предмет самое себя выражает кардинально новую ступень эпистемологической эволюции правовой науки, ее дисциплинарной и категориальной матрицы, связанной с переходом от стандартной модели связей и взаимодействий к сетевой модели. Здесь, по существу, и был задан возможный вариант ответа на концептуальный кризис формально-догматической юриспруденции. Этот момент или парадигмальный сдвиг в понимании (и расширении) предмета теории права дает основание признать глубинный характер процесса становления постклассической юриспруденции как индикатора формирования новой трансграничной юридической картины мира.

Ее проблемное ядро составляет разработка теории *сетей междисциплинарных связей* в системе социальных и гуманитарных наук, в рамках которых предметы и методы, пересекаясь, конституируют друг друга. Ни предмет, ни метод научной дисциплины не существуют сами по себе. Предмет дисциплины обнаруживает себя через метод, а метод дисциплины заключен в самом предмете. Собственный предмет и методы теории права выражают себя в языке юриспруденции, категории с меняющейся исторической формой и содержанием, производной функции внутри дисциплинарных, междисциплинарных или сетевых связей взаимозависимостей и взаимообменов.

Юридический язык не только и не столько отражает правовую реальность. Юридический язык ее переформатирует, производит и имитирует. Дискурсивные сетевые практики лежат в основании формирования права и науки права. Здесь и заключено основное содержание

вопроса взаимных отношений — концептуальных заимствований и обменов между собственно теорией права и прикладными юридическими науками, обладающими своими инструментальными подходами и решениями. Это концептуальный и юридико-технический симбиоз, обладающий собственной культурно-исторической логикой саморегулирования и воспроизводства права и науки права.

Именно разработка данной проблемы и темы и составляет актуальное направление новой юриспруденции, основание дисциплинарной матрицы которой образуют, соответственно, культурно-историческая и сравнительно-историческая юриспруденция. Ее основной предмет — смена юридических картин мира или парадигм становления и развития теории и методологии юридической науки в контексте ментальных и социокультурных вызовов и ответов определенной исторической эпохи. Изучение процесса концептуальных заимствований и институциональных транзитов в их культурных и формально-юридических границах, содержании и формах продуктивно именно в рамках культурно-исторического подхода, поскольку юридическая наука — прежде всего парадигмальная дисциплина.

В этом качестве своего концептуального самоопределения юриспруденция есть критическая наука. Ее предмет и метод — критика собственных теоретико-методологических оснований, т.е. самое себя, своего предмета и метода и переосмысление категориально-понятийного аппарата и языка рассуждений о правовой реальности в широком историческом и социокультурном контексте изменений юридических картин мира. Ее объект представлен в разнообразии исторических форм существования, проявления и взаимодействия юридических институтов и языков, на которых говорят различные правовые системы романо-германского, англосаксонского и мусульманского мира, их сходства и различий в границах и практиках культурно-исторического и юридического трансфера.

2. ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСА

1. Теоретическое осмысление правовой реальности заключено и выражает себя в рамочных построениях культурно-исторических версий понимания права, каждой из которых корреспондирует свой модус существования права

и науки права. Категория правопонимания занимает центральное место в общей системе концептуальных построений юридической науки в целом. Содержательное и методологическое значение категории «правопонимание» обнаруживает себя в широком диапазоне определений, поскольку включает множество предметных и функциональных измерений и составляющих их элементов. По существу, правопонимание включает в себе одновременно и концептуальное и нормативное ядро феномена права и науки права как составных частей социокультурной реальности.

Значение правопонимания связано с определением прежде всего *предмета* и методологических *оснований* науки права. Понимание права оказывает прямое влияние на весь комплекс проблем теоретического правоведения, а именно: разработку вопросов происхождения права (причин и оснований возникновения и разрушения права); вопросов эволюции права (изменений в составе источников права и их структурирования); вопросов институционализации права (формирование отраслевых, межотраслевых и трансграничных институтов); вопросов генезиса юридической науки как исторических систем знаний (в определениях своего предмета, структуры и методов). Правопонимание лежит в основании процесса концептуализации феномена права. В этом смысле концептуальный порядок — составная часть правопорядка. Порядок в праве — производная концептуального порядка, т.е. системы категорий, понятий и определений, описывающих и объясняющих явление права.

Актуальная задача современной юриспруденции состоит в теоретической разработке *самой* категории «правопонимание» в качестве предмета исследования. Правопонимание или коллективные общие представления (*гештальт, габитус, базовые ориентации, стереотипы восприятия, переживания, оценки*) о должном или недолжном порядке социальных отношений лежат в основании как процессов правообразования, так и процессов правоопределения. В этих аспектах своего существования и выражения правопонимание — это одновременно и юридический концепт, и юридический конструкт, культурно-историческая топика и культурно-историческая практика выявления концептуальных границ и условий междисциплинарных обменов и политико-правовых границ и условий институциональных изменений.

Действительный предмет современной юриспруденции лежит в рамочных определениях исторических языков становления и развития права и науки права, т.е. социокультуры их институционализации и концептуализации или исторической грамматики правопорядка, его лексики и семантики, образов и верований. Современное состояние юридической науки в ее предметном и методологическом измерении характеризуется сетевой структурой и динамикой переходов и пересечений дисциплинарных и концептуальных границ. Классическая жесткая дисциплинарная структура формально-догматической юриспруденции, сохраняя свое учебно-образовательное значение, закрыла эпистемологическую перспективу на предмет изучения собственного концептуального развития. Ее язык уже не фиксирует и не выражает реальность права в меняющихся границах его действительного содержания и форм существования и выражения. Привязанная к сугубо этактистской нормативной логике понимания и определения права, классическая юриспруденция утратила возможность собственной концептуализации, т.е. критическую способность видеть и определять себя как один из множества исторически возможных вариантов построения систем юридического знания.

Реальный переход от классической парадигмы правопонимания к неклассической в логике ее собственного развития заключен прежде всего в критике предмета и метода науки права. Налицо когнитивный диссонанс. С одной стороны, сохранение традиционных нормативных подходов в определении понятия права, а с другой — активный поиск интегральных оснований научной дисциплины, консервирующих ее догматические и аксиоматические определения. Можно сколько угодно формально перечислять и расширять перечень общих, частнонаучных и специальных юридических методов исследования права. Все это ни на йоту ни с содержательной, ни с эпистемологической точек зрения не меняет концептуальные границы понимания и определения права, его застывшую в себе догматику и аксиоматику, т.е. универсальные элементы санкционированной юридической картины мира, консервирующие ее предметные и методологические основания. Только изменения концептуальных рамок восприятия и понимания правовой действительности, новых точек зрения на природу изучаемого явления позволяют выйти за стан-

дартный язык нормативных дефиниций и обнаружить ее новые объекты и их юридические значения.

2. Юридическая картина мира — основополагающая категория права. Она выражает фундаментальные культурно-исторические основания восприятия, переживания и осмысления правовой реальности. Это своего рода система ментальных и когнитивных координат и процесс, в ходе которого определяются и переопределяются социокультурные или нормативные границы социального общения. Юридическая картина мира встраивает в себя или отбраковывает те или иные формы и способы социально-правового поведения (практический юридический язык, правовые конструкции), признает или не признает те или иные формы и способы осмысления социально-правовой практики (теоретический юридический язык, правовые понятия).

Юридическая картина мира каждой исторической эпохи существования права и науки права вырабатывает и проецирует свою догматику и аксиоматику, формирует свою модальность оценивания и нормирования социальной действительности. В культурно-исторической логике ее собственной метафизики и переживания действительности складывается тот или иной взгляд на право (*его онтология и аксиология*), конструируются определения и понятия права (*его феноменология и гносеология*), формируются системы юридических знаний в их предметных и жанровых формах и практиках изучения политико-правовой реальности (*его эпистемология и правоведение*).

Различным культурно-историческим формациям юридических картин мира корреспондируют собственные представления, образы и понятия о должном или недолжном порядке действующего или желаемого права. Очевидно, что должное в представлениях одной юридической картины мира может быть квалифицировано как недолжное в представлениях другой юридической картины мира. Образ права (*право в воображении*) и понятие права (*право в определении*) конститутивные, структурообразующие элементы исторической практики формирования и действия объективного и субъективного права, процессов институционализации и концептуализации правовой реальности. Именно здесь и лежит предмет новой культурно-исторической юриспруденции, ее онтологии и эпистемологии как явления социокультуры определенного исторического места

и времени. Изучение концептуальных границ и трансграничных заимствований юридического языка, категорий и конструкций в формах и методах описания и объяснения правовой реальности — ключевая тема и проблема современной фазы эволюции науки права.

Основные феномены юридического бытия (объективное и субъективное право, материальное и процессуальное право, публичное и частное право) обнаруживают себя в системе нормативных бинарных оппозиций как «должное и сущее», «желаемое и возможное», «правильное и неправильное», «действительное и реальное», «формальное и действующее». В их социокультурной топике сосуществуют такие фундаментальные аспекты юридической реальности, как мифопоэтическая картина мира и рационально-логическая (*миф и логос*), закрытые формы социального общения и регулирования и открытые (*статус и договор*), органические формы зависимости и государственно-правовые (*харизма и институт*).

Фундаментальные трансформации в системах социального общения сопровождаются фундаментальными изменениями в системах юридического языка, его терминологии, семантики, форм и способов аргументации, стилей правового мышления, преобразованиями в составе того, что можно назвать исторической грамматикой правопорядка, выражающей цивилизационную принадлежность или аксиологию и эпистемологию традиционных и современных правовых систем, их типологические различия и универсальные нормативные коды юридической организации социальных отношений.

3. Разнообразные социокультурные формы репрезентации юридического начала социального общения — устное и письменное право, юриспруденция жеста и звука, ритуальные практики и символы принадлежности к определенным социальным группам (одежда, цветовые сочетания) — все это не что иное, как юридический текст, выражающий нормативные структуры и границы взаимодействия, открытые или закрытые модальности социального поведения. Главный персонаж социальной сцены — человек юридический, собирательная категория культурно-исторического процесса. История социальных систем — это история изменений статуса коллективных и индивидуаль-

ных субъектов, история систем юридической организации власти, собственности и управления или форм политико-правовой зависимости образующих их социальных групп. Кастовое общество и сословное общество, классовое общество и гражданское общество являются юридическими категориями, в нормативных границах которых протекают социальный, политический и культурный процессы.

Дуальные концепты «общность и общество» и «статус и договор», введенные в научный оборот Ф. Тённисом и Г. Мэнном, лишь в слабой и метафорической форме выражают фундаментальные сдвиги в культурных и дискурсивных практиках перехода от одного модуса социальной зависимости к противоположному состоянию. Опуская множество промежуточных техник организации и самоорганизации человеческих сообществ, связанных с переходами от родового субъекта к индивиду, от партикулярного к территориальному праву (далее — трансграничному), от этнической идентичности к гражданской, можно четко выявить ведущую тенденцию культурно-исторического процесса, а именно — расширение пространства политической и правовой свободы и взаимодействий в системах социального общения — от религиозных практик легитимации институтов к светским, от сакральной юридической картины мира к профанной, от закрытого дисциплинарного дискурса к открытому междисциплинарному или сетевому.

Исторические судьбы и траектории развития феномена «человек юридический» заключены в нормативные границы и определения породившей его социокультуры. Homo juridicus иудаистской, христианской и исламской традиции выражают и демонстрируют практики социального поведения, отвечающие правилам, санкционированным собственными верованиями. Онтологические основания обеспечивающих их развитие и воспроизводство социокультурных институтов определяются системой юридических концептов действительности, предписывающих, дозволяющих и запрещающих нормативные условия существования и общения внутри и вне наличной собственной правовой системы.

Фундаментальное значение категории «юридический концепт действительности», введенной в научный оборот Г. А. Гаджиевым, бесспорно¹. Ее разработка составляет содер-

¹ См.: Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.

жание нового направления юридической науки — культурно-исторической юриспруденции. Аналитика категории «юридический концепт действительности» имеет двойственную природу. С одной стороны, это органическая часть правовой реальности, данной в ее социокультурных ориентациях и переживаниях, с другой — это органическая часть эпистемологии науки права, заключенная в языке описания и объяснения права. Именно в этом аспекте понимания и определения правовой реальности субсидиарным источником права являются представления о праве.

Юридический концепт действительности — это воображаемая правовая вселенная в миниатюре. В нем совмещены онтологические и аксиологические основания права, его культурно-историческая догматика и аксиоматика. Если право — это универсальная потребность в социальном порядке в условиях социального беспорядка, то юридический концепт действительности — это ментальное и когнитивное выражение этой потребности, определяющее нормативные границы и условия поддержания устойчивости и преемственности в культурно-исторических практиках социального общения. Нормативность социального порядка (юридическое как таковое) первична относительно нормативности формального порядка. Социально-юридическое отношение первично относительно правоотношения как политико-правовой формы его организации. Юридический концепт действительности — первичная соционормативная реальность, которая лежит в основании исторических форм и процессов правообразования и правоопределения.

История права и история науки права и есть не что иное, как развернутый в систему институтов и понятий юридический концепт действительности, его опредмеченная соционормативная логика и метафизика. Это понятийный миф или образ должного в сущем, символическое определение желаемого правопорядка, одновременно ментальное и нормативное ядро правовой реальности. Отсюда проистекает и собственный интегральный предмет культурно-исторической юриспруденции — правовая цивилизация в двух ее фундаментальных состояниях и измерениях — человека юридического и юридического концепта действительности. *Nomo juridicus* — социально-коммуникативное основание права, юридический концепт действительности — его образно-когнитивное основание. В их взаимных отноше-

ниях и определениях существует, осмысляет и воспроизводит себя правовая реальность как человеческая реальность, одновременно социальная и культурная. Отсюда объяснимо появление в общем корпусе юридической науки таких пока еще эмбриональных направлений ее концептуального развития, как этноюриспруденция, правовая лингвистика и правовая семиотика, общее онтологическое основание предметов которых образуют первичные социокультурные (т.е. нормативные) сети общения, поведения и регулирования.

4. Универсальная схема построения любой теории, в том числе и юридической, предполагает ее деление на содержательную и методологическую составляющие. Эта элементарная схема концептуализации научной дисциплины имеет развитую аналитическую традицию. В составе содержательной составляющей различают историческую, догматическую и доктринальную юриспруденцию. В свою очередь, в составе методологической составляющей выделяют философскую, формально-логическую и сравнительную юриспруденцию. Дифференциация и интеграция систем юридических знаний по предметным и аналитическим основаниям выражает исторический и логический процесс поиска концептуальных решений, отвечающих критериям объективности, полноты и достоверности изучаемых явлений. За каждым элементом общей дисциплинарной матрицы юридической науки стоит собственная история разработки своего предмета и исследовательских подходов, а также собственная история разработки категориального и понятийного языка научной дисциплины в целом и ее составляющих.

Исходная познавательная парадигма концептуализации самой юриспруденции как системы юридических знаний, включающая определение ее дисциплинарного статуса в общей системе социально-гуманитарного знания, предметно-методологических оснований построения ее структуры, языка и междисциплинарных связей в культурно-историческом контексте ее существования и развития, еще не получила развернутого выражения в структуре самой научной дисциплины. Разумеется, предмет юриспруденции существует в границах своего метода, метод юриспруденции обнаруживает свое присутствие внутри своего предмета. Ни предмет, ни метод научной дисциплины не существуют сами по себе. Это сетевая подвижная структура взаимозависимо-

стей, в рамках которой они взаимоопределяют друг друга. Метод конституирует предмет в системе связей с другими предметами, предмет порождает метод в системе связей с другими методами.

Новый подход в изучении правовой реальности, составной частью которой является сама юридическая наука, определяется как интегральная юриспруденция. Дисциплинарный статус интегральной юриспруденции — предмет активных научных дискуссий. Его формат обсуждается в широком диапазоне возможных аналитических построений — от энциклопедии государства и права до общей догматики и аксиоматики юридической науки. На наш взгляд, энциклопедический формат отвечает традиционной логической схеме построения классической юриспруденции. В свою очередь, конструкция «интегральная юриспруденция» имеет право на существование не в смысле сведения различных аспектов исследуемого явления или исследовательских подходов в общий комплекс догматических правоположений и аксиоматических суждений. Это механическая версия понимания процесса становления и развития систем юридических знаний, лежащая в рамочной логике развития традиционной или энциклопедической модели организации отдельных юридических дисциплин.

В отличие от энциклопедии права, интегральная юриспруденция является ее концептуальной альтернативой. Эпистемология интегральной юриспруденции заключена не в процессах перечисления и сочетания предметов и методов отдельных юридических дисциплин, а в разработке общей теории предметных, методологических и ценностных оснований науки права. Дисциплинарный статус интегральной юриспруденции определяется наличием многосоставного и эластичного концептуального ядра, в рамках которого формируются собственные предметные аналитики отраслевых юридических дисциплин. Фундаментальная тема и проблема постюриспруденции, мотивирующая и оправдывающая ее притязания на новое видение, понимание, и определение права, заключается в разработке концептуальных оснований формирования практического и теоретического языков, языков конкретных правовых институтов и языков предметных правовых теорий, способных быть подвижными и открытыми текучей современ-

ности в терминах Зигмунта Баумана². Язык новых понятий и определений делает невидимое видимым, расширяет диапазон объектов исследования, обнаруживает новые сетевые предметные и аналитические связи и зависимости феномена права и науки права.

Энциклопедический формат юриспруденции выстроен в иной логике. Это логика иерархического понимания правовой реальности и корреспондирующих ей систем юридических знаний, соответственно, метафизического, формального и практического уровней ее существования и философского, догматического и социологического уровней ее описания и объяснения; взгляд, отвечающий *вертикальной* концепции социального порядка и юридической картины мира, основанной на принципе авторитета и субординации правовой онтологии и правовой эпистемологии; или пониманию права как объекта государственного управления, устанавливающего в зависимости от внутри- и внешнеполитической конъюнктуры тот или иной формат правопорядка. Это своего рода аналог магических ритуальных практик воздействия на реальность, согласно которым мир таков, каковы технологии его восприятия и воображаемого регулирования.

3. РЕШЕНИЕ ВОПРОСА

1. Правовая реальность существует одновременно в объективном и субъективном смысле, в форме сущего и должного, фактического и нормативного, материального и идеального, юридического концепта действительности и юридических институтов. Правовая реальность каждой исторической эпохи говорит на своем юридическом языке, т.е. в границах социальных фактов и культурных ценностей или юридических картин мира определенных исторических эпох. Правовая реальность такова, каков язык рассуждения о правовой реальности. *Nomen est omen*. В этом аспекте своего аналитического выражения юридическая наука в целом и теория государства и права в частности — всего лишь концептуальная форма существования правовой реальности, наряду с ее языковой и институциональной формой.

Каждая историческая эпоха вырабатывает и имеет свой формат, модус или систему юридических знаний в рамках собственной

² См.: Бауман З. Текущая современность. М.-СПб., 2008.

юридической картины мира — ее мифопоэтической, религиозной или рационально-логической эпистемы. В их концептуальных сочетаниях, пересечениях и модификациях проявляют себя культурно-исторические практики производства и трансляции научных знаний. Эпистема, или общая символическая конвенция понимания содержания и форм юридического знания, каждой исторической эпохи его существования выражает доминирующую тенденцию или логику восприятия и переживания мира юридических отношений. Историческая практика развития юриспруденции, ее предмета, метода, категорий и их концептуальных построений эмпирически демонстрирует этот факт. В основании исторических метаморфоз юридической науки и ее эпистемологии лежат изменения языка описания и объяснения правовых явлений.

Юридический язык как форма бытия правовой реальности проявляет себя в различных — нормативных, институциональных, концептуальных и ценностных практиках ее выражения и существования. Реальное государство и право живут в системах пересечений юридических языков своей исторической эпохи. Универсальным индикатором формационной и цивилизационной принадлежности к тому или иному культурно-историческому типу в организациях наличных систем власти, собственности и управления является юридический язык, на котором говорят и на котором обсуждают и решают текущие и актуальные проблемы социально-экономического и политического развития.

Многослойный по своим смыслам и значениям юридический язык своей нормативной лексикой и семантикой, жанровыми формами и стилевыми приемами не только отражает разнообразные практики социального общения и поведения и не только определяет и квалифицирует в культурно-исторических топиках своего существования и развития различные аспекты социально-правовой действительности. Юридический язык одновременно и формирует и маскирует институциональную и доктринальную реальность, выдавая должное за сущее, а формальное за действительное. И самое главное — юридический язык как в своем теоретическом, так и в практическом выражении обеспечивает фактическое производство и воспроизводство установленного правопорядка, используя санкционированную систему категорий и понятий. В этом смысле юриди-

ческий язык является политической и интеллектуальной собственностью доминирующих в той или иной социальной системе групп интересов, объектом их притязаний и на формальное обладание и нормативное определение правопорядка.

2. Правовая наука — это прежде всего теория юридического языка, на котором говорит и рассуждает научная дисциплина. Основная аналитическая функция юридической науки заключается в определении того, что есть, а что не есть юридическое знание в собственном смысле своего понятия. А в конечном итоге — что есть, а что не есть право. Или точнее, что осмысливается и определяется в границах установленного или действующего права, внутреннего и трансграничного права в качестве права. Отсюда проистекает необходимость различать в общей системе языка юриспруденции его отдельные и относительно автономные слои — язык собственно юридической теории и язык юридической практики, доктринальный язык и перформативный язык, язык юридических понятий и язык юридических конструкций, язык государственного и негосударственного права, язык национального и язык трансграничного права.

Действительный дисциплинарный статус юридической теории — это статус критической юриспруденции, основной предмет которой состоит в концептуальной критике содержания и форм выражения юридического языка и тех дискурсивных практик, в которых вырабатываются его определения и понятия. Теория юридического дискурса является второй составляющей предмета общей или интегральной юриспруденции. Юридический дискурс существует в границах определенной социокультуры, в рамках которой вырабатываются аналитический инструментарий, а также правила и приемы юридической аргументации отдельных направлений правовой политики. Третья составляющая предмета критической юриспруденции — теория юридического текста. Юридический текст является производной юридического языка и дискурса. В нем резюмированы основные элементы и структуры юридического концепта действительности и нормативные границы понимания и манифестации права и правовой политики.

Совмещение элементов общего предмета критической юриспруденции, а именно юридического языка, юридического дискурса и юридического текста, в ее общей дисципли-

нарной системе и образует новый концептуальный формат юридической науки в целом. По существу, все элементы общего предмета критической юриспруденции имеют вместе и в отдельности эпистемологический, аксиологический и нормативный статус, характеризующий и их культурно-историческое содержание, и их цивилизационную принадлежность.

Правовая реальность в своих основных проявлениях и как совокупность юридических институтов (юридических правил, принципов и ценностей) и юридических процессов (процедур и действий) существует и определяет себя в системе определенного юридического языка, юридического дискурса и юридического текста. В их системном, формальном и социокультурном взаимодействии одновременно и отражаются и оцениваются, легитимируются и обосновываются правопорядок и его составные элементы — право и наука права.

Язык юриспруденции и его производные — юридический дискурс и юридический текст — образуют совокупный инструментарий концептуализации и институционализации правовой реальности. Это одновременно и эпистема и этос, юридический концепт и конструкт. Юридический язык, выражая (формируя и формулируя) определенное понимание и отношение к институтам государства и права, является универсальной формой их ментального (когнитивного и культурного) существования. Государственно-правовая реальность — это языковая реальность. Отсюда проблема и тема различения, описания и объяснения доктринального и концептуального, образного и ценностного плана или модуса существования государства и права как одновременно и воображаемой и фактической реальности. Воображаемая реальность реально существует, пока существует фактическая реальность. Их симбиоз лежит в основании культурно-исторического механизма порождения и права и государства. Его источником является историческая память или культурно-историческая сеть, сохраняющая, отбирающая и транслирующая юридический язык определенных эпох его производства.

3. Два плана или модуса существования государственно-правовой реальности имеют свое доктринальное и концептуальное продолжение в различных версиях понимания государства и права. История политических и правовых учений в полной мере отражает интеллектуальную и политическую борьбу воображаемой и фактической реаль-

ности, желаемого и наличного правопорядка в культурно-исторических практиках государственно-правового развития. Позитивизм и непозитивизм, классическая и неклассическая юриспруденция, формально-догматическая и естественно-правовая школа — все эти и другие модусы юридических картин мира выражают изначальный правовой дуализм должного и сущего, формального и реального, возможного и действительного в праве и науке права.

Базисные категории права и определения права связаны правопониманием в буквальном смысле. В нем сосуществуют одновременно и восприятие, и переживание, и отношение к праву. Правопонимание — универсальная категория и науки права. Ее парадигмальный статус обнаруживает себя в различных аспектах концептуализации науки права. В ней находят себя и правовая онтология, и правовая аксиология, и правовая эпистемология. Язык теоретической и практической юриспруденции, обладая когнитивным, эмотивным и конструктивным значением, живет и воспроизводит себя в культурно-исторической топике правопонимания определенной эпохи. Традиционные и современные правовые системы есть не что иное, как опредмеченные в юридическом языке и текстах конкурирующие версии понимания права. Открытость или закрытость их юридического языка, его подвижность или неподвижность выражают себя в рамочных определениях исторического контекста правопонимания, меняющихся социокультурных границах существования и развития права и науки права.

Правопонимание лежит в основании разнообразных дискурсивных практик, санкционируя своими подходами и оценками правовой реальности ту или иную логику аргументации и обоснования правомерности тех или иных действий. Правопонимание задает границы предмета юриспруденции (*функция категоризации*), ее содержательные рамки; определяет методологию изучения правовых явлений (*аналитическая функция*), их понятийные рамки; структурирует юридическую науку (*функция дифференциации*), ее дисциплинарные рамки.

Правопонимание в своей предметной и концептуальной логике выступает в форме доктринальной юриспруденции, выполняя функцию обоснования нормативных границ применения того или иного инструментария описания и объяснения правовых явлений.

В зависимости от культурно-исторического контекста существования и развития права правопонимание либо консервирует принятую номенклатуру аналитических средств и методов его изучения, отрицая правомерность нормативного статуса нового юридического языка, либо обеспечивает критическое переосмысление природы самого права (*его онтологии*) и науки права (*ее эпистемологии*).

Правопонимание кодифицирует стили правового мышления, те или иные способы осмысления правовой реальности в различных модусах ее существования и проявления. Правопонимание устанавливает в рамочных определениях предмета и метода юридической науки нормативные границы использования выработанного категориально-понятийного аппарата, делая его открытым или закрытым для внешних заимствований и внутренних изменений. Правопонимание своим воздействием охватывает все возможные формы юридического осмысления правовой реальности, ее понятийную (*логическую*), образную (*метафорическую*), культурно-историческую (*ценностную*) топику.

По существу, правопонимание концептуально и аналитически пытается поставить ряд фундаментальных вопросов науки права и ответить на них, а именно: в какой степени юридическое осмысление действительности действительно является юридическим? И в какой мере оно может вбирать и включать в свой юридический язык и перерабатывать свои собственные биологические и социальные, политические и культурные истоки и коннотации? Сводятся ли определения понятия права к этатистским и легалистским определениям или реально имеет место пучок определений права, выражающих разнообразие его собственных онтологий и эпистемологий? Является ли правовая реальность в современном формате ее существования и выражения только государственно-правовой реальностью? Юридическая природа феномена права — внутри государства, над государством или без государства? Юридическая природа определения понятия права — за рамками определения понятия «государство»? Вопросать можно до бесконечности, но ответ должен отвечать концептуальным и социокультурным стандартам современного и актуального, а не архаичного и консервативного правопонимания.

4. Правопонимание, в данном аспекте своего представления о самом себе, является

одновременно и метаоснованием права и метатеорией науки права. Это не что иное, как базовый соционормативный и социокультурный юридический концепт действительности, который находит и утверждает себя в качестве правовой онтологии и эпистемологии. Очевидно, что роль правопонимания в развитии юридической науки и ее составной части теории государства и права составляет фундаментальную проблему и тему юриспруденции. На современном этапе в развитии теоретической юриспруденции актуальной является постановка вопроса о разработке собственно теории *интегрального правопонимания*. Ее предмет включает изучение фундаментальных онтологических оснований возникновения и развития институтов государства и права и построение рамочных концепций (*basic-концепций*) предмета и структуры конкретных теорий государства и конкретных теорий права. В этом качестве правопонимание является одновременно и объяснением, и определением права (*теория права*), и обоснованием права (*правовая доктрина*), и критикой права (*правовая политика*). Любая теория государства и права как с точки зрения своего содержания (предмета), так и с точки зрения своего языка (понятийного аппарата) изначально, в явной или неявной форме заключает в себе концепцию понимания государства и права.

Парадигмальный статус интегрального правопонимания в разработке предметно-методологических оснований науки права и построения дисциплинарной матрицы определяет ее концептуальные перспективы, связанные с переходом от вертикальной структуры дисциплинарных взаимодействий к сетевой структуре. Правопонимание в качестве фундаментальной концепции правопорядка формирует предмет юриспруденции и выражает понятийное ядро правовой теории. Через правопонимание выявляются действительные основания и границы существования государства и права, принимаемые правосознанием того или иного исторического общества (*феноменология государства и права*). Через правопонимание выстраиваются базовые концепции права, категориально-понятийный аппарат или язык теории государства и теории права (*гносеология государства и права*). Через правопонимание устанавливается дисциплинарная и междисциплинарная структура юридической науки (*эпистемология государства и права*). Правопонимание выражает ценностное отношение

к государству и праву (*аксиология государства и права*). И, наконец, правопонимание включает в себе определенные представления о месте и роли человека в формировании юридической картины мира, нагруженной гуманитарным или антигуманитарным содержанием и смыслом (*антропология и социология государства и права*).

Сложная концептуальная архитектура категории «правапонимание» отражает многоуровневую и сетевую архитектуру самой правовой реальности в ее культурно-исторических, нормативных и понятийных репрезентациях. Именно в комплексе собственной эпистемологии и определений интегральное правопонимание обеспечивает как предметные, так и аналитические основания и перспективы развития новой науки права. Это одновременно и общая юридическая конструкция права, и фундаментальная юридическая концепция права. Иначе говоря, система права и есть не что иное, как институциональное выражение понимания права, а юридическая наука или наука о праве есть, в свою очередь, концептуальное выражение понимания права. Множеству версий понимания государства и права корреспондирует множество вариантов теорий государства и права и, соответственно, множество определений понятия государства и понятия права.

Интегральное правопонимание составляет метатеоретическое основание разработки интегральной юриспруденции. Совмещение спектра различных версий понимания права образует основание комплексной концептуализации феномена государства и права и разработки многоаспектных теорий государства и права. В сетевой эпистемологии интегрального правопонимания выстраивается одновременно системное и дифференцированное представление о юридической науке, ее объектах и предметах исследования, разнообразии

языков описания и объяснения правовых явлений. И самое главное — происходит признание междисциплинарного статуса юридической науки, т.е. аналитических и конвенциональных определений понятия права, основанных на сетевых принципах формирования их юридических значений — субсидиарности, транспарентности, комплементарности и транзитивности.

Смещение в формах и методах юридического анализа есть не что иное, как концептуальный ответ на развитие глобальной сетевой структуры социально-экономических отношений и обеспечивающих их юридическую организацию трансграничных правовых институтов. Формы и методы сетевого регулирования, основанные на аналогичных принципах юридической организации социальных отношений, составляют актуальный предмет постюриспруденции и определяют актуальную потребность разработки адекватного их основаниям и функциям нового языка права, и науки права. Фактически имеет место парадигмальный сдвиг в процессах развития и формирования культурно-исторических и аналитических систем юридических знаний. Происходит переход от плоской (горизонтальной) и пирамидальной (вертикальной) дисциплинарной структуры юриспруденции к сетевой структуре ее концептуальных определений и предметных оснований. На смену методологическому монизму формально-догматической юриспруденции (языка этатистской и легалистской версии) и методологическому дуализму философской школы права (языка метафизики должного и сущего) приходит методологический плюрализм языка постклассической юриспруденции в двух логиках осмысления правовой реальности — интегрального правопонимания, или метатеории права, и интегральной юриспруденции, или правоведения в собственном, междисциплинарном смысле данного понятия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андрианов Н. В. Воспроизводство права как проблема семиотики права // Постклассическая онтология права / под ред. И. Л. Честнова. — СПб., 2016.
2. Баранов В. М. Энциклопедия юриспруденции — интегративное развитие общей теории права и государства // Теория государства и права в науке, образовании и практике : монография. — М., 2016.
3. Бикбов А. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. — М., 2014.
4. Валадес Д. Язык права и право языка. — М., 2008.

5. Варламова Н. В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. — 2009. — № 12.
6. Власенко Н. А. Язык права. — Иркутск, 1997.
7. Графский В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще не завершённый проект // Правоведение. — 2000. — № 3.
8. Качанов Ю. Л. Эпистемология социальной науки. — М., 2007.
9. Лазарев В. В. Истоки интегративного понимания права // Наш трудный путь к праву : материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца. — М., 2006.
10. Липень С. В. Основные методологические традиции в развитии юридической науки // Проблемы истории, методологии и теории юридической науки : монография / отв. ред. А. В. Корнев. — М., 2017.
11. Лукашева Е. А. Общая теория права и многоаспектный анализ правовых явлений // Советское государство и право. — 1975. — № 4.
12. Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. — 2003. — № 6.
13. Медушевский А. Н. Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности // Сравнительное конституционное обозрение. — 2011. — № 5.
14. Немытина М. В. Цивилизационно-культурный подход в праве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — Вып. № 4 (32).
15. Нерсисянец В. С. Право: множество определений права и единство понятия // Советское государство и право. — 1972. — № 5.
16. Поляков А. В. Энциклопедия права или интегральная юриспруденция // Правоведение. — 2012. — № 4.
17. Радько Т. Н., Медведева Н. Г. Позитивизм как научное наследие и перспектива развития права России // Государство и право. — 2005. — № 3.
18. Честнов И. Л. Постклассическая методология исследования права как ответ на кризис юриспруденции // Кризис права. История и современность. — СПб., 2018.
19. Честнов И. Л. Предмет теории права с позиций постклассической эпистемологии // Теория государства и права в науке, образовании и практике : монография. — М., 2016.
20. Тимошина Е. В. Некоторые итоги и перспективы дискуссии об интегральном правопонимании // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания : материалы седьмых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. — М., 2013.
21. Шевцов С. Метаморфозы права: право и правовая традиция. — М., 2014.

Материал поступил в редакцию 13 января 2018 г.

THEORY OF THE STATE AND LAW: BETWEEN AN APOLOGY AND CRITICISM OF CONCEPTUAL FOUNDATIONS

VEDENEV Yuriy Alekseevich — Doctor of Law, Professor of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

y-vedeneev@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The paper is devoted to the modern state of development of jurisprudence, and it defines the objective of new substantive and conceptual foundations of the scientific discipline. The study of the issue in question implies a wide cultural and interdisciplinary context of theoretical and practical rethinking of the subject and structure of the juridical science.*

A cultural-historical perspective in understanding law as a linguistic and cognitive reality, which is at the same time figurative, symbolic and conceptual, constitutes, in our opinion, the direction and approach to its research that facilitates understanding of actual meanings and values of law in various civilizational (discursive) practices of social intercourse.

The analysis of changes in the system of legal knowledge per se or in its subject, structure and the language of jurisprudence in the sociocultural context of certain historical epochs of the juridical science development

encourages determination of the fundamental role of the juridical science in the formation and development of the legal system as a whole.

Keywords: *subject and method of jurisprudence, conceptualization of law, classical and modern jurisprudence, legal picture of the world, historical grammar of law and order, legal concept of reality, network ontology and epistemology of law.*

REFERENCES

1. *Andrianov N. V. Vosproizvodstvo prava kak problema semiotiki prava [Reproduction of law as the problem of semiotics of law]. Postklassicheskaya ontologiya prava [Post-classical ontology of law]. I.L. Chestnov (Ed.). St.Petersburg, 2016.*
2. *Baranov V. M. Entsiklopedia jurisprudentsii — Integrativnoie razvitie obshchei teorii prava i gosudarstva [Encyclopedia of Jurisprudence — integrative development of the theory of law and the state]. Teoriya gosudarstva i prava v nauke, obrazovanii b praktike: monographiya [The theory of the State and law in the science, education and practice: A monograph]. M., 2016.*
3. *Bikbov A. Grammatika poryadka. Istoricheskaya sotsiologiya ponyatii, kotorye menyayut nashu realnost [Grammar of order. Historical sociology of concepts that change our reality]. M., 2014.*
4. *Valadez D. Yazyk prava i pravo yazyka [The language of law and the right of the language]. M., 2008.*
5. *Varlamova N.V. Rossiiskaya teoriya prava v poiskakh paradigmy [The Russian Theory of Law in Search of the Paradigm]. Journal of Russian Law. No. 12, 2009.*
6. *Vlasenko N. A. Yazyk prava [The Language of Law]. Irkutsk. 1997.*
7. *Grafsky V. G. Integral'naya (sintezirovannaya) jurisprudentsiya: aktual'nyi i vse eshche nezavershennyi proekt [Integral (synthesized) jurisprudence: A current and still unfinished project]. Pravovedeniye Publ., No. 3, 2000.*
8. *Kachanov Yu. L. Epistemologiya socialnoy nauki [Epistemology of the social science]. M., 2007.*
9. *Lazarev V. V. Istoki integrativnogo ponimaniya prava [The origins of an integrative understanding of law]. Nash trudnyi put' k ponimaniyu prava: materialy filosofsko-pravovykh chteniy pamyati akademika V.S. Nersesyantsa [Our Difficult Way to Law: Proceedings of Philosophical and Legal Readings in Memory of Academician Vladik S. Nersesyants]. M., 2016.*
10. *Lipen S. V. Osnovnye metodologicheskie traditsii v razvitii juridicheskoi nauki [The main methodological traditions in the development of the juridical science]. Problemy istorii, metodologii i teorii juridicheskoi nauki: monografia [Problems of history, methodology and the theory of the juridical science: A monograph]. A.V. Kornev (Ed.). M., 2017.*
11. *Lukasheva E. A. Obshchaya teoriya prava i mnogoaspektnyi analiz pravovykh yavlenii [The general theory of law and a multidimensional analysis of legal phenomena]. Sovetskoye gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]. No. 4. 1975.*
12. *Martyshin O. V. Sovmestimy li osnovnye tipy ponimaniya prava? [Are the basic types of understanding law compatible?]. Gosudarstvo i pravo [The State and Law]. No. 6. 2003.*
13. *Medushevskiy A. N. Kognitivnaya teoriya prava i juridicheskoye konstruirovaniye realnosti [The cognitive theory of law and legal construction of reality]. Sravnitel'noe Konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]. 2011. No. 5.*
14. *Nemytina M. V. Tsivilizatsionno-kul'turnyi podhod v prave [A civilization-cultural approach in law]. Vestnik universiteta im. O.E.Kutafuna [Currier of the Kutafin Moscow State Law University]. (MSAL). Iss. Comparative Law. No. 4 (32). 2017.*
15. *Nersesyants V. S. Pravo: mnozhestvo opredelenii prava i edinstvo ponyatiya [An array of definitions of law and the unity of the concept]. Sovetskoye gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]. No. 5. 1972.*
16. *Polyakov A. V. Entsiklopedia prava ili integralnaya jurisprudentsiya? [Encyclopedia of law or integral jurisprudence?]. Pravovedenie Publ. No. 4. 2012.*
17. *Radko T. N., Medvedev N. G. Pozitivizm kak nauchnoie nasledie i perspektiva razvitiya prava Rossii [Positivism as scientific heritage and perspective for the development of law of the Russian Federation]. Gosudarstvo i pravo [The State and Law]. No. 3. 2005.*

18. *Chestnov I. L.* Postklassicheskaya metodologiya issledovaniya prava kak otvet na krizis jurisprudentsii [Post-classical methodology of law research as a response to the crisis of jurisprudence]. *Krizis prava. Istoriya i sovremennost'.* [Crisis of law. History and modernity]. St.Petersburg. 2018.
19. *Chestnov I. L.* Predmet teorii prava s pozitsii postklassicheskoi epistemologii [The subject of the theory of law from the standpoint of post-classical epistemology]. *Teoria gosudarstva i prava v nauke i praktike: monografiya* [The theory of the State and law in the science, education and practice: A monograph]. M., 2016.
20. *Timoshina E. V.* Nekotorye itogi i perspektivy diskussii ob integral'nom pravoponimanii [Some outcomes and perspectives of discussion concerning integral understanding of law]. *Enciklopedia prava ili integral'naya jurisprudencia?* [Encyclopedia of law or integral jurisprudence?]. *Problemy izucheniya i prepodavaniya: materialy sed'mykh filosofsko-pravovykh chtenii pamyati akademika V. S. Nersesyantsa* [Problems of studying and teaching: Proceedings of the VII philosophic and legal readings in memory of Academician Vadik S. Nersesyants]. V.G. Grafskiy (Ed.). M., 2013.
21. *Shevtsov Sergey.* *Metamorfozy prava: pravo i pravovaya traditsiya* [Metamorphoses of Law: law and the legal tradition]. M., 2014.

ФОРМЫ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В современной юридической науке в качестве существующих форм (источников) права в российской правовой системе называются как традиционные их виды, так и те, правовая природа которых неоднозначна. Рассмотрены известные правовым системам мира формы права и предложено авторское видение их правового положения в российской правовой системе. Называются факторы, от которых зависит состав форм права в той или иной правовой системе.

Все существующие формы права применительно к современной правовой системе России отнесены к одной из трех групп: формы права, официально признаваемые государством (правовой обычай, нормативный правовой акт, нормативный договор); формы права, официально не признаваемые государством (религиозные нормы, правовая доктрина, индивидуальные правовые акты, индивидуальные договорные акты, правосознание, правовая культура); формы права, правовой статус которых официально не определен, неоднозначно воспринимается ученым сообществом и практическими работниками (юридический прецедент, юридическая практика, акты толкования права, общепризнанные принципы и нормы международного права).

Существующая ограниченность официально признаваемых форм права объяснима длительным преобладанием в отечественной юриспруденции доктрины позитивизма, гармонично сочетавшейся с марксистско-ленинской теорией права. В свою очередь, распространенность и привилегированное положение нормативного правового акта неизбежно привели к «огосударствлению права».

По мере укрепления демократических основ в обществе и государстве возможно и даже целесообразно расширение официально признаваемых источников права, принимаемых различными, в том числе негосударственными, субъектами. Указываются некоторые условия, при которых допустимо и оправданно увеличение состава форм российского права.

Ключевые слова: формы права, источники права, правовой обычай, религиозные тексты (нормы), нормативный правовой акт, правовая доктрина, нормативный договор, юридический прецедент (судебный, административный), юридическая практика (судебная и административная), индивидуальные правовые акты, индивидуальные договорные акты, акты толкования права, общепризнанные принципы и нормы международного права, правосознание, правовая культура.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.023-036

ВВЕДЕНИЕ

Одним из самых дискуссионных вопросов в теории права по-прежнему является проблема

определения способов внешнего выражения правовых предписаний, соотношения понятий «источник» и «форма права», а также установление самого круга форм (источников) права.

© Злобин А. В., 2018

* Злобин Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (СГЮА)

zlobin_a@mail.ru

410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Как известно, внешнее выражение права — это фиксация воле государственной воли; способы объективирования юридических правил поведения, которые отличаются большим разнообразием. «Формы внешнего выражения права имеют богатую историю — от казуистических предписаний, зафиксированных на камне, коже или бересте, до современных, логически выверенных и грамматически точных системных правовых актов, отраженных на электронных носителях правовой информации»¹.

Относительно соотношения таких тесно взаимосвязанных понятий, как источник и форма права, следует отметить, что дискуссия об их соотношении длится уже несколько десятилетий и существует два традиционных подхода: отождествления² и несовпадения³.

Говоря о соотношении формы и источника права, М. Н. Марченко полагает, что традиционные подходы (отождествления и несовпадения) отличаются односторонностью, слишком прямолинейны и не соответствуют реальному положению вещей⁴. Автор различает рассматриваемые явления и исходит из понятия и содержания форм и источников права, а также из характера их взаимоотношений, отмечая, что «в одних отношениях форма и источник права могут совпадать друг с другом и рассматриваться как тождественные, в то время как в других отношениях они могут значительно отличаться друг от друга и не могут считаться тождественными»⁵.

Что же касается состава форм (источников) права, то тут можно отметить следующее:

- *во-первых*, в правовых системах мира существует большое разнообразие форм права;
- *во-вторых*, круг источников права зависит от подхода к пониманию самого права (правовой нормы), решения проблемы правопонимания;
- *в-третьих*, набор источников права конкретной национальной правовой системы

во многом predetermined ее принадлежностью к той или иной правовой семье;

- *в-четвертых*, формы права развиваются и совершенствуются вместе с эволюцией государства и права;

- *в-пятых*, значимость каждого из признаваемых в определенном государстве источников права, их регулятивная роль и иерархия, могут меняться на разных этапах развития общества, государства, права.

Говоря о современной правовой системе России в связи с рассмотрением источников права, на наш взгляд, необходимо отметить, что среди всего их многообразия есть: а) формы права, официально признаваемые государством; б) формы права, не являющиеся таковыми в настоящее время и в) формы права, правовой статус которых официально не определен, неоднозначно воспринимается ученым сообществом и практическими работниками.

ФОРМЫ ПРАВА, ОФИЦИАЛЬНО ПРИЗНАВАЕМЫЕ ГОСУДАРСТВОМ

К этой группе относятся: правовой обычай, нормативный правовой акт, договор с нормативным содержанием.

Правовой обычай — древнейший, исторически и фактически первый источник права, занимающий в настоящее время незначительное место (влияние) в механизме правового регулирования общественных отношений, хотя и характерен для многих (большинства) отраслей права (гражданского, семейного, конституционного, муниципального, налогового, земельного, экологического, международного и др.).

Так, например, согласно Гражданскому кодексу РФ «обычаем признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством прави-

¹ Кулапов В. Л. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие. Саратов : Изд-во Саратовской гос. академии права, 2006. С. 211.

² См., например: Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М. : Право и государство, 2005. С. 66—67.

³ См., например: Лучин В. О., Мазуров А. В. Указы Президента Российской Федерации: общая характеристика // Указы Президента Российской Федерации. Основные социальные и правовые характеристики. М. : Юнити-Дана, 2000. С. 11.

⁴ Подробнее об этом см.: Марченко М. Н. Источники права : учеб. пособие. М. : ТК Велби ; Проспект, 2005. С. 55—58.

⁵ Марченко М. Н. Указ. соч. С. 57.

ло поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе» (ч. 1 ст. 5 ГК РФ).

Нормативный правовой акт — самый распространенный источник права современности и основной в отечественной правовой системе. При этом в действующем законодательстве по-прежнему отсутствует определение понятия «нормативный правовой акт». Законодатель в постановлении Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 11 ноября 1996 г. № 781-II ГД «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации»⁶ исходит из принятого его понимания в юридической доктрине: «нормативный правовой акт — это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм» (п. 2).

Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части»⁷ называются существенные признаки, характеризующие нормативный правовой акт: «издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений» (п. 9).

Поскольку вопрос о нормативных правовых актах, их видах является весьма обширным и даже необъятным, то представляется, что излагать его в рамках данной работы нецелесообразно. Скажем лишь, что все нормативные правовые акты по юридической силе делятся на две большие группы: законодательные и подзаконные; последние могут приниматься (издаваться) на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном и локальном).

Нормативный договор (договор с нормативным содержанием) — это соглашение равноправных сторон (как правило, субъектов правотворчества), содержащее нормы права, где хотя бы одной из сторон выступает государство (субъект, реализующий публичные интересы).

Нормативный договор как источник права получил распространение в международном (публичном), конституционном, административном, муниципальном (договоры о компетенции в сфере местного самоуправления), трудовом, гражданском праве.

Возможность заключения международных договоров предусмотрена Конституцией РФ: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» (ч. 4 ст. 15), регламентирована Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»⁸ (далее — Закон о международных договорах) и в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров 1963 г.⁹

Согласно Закону о международных договорах видами последних являются межгосударственные¹⁰, межправительственные

⁶ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 11 ноября 1996 г. № 781-II ГД «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5506.

⁷ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» (ред. от 9 февраля 2012 г.) // Российская газета. 2007. 8 дек.; 2012. 17 февр.

⁸ См.: Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (ред. от 12 марта 2014 г.) // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757; 2014. № 11. Ст. 1094.

⁹ См.: Венская конвенция о праве международных договоров (заключена в Вене 23 мая 1969 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772. В соответствии со ст. 84 данный документ вступил в силу с 27 января 1980 г. Для СССР документ вступил в силу с 29 мая 1986 г.

¹⁰ См., например: Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства». Ратифицирован Федеральным законом от 2 января 2000 г. № 25-ФЗ // Российская газета. 2000. 29 янв. Вступил в силу 26 января 2000 г.; Протокол от 16 декабря 2011 г. «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.». Ратифицирован Федеральным законом от 21 июля 2012 г. № 126-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 37. Ст. 4986. Вступил в силу 22 августа 2012 г.

договоры¹¹ и договоры межведомственного характера¹² (ч. 2 ст. 3).

Конституционно-правовыми договорами являются Федеративный договор¹³, договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ¹⁴.

В административном праве нормативными договорами можно назвать договоры (соглашения), заключаемые между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ. Согласно действующему законодательству передача части полномочий между указанными субъектами может осуществляться в обоих направлениях.

Так, Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»¹⁵ закрепляет, что:

а) «Правительство Российской Федерации по соглашению с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации может передавать им осуществление части своих полномочий, если это не противоречит Конституции Российской Федерации, настоящему Федеральному конституционному закону и федеральным законам» (ч. 2 ст. 13);

б) «Правительство Российской Федерации осуществляет полномочия, переданные ему органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации на основании соответствующих соглашений» (ч. 3 ст. 13).

Нормы Федерального конституционного закона о Правительстве РФ фактически дублируют Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹⁶: «В соответствии с Конституцией Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации могут по взаимному соглашению передавать друг другу осуществление части своих полномочий, если это не противоречит Конституции Российской Федерации, настоящему Федеральному закону и другим федеральным законам» (ч. 6 ст. 1).

Также следует отметить, что в Федеральном законе от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ред. от 29 июля 2017 г.) имеется специальная глава — гл. IV.1 «Общие принципы разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта Российской Федерации», содержащая, в частности, принципы, основания, условия и порядок заключения договоров о разграничении полномочий (ст. 26.7), заключения соглашений (ст. 26.8).

Развитие этих законодательных норм по данному вопросу находит свое отражение и в подзаконных нормативных правовых актах¹⁷.

¹¹ См., например: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Норвегия об упрощении порядка взаимных поездок жителей приграничных территорий Российской Федерации и Королевства Норвегия (заключено в г. Осло 2 ноября 2010 г.) (ред. от 20 января 2016 г.) // СЗ РФ. 2012. № 33. Ст. 4622 ; 2017. № 18. Ст. 2679.

¹² См., например: Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (подписан в г. Варшаве 16 сентября 1996 г. Ратифицирован Федеральным законом от 13 июля 2001 г. № 96-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 634. Вступил в силу 18 февраля 2002 г.

¹³ См., например: Федеративный договор от 31 марта 1992 г. «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» // Федеративный договор: Документы. Комментарий. М., 1994.

¹⁴ См., например: Договор Российской Федерации и Республики Татарстан о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан (подписан в г. Москве 15 февраля 1994 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1994. № 6.

¹⁵ См.: Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (ред. от 28 декабря 2016 г.) // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5712 ; 2017. № 1 (ч. I). Ст. 3.

¹⁶ СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005 ; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4829.

¹⁷ См., например: постановление Правительства РФ от 8 декабря 2008 г. № 924 «О порядке заключения и вступления в силу соглашений между федеральными органами исполнительной власти и исполнитель-

Существование договорных актов в муниципальном праве предусмотрено нормативными правовыми актами различных уровней. Так, например, согласно Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹⁸ органы местного самоуправления муниципального района и органы местного самоуправления отдельных поселений, входящих в состав муниципального района, вправе заключать соглашения друг с другом о передаче осуществления части своих полномочий по решению вопросов местного значения за счет соответствующих межбюджетных трансфертов, предоставляемых в соответствии с Бюджетным кодексом РФ (п. 1 и 2 ч. 4 ст. 15).

Заключение договоров и соглашений органами местного самоуправления между собой (а также с общественными организациями) предусматривается также на муниципальном уровне: основным правовым актом муниципального образования — уставом¹⁹, специальным правовым актом²⁰.

В соответствии с трудовым законодательством регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений может осуществляться в договорном порядке. Договорными источниками трудового права являются коллективный договор²¹ и соглашение²².

В обозначенной области отношений в стране действует Конвенция Международной организации труда о коллективных договорах²³, утвержден макет такого договора²⁴, а в Трудовом

ными органами государственной власти субъектов Российской Федерации о передаче ими друг другу осуществления части своих полномочий» (вместе с Правилами заключения и вступления в силу соглашений между федеральными органами исполнительной власти и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации о передаче ими друг другу осуществления части своих полномочий) (ред. от 11 февраля 2016 г.) // СЗ РФ. 2008. № 50. Ст. 5953 ; 2016. № 8. Ст. 1114 ; приказ Минюста России от 10 августа 2016 г. № 182 «Об утверждении примерных форм соглашения между федеральным органом исполнительной власти и высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации о передаче высшему исполнительному органу государственной власти субъекта Российской Федерации осуществления части полномочий федерального органа исполнительной власти, соглашения между федеральным органом исполнительной власти и высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации о передаче федеральному органу исполнительной власти осуществления части полномочий высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации» (зарегистрирован в Минюсте России 15 августа 2016 г. № 43226) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

¹⁸ См.: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 29 июля 2017 г.) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822 ; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4828.

¹⁹ См., например: Устав Энгельсского муниципального района Саратовской области (принят на референдуме 22 декабря 1996 г.) (ред. от 27 июля 2017 г.). Ст. 80 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См., например: решение Собрания депутатов Энгельсского муниципального района от 27 ноября 2014 г. № 737/83-04 «Об утверждении Порядка заключения соглашений с органами местного самоуправления поселений, входящих в состав Энгельсского муниципального района» (ред. от 22 декабря 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ См., например: Коллективный договор открытого акционерного общества «Российские железные дороги» на 2017—2019 годы (заключен в г. Москве 9 ноября 2016 г.) (ред. от 19 июля 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

²² См., например: Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2014—2016 годы (с изм. от 29 декабря 2016 г.) // Российская газета. 2013. 30 дек. ; 2016. 29 дек.

²³ См.: Конвенция № 98 Международной организации труда «Относительно применения принципов права на организацию и заключение коллективных договоров» (принята в г. Женеве 1 июля 1949 г. на 32-й сессии Генеральной конференции МОТ) (ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1956 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 19. М., 1960. С. 292—297.

²⁴ См.: Макет коллективного договора (утв. Минтрудом РФ 6 ноября 2003 г.) // Бюллетень Минтруда РФ. 2003. № 11.

кодексе РФ содержится дефиниция коллективного договора (соглашения), определяются их виды, содержание, структура, порядок заключения и действия (гл. 7 ТК РФ).

В литературе отмечается, что нормативный договор является также источником гражданского права. «В области гражданского права нормативно-правовое значение имеют публичные договоры, которые заключаются коммерческой организацией в сфере розничной торговли, оказания транспортных и медицинских услуг, электроснабжения и т.д. с клиентами в типовой форме»²⁵.

В этой связи нормативными договорами (содержащими общие правила нормативного характера) в гражданском праве можно назвать: концессионные²⁶ и инвестиционные соглашения²⁷, публичный договор (ст. 426 ГК РФ), рамочный договор (ст. 429.1 ГК РФ).

Также следует отметить, что в гражданском праве роль договорных начал (в том числе нормативно-правовых) увеличивается с развитием рыночных отношений. Сказанное в полной мере относится и к трудовому праву, как, впрочем, и ко многим другим отраслям права. «Значительное возрастание доли договорных норм в общем числе норм современного российского права стало одной из его достопримечательных черт, отражающих процессы дальнейшего развития федеративного устройства государства, расширения сфер действия частного правового метода в гражданском обществе, углубления демократизма и правового регулирования в целом»²⁸.

ФОРМЫ ПРАВА, ОФИЦИАЛЬНО НЕ ПРИЗНАВАЕМЫЕ ГОСУДАРСТВОМ

Данную группу форм права составляют источники, на наш взгляд, не являющиеся таковыми в России в настоящее время: религиозные тексты (нормы), правовая доктрина, индивидуаль-

ные правовые акты, индивидуальные договорные акты, правосознание, правовая культура и, возможно, другие.

Старейшим и главным источником права в древности являются *религиозные тексты (нормы)*, утратившие, однако, на сегодня свое главенствующее значение. В то же время и сегодня во многих странах действуют (как правило, вместе со светским правом) религиозно-правовые системы: индуистское право, иудейское право, христианское право, мусульманское право и др.

Религиозные нормы содержатся в священных писаниях (книгах) — Ведах, Торе, Библии, Коране и других источниках, которые путем толкования могут быть разъяснены, дополнены богословами и правоведами и представлены в новых религиозных книгах.

В современной России, являющейся светским государством (ст. 14 Конституции РФ), разумеется, не может быть никаких религиозных источников права. Однако так было не всегда, например, в Древнерусском праве действовали церковные уставы Владимира Святославовича, Ярослава Владимировича, Всеволода и других князей (X—XI вв.). Прямой предпосылкой их появления стало введение христианства на Руси, потребовавшее указания границ непосредственного действия рецепированного права, в том числе канонического²⁹.

Как форма права *правовая доктрина* — это труды авторитетных ученых-юристов и практиков или общепризнанные правовые учения, призванные восполнять пробелы и устранять противоречия (неясности), на которые можно официально ссылаться в процессе правоприменения.

Правовая доктрина долгое время оставалась типичным источником права в правовых системах романо-германского и англосаксонского права, а в религиозных правовых семьях играет значительную роль и сегодня.

²⁵ Малько А. В., Саломатин А. Ю. Формы (источники) права (Тема 13) // Теория государства и права : учеб. пособие / предисл. А. Г. Лисицина-Светланова. 2-е изд. М. : РИОР ; Инфра-М, 2013. С. 131.

²⁶ См.: Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) «О концессионных соглашениях» // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3126 ; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4828.

²⁷ См.: Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ (ред. от 26 июля 2017 г.) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1096 ; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4754.

²⁸ Байтин М. И. Указ. соч. С. 259—260.

²⁹ Подробнее об этом см.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. 7-е изд. Киев-Пг. : Н. Я. Оглоблин, 1915. С. 94 и след.

Правовую доктрину, как и любую другую, можно делить на научную и официальную.

Традиционно юридическая доктрина в отечественной юриспруденции не признается источником права большинством ученых. Это объясняется тем, что в Советском государстве юридическую силу имели только акты, исходящие от государства, а также тем, что до последнего времени не уделялось должного внимания природе правовой доктрины. В демократической России все больше правоведами высказываются за рассмотрение доктрины официальным источником права и настаивают на этом³⁰.

Конституция РФ признает идеологическое многообразие, и никакая идеология не является господствующей, официальной (признанной государством) или общеобязательной (ч. 1 и 2 ст. 13).

Следует, однако, оговориться, что в нашем государстве существуют официально утвержденные доктрины (например, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации³¹). Такие доктрины представляют собой систему официальных взглядов в определенной сфере и, несмотря на официальный характер, их вряд ли можно расценивать как источник права, так как они являются скорее программными документами, могут содержать дефиниции, но в них отсутствуют нормативно-правовые положения.

Несмотря на то, что правоприменитель может использовать положения, выработанные доктриной, и она может занимать важное место в обеспечении единообразного регулирования общественных отношений, представляется все же, что вряд ли правовую доктрину можно рассматривать в качестве формы права.

Индивидуальный (правореализационный) правовой акт — это правовой акт, содержащий одностороннее индивидуальное решение правомочного субъекта, обеспечивающий реализацию нормативных предписаний в связи с конкретным делом.

Поскольку индивидуальные правовые акты не содержат общих правил, они не могут признаваться источником права. Это в общем соответствует нормативному пониманию права, долгое время господствовавшему в нашей стране, хотя, например, нормативистская теория Г. Кельзена включает в понятие права «индивидуальные нормы» (судебные решения, административные распоряжения), которые должны соответствовать основной норме³².

Однако с позиций широкого правопонимания индивидуальные акты могут считаться правом. Так, например, Д. А. Керимов в понятие права включает, наряду с иными элементами, «правовые предписания, имеющие как нормативный, так и ненормативный характер»³³.

Индивидуальный договорный акт, как и любой другой договор, «есть правовой акт, оформляющий выражение обособленных согласованных волеизъявлений субъектов права»³⁴. Основными его характеристиками являются: определенность адресата, определенность прав и обязанностей сторон, однократность применения, прекращение действия акта после его реализации.

Индивидуальные договоры занимают значительное место среди всех правовых актов, играют весьма существенную роль в системе средств правового регулирования. Наиболее обстоятельно на законодательном уровне основные параметры индивидуального договора представлены и закреплены в отношении, пожалуй, самой распространенной их разновидности — гражданско-правового договора: дается его общее определение, называются его разновидности и форма, условия и порядок его заключения, а также основания и порядок изменения и расторжения и т.д. (гл. 27—29 ГК РФ).

Являясь особой разновидностью индивидуальных правовых актов, индивидуальные договоры также не содержат нормативных предписаний, а следовательно, не могут считаться формой права. Однако относительно природы

³⁰ См., например: Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. А. В. Малько. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 216—219 (§ 3 гл. 10, автор — Р. В. Пузиков).

³¹ См.: Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

³² См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. С. 290.

³³ Керимов Д. А. Понятие и определение права // Философские основания политико-правовых исследований. М. : Мысль, 1986. С. 193—194.

³⁴ Иванов В. В. К вопросу об общей теории договора // Государство и право. 2000. № 12. С. 73.

договорных актов рассматриваемой группы существуют различные точки зрения.

Традиционно по общему правилу индивидуальные договоры рассматривают как юридические факты; также авторы (преимущественно ученые-цивилисты) рассматривают их как основания для возникновения правоотношения (либо само правоотношение), акт индивидуального правового регулирования, акт нормотворчества (реже правотворчества)³⁵.

Представляется, однако, что, исходя из современных юридических реалий и правовой позиции законодателя, можно согласиться со сторонниками непризнания индивидуального договорного акта в качестве формы права. «Что же касается вопроса о правовом характере индивидуальных договоров и содержащихся в них норм, а также о признании такого рода договоров в качестве источников гражданского или любой иной отрасли права, то для этого нет никаких — ни формальных, ни фактических оснований»³⁶.

Правосознание как одна из форм общественного сознания есть «совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей, социальных общностей к желаемому и действительному праву»³⁷, его роль в правотворчестве «заключается прежде всего в том, что сознание в форме правовой идеологии выступает ведущей детерминантой современного правообразования»³⁸.

Несмотря на тесную взаимосвязь права и правосознания, между ними нет тождества. При этом в литературе отмечалось, что «в условиях революционного перехода от одной формации к другой и соответствующей смены исторических типов права правовая идеология победившего класса и — что особо примечательно — массовое революционное правосознание замещают собственно право, являются базой всего юридического регулирования»³⁹.

В подтверждение сказанного заметим, что в первые годы существования Советского государства одним из источников права Декретом «О суде» было объявлено и правосознание:

«Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» (п. 5)⁴⁰.

Однако правовое сознание, будучи субъективным восприятием людей правовых явлений и процессов, вряд ли может рассматриваться в качестве формы права.

Сказанное в полной мере можно отнести и к такой сфере человеческой практики, как *правовая культура*, которую можно рассматривать как «совокупность норм, ценностей, правовых институтов, процессов и форм, выполняющих функцию социоправовой ориентации людей в конкретном обществе (цивилизации)»⁴¹, но не как форму права.

Таким образом, как представляется, можно согласиться с мнением, что «государство, формулируя юридические нормы, в первую очередь должно опираться на правосознание и правовую культуру народа, дифференцировать и стимулировать лучшие их образцы, стремиться не к абстрактно-оторванному от жизни и духа страны “творчеству” закона, а объективированию в действующем праве уже интегрированных в общественное сознание эталонов и регуляторов поведения»⁴².

ФОРМЫ ПРАВА, ПРАВОВОЙ СТАТУС КОТОРЫХ ОФИЦИАЛЬНО НЕ ОПРЕДЕЛЕН

В третью группу можно отнести формы права, статус которых официально является неопределенным: юридический прецедент (судебный, административный), юридическая практика (судебная и административная практика), акты толкования права, общепризнанные принципы и нормы международного права и, возможно, другие.

Правовой прецедент — это решение органа государственной власти (суда или администра-

³⁵ Подробнее об см.: Марченко М. Н. Указ. соч. С. 298 и след.

³⁶ Марченко М. Н. Указ. соч. С. 310—311.

³⁷ Проблемы теории государства и права : учебник. С. 136 (§ 1 гл. 7, автор — Т. В. Синюкова).

³⁸ Указ. соч. С. 146 (§ 1 гл. 7, автор — Т. В. Синюкова).

³⁹ Алексеев С. С. Общая теория права : курс : в 2 т. М. : Юрид. лит., 1981. Т. 1. С. 208.

⁴⁰ См.: Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50 (утратил силу).

⁴¹ Проблемы теории государства и права : учебник. С. 151 (§ 4 гл. 7, автор — Т. В. Синюкова).

⁴² Указ. соч. С. 146 (§ 4 гл. 7, автор — Т. В. Синюкова).

тивного органа) по конкретному судебному или административному делу, выступающее (обязательным) образцом (нормой) при последующем рассмотрении аналогичных дел нижестоящими органами.

В российской правовой системе (как и ранее в советской) юридический прецедент не признается официально источником права. Однако в современных условиях в Российской Федерации в специальной литературе отмечается тенденция к такому признанию, имеются и соответствующие работы⁴³. Отмечается, что «отношение к судебному прецеденту в литературе остается неоднозначным, но в последнее время все же превалирует точка зрения, что его пора узаконить»⁴⁴, и приводится ряд работ.

Сторонники признания прецедента (судебного) в качестве источника права, как правило, называют им решения высших судебных инстанций: Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ (раньше также Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ). «Применительно к правовой системе России судебская правовая норма, аргументация, правовая позиция содержатся в мотивировочной или резолютивной части судебного решения Конституционного Суда РФ, а выработанные правовоположения — в постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ»⁴⁵.

Думается, что судебская норма права, действительно, может содержаться в резолютивной части решения Конституционного Суда РФ, но вряд ли можно согласиться, что норма имеется в мотивировочной части. Еще большее сомнение вызывает признание нормой права правовой позиции и аргументации суда вне зависимости от того, где они содержатся.

Что же касается актов Верховного Суда РФ, то они принимаются его Пленумом⁴⁶ и одно-

значно являются актами толкования права, равно как и правовая позиция и аргументация Конституционного Суда РФ.

В этой связи можно согласиться с мнением, что «законодательство без оговорок и господствующая доктрина, как правило, не признают решение судебного органа (даже высших инстанций) источниками права. Судебным актам традиционно отводится вспомогательная роль и не в нормотворчестве, а лишь в механизме правового регулирования»⁴⁷. Сказанное во многом справедливо и для административного прецедента.

Таким образом, при отсутствии сколько-нибудь конкретного законодательного определения судебного (административного) прецедента, представляется, что он в механизме правового регулирования занимает место индивидуально-правового или интерпретационного акта.

Близким к правовому прецеденту понятием является *юридическая практика*. Так, если под прецедентом понимается решение высших инстанций той или иной системы органов (судебных или административных), то практика — это объективированный результат юридической деятельности по единообразному применению закона.

Поскольку юридическая деятельность может проводиться в различных сферах и направлениях по поводу преобразования общественных отношений, то и вариантов соответствующих видов практики не меньше. О юридической практике как источнике права (чаще всего нетрадиционном) говорят в гражданском, трудовом, налоговом, административном, уголовном праве, арбитражно-процессуальном, гражданско-процессуальном, уголовно-процессуальном и т.д. В специальной научной литературе еще с советских времен существует немало работ, посвященных юридической (прежде всего судебной) практике⁴⁸.

⁴³ См., например: *Гурова Т. В.* Судебный прецедент как формальный источник права и его место в системе источников права России // Атриум. Межвузовский сборник научных статей. Серия «Юриспруденция». 1997. № 2. С. 6—9; *Дворникова О. А.* Административный прецедент в системе источников права: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 21 с.

⁴⁴ *Гук П. А.* Судебный прецедент как источник права / науч. ред. Н. И. Матузов. Пенза, 2003. С. 6.

⁴⁵ Теория государства и права : учебник / под ред. А. В. Малько и А. Ю. Саломатина. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Юридический центр, 2015. С. 181 (§ 2 гл. 12, автор — П. А. Гук).

⁴⁶ См., например: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 3 окт.

⁴⁷ Проблемы теории государства и права : учебник. С. 211 (§ 2 гл. 10, автор — Р. В. Пузиков).

⁴⁸ См., например: *Абрамян А. Г.* Административная практика как источник права // Право и государство: теория и практика. 2012. № 3 (87). С. 103—106; *Леушин В. И.* Юридическая практика в социалистичес-

Не вдаваясь в специфику видов юридической практики и точек зрения на ее природу, будем понимать под ней *деятельность компетентных субъектов по принятию правовых предписаний, взятую в совокупности с соответствующим социально-правовым опытом.*

Итогом юридической практики являются вырабатываемые ею наиболее целесообразные (оптимальные) варианты (образцы) разрешения типичных юридических дел, т.е. правовые положения — предписания общего характера. Материальным же воплощением подобных правовых положений можно назвать, например, обзоры Президиума Верховного Суда РФ⁴⁹, других органов.

В итоге можно сказать, что близость юридической практики с правовым прецедентом в значительной степени предопределяет и ее статус в механизме правового регулирования, а поскольку практика является более «опосредованным», «вторичным» явлением, нежели прецедент, то и признать ее формой права тем более проблематично.

Акт толкования права — правовой акт, содержащий разъяснения юридических норм и издаваемый компетентным субъектом.

Максимально приближенными к источникам права можно считать интерпретационные акты, издаваемые официально и являющиеся нормативными (общими). Нормативное толкование может быть аутентичным (авторским) и легальным (делегированным) и завершается вынесением соответствующего вида акта.

Аутентичный акт толкования принимает правотворческий субъект, т.е. автор. Причем очевидно, что «если тот или иной орган обла-

дает нормотворческой компетенцией, то, естественно, обладает и компетенцией толкования своих нормативных актов»⁵⁰.

Легальный же акт издает специальный субъект, который уполномочен на это правотворческим субъектом. Так, законодатель установил, что Конституционный Суд РФ дает толкование Конституции РФ⁵¹, которое является официальным и обязательным для всех субъектов (п. 4 ч. 1 ст. 3 и ч. 1 ст. 106 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁵²).

Поскольку в результате нормативного (как и любого другого) толкования не создается новой нормы права, а сам акт интерпретации не имеет самостоятельного значения и разделяет судьбу толкуемой нормы, то вряд ли он является формой права.

Общепризнанные принципы и нормы международного права — основополагающие нормы международного права, признаваемые большинством государств, обладающие универсальной сферой действия (по определенным видам отношений).

О том, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью российской правовой системы, свидетельствует Конституция РФ (ч. 4 ст. 15). «Принятие этой статьи свидетельствовало о том, что Россия прошла огромный эволюционный путь в осознании сути международного права и в решении вопроса о характере его отношений с внутренним правом России»⁵³.

Правовой статус общепризнанных норм и принципов международного права как составной части правовой системы России, их место среди источников права во многом зависят

ком обществе (гносеологический и специально-юридический аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1990. 369 с. ; *Морозова Л. А.* Еще раз о судебной практике как источнике права // Государство и право. 2004. № 1. С. 19—23 ; *Рожнов А. П.* Правоприменительная практика как нетрадиционный источник российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 31 с. ; Судебная практика в советской правовой системе / отв. ред. С. Н. Братусь. М. : Юрид. лит., 1975. 328 с.

⁴⁹ См., например: Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г.) (ред. от 26 апреля 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 2.

⁵⁰ *Тарасова В. В.* Акты судебного толкования правовых норм : Юридическая природа и классификация / под ред. М. И. Байтина. Саратов : Изд-во Саратов. гос. академии права, 2002. С. 19.

⁵¹ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 1 июля 2015 г. № 18-П «По делу о толковании статей 96 (часть 1) и 99 (части 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 8 июля.

⁵² См.: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 28 декабря 2016 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 1994. 23 июля ; 2017. 9 янв.

⁵³ *Марченко М. Н.* Указ. соч. С. 346.

от решения вопроса о характере взаимосвязи и взаимодействия международного и национального (внутригосударственного) права.

Прояснению этой ситуации могут способствовать анализ и уяснение существующих в отечественной и зарубежной литературе подходов, отражающих сложившиеся в конкретном обществе и государстве официальные и неофициальные представления об особенностях взаимоотношений национального и международного права. Относительно такого соотношения в научной литературе и государственно-правовой практике сложились и широко используются «три различных подхода — дуалистический и монистический в двух его взаимоисключающих вариантах»⁵⁴.

Оставив за пределами настоящей работы анализ существующих подходов соотношения⁵⁵, отметим, что приняты официальные правовые акты, посвященные общепризнанным принципам и нормам международного права. Так, например, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» определяет: «Судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах), и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы»⁵⁶.

Другое постановление Пленума Верховного Суда РФ содержит дефиниции общепризнанных принципов и норм международного права, называет их примеры: «Под общепризнанными принципами международного права

следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо. К общепризнанным принципам международного права, в частности, относятся принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств. Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. Содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений»⁵⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные формы (источники) права приведены в систему, которая, на наш взгляд, в большей степени отражает констатацию их статуса в нынешней российской правовой системе. Разумеется, представленный вариант классификации форм права не является единственно правильным и в определенной мере носит умозрительный характер.

Ограниченность официально признаваемых форм права можно объяснить длительным преобладанием в отечественной юриспруденции доктрины позитивизма, что вполне вписывалось в марксистско-ленинскую теорию права. Распространенность и привилегированное положение нормативного правового акта, в свою очередь, неизбежно привели к «огосударвлению права».

В настоящее время, естественно, представляется возможным и целесообразным признание в качестве формы российского права многого из рассмотренного выше, тем более что по факту некоторые из них таковыми и являются

⁵⁴ Марченко М. Н. Указ. соч. С. 330.

⁵⁵ Подробнее об этом см., например: Марченко М. Н. Указ. соч. С. 330 и след.

⁵⁶ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (ред. от 3 марта 2015 г.). П. 5 // Российская газета. 1995. 28 дек. ; 2015. 6 марта.

⁵⁷ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (ред. от 5 марта 2013 г.). Пп. 4—7 п. 1 // Российская газета. 2003. 2 дек. ; 2013. 13 марта.

(например, акт официального нормативного толкования).

В общем-то в качестве источников права мы готовы признать максимально широкий их круг, если при этом будут обеспечены: признание, гарантированность прав и свобод человека и гражданина, их эффективная защита; независимый суд; признание и гарантированность широкой возможности автономного нормативного регулирования взаимоотношений, прежде всего договорного характера, между негосударственными субъектами (гражданского общества); высокий авторитет правоприменителей (в особенности судов) всех видов и уровней и т.п.

Закономерностью можно признать следующее: чем более развиты институты и традиции гражданского общества и правового государства; чем больше отражены демократические начала в государственном управлении и проч., тем большее количество источников права можно признавать, тем менее они могут быть формализованными, «огосударствленными». Вряд ли, однако, можно считать оправданным параллельное существование двух правовых систем: государственного и религиозно-обычного права.

Законотворчеством можно признать следующее: чем более развиты институты и традиции гражданского общества и правового государства; чем больше отражены демократические начала в государственном управлении и проч., тем большее количество источников права можно признавать, тем менее они могут быть формализованными, «огосударствленными». Вряд ли, однако, можно считать оправданным параллельное существование двух правовых систем: государственного и религиозно-обычного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамян А. Г. Административная практика как источник права // Право и государство: теория и практика. — 2012. — № 3 (87). — С. 103—106.
2. Алексеев С. С. Общая теория права : курс в 2 т. — М. : Юрид. лит., 1981. — Т. 1.
3. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). — 2-е изд., доп. — М. : Право и государство, 2005. — 544 с.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — 7-е изд. — Киев-Пг : Н. Я. Оглоблин, 1915. — 715 с.
5. Гук П. А. Судебный прецедент как источник права / науч. ред. Н. И. Матузов. — Пенза, 2003. — 176 с.
6. Гурова Т. В. Судебный прецедент как формальный источник права и его место в системе источников права России // Атриум : межвузовский сборник научных статей. — Серия «Юриспруденция». — 1997. — № 2. — С. 6—9.
7. Дворникова О. А. Административный прецедент в системе источников права: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 21 с.
8. Иванов В. В. К вопросу об общей теории договора // Государство и право. — 2000. — № 12. — С. 73—79.
9. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. — СПб. : Алеф-Пресс, 2015. — 542 с.
10. Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. — М. : Мысль, 1986. — 332 с.
11. Кулапов В. Л. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие. — Саратов : Изд-во Саратовской государственной академии права, 2006.
12. Леушин В. И. Юридическая практика в социалистическом обществе (гносеологический и специально-юридический аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. — Свердловск, 1990. — 369 с.
13. Лучин В. О., Мазуров А. В. Указы Президента РФ. Основные социальные и правовые характеристики. — М. : Юнити-Дана, 2000. — 303 с.
14. Малько А. В., Саломатин А. Ю. Теория государства и права : учеб. пособие / предисл. А. Г. Лисицина-Светланова. — 2-е изд. — М. : РИОР ; Инфра-М, 2013. — 213 с.
15. Марченко М. Н. Источники права : учеб. пособие. — М. : ТК Велби ; Проспект, 2005. — 760 с.
16. Морозова Л. А. Еще раз о судебной практике как источнике права // Государство и право. — 2004. — № 1. — С. 19—23.
17. Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. А. В. Малько. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 592 с.
18. Рожнов А. П. Правоприменительная практика как нетрадиционный источник российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2003. — 31 с.
19. Судебная практика в советской правовой системе / отв. ред. С. Н. Братусь. — М. : Юрид. лит., 1975. — 328 с.

20. Тарасова В. В. Акты судебного толкования правовых норм : юридическая природа и классификация : монография / под ред. М. И. Байтина. — Саратов : Изд-во Саратов. гос. академии права, 2002. — 152 с.
21. Теория государства и права : учебник / под ред. А. В. Малько и А. Ю. Саломатина. 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Юридический центр, 2015.

Материал поступил в редакцию 2 марта 2017 г.

FORMS OF LAW IN MODERN RUSSIA

ZLOBIN Aleksandr Vladimirovich — PhD in Law, Associate Professor of the Department of the Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy (SSLA)
zlobin_a@mail.ru
410056, Russia, Saratov, ul. Volskaya, d. 1

Abstract. *In the modern juridical science, scholars name both traditional forms (sources) of law and the forms (sources) the legal nature of which as the existing forms (sources) of law in the legal system of Russia is equivocal. The paper scrutinizes the forms of law known to the legal systems of the world and provides the author's understanding of their legal status in the Russian legal system. Also, it names the factors on which the structure of the forms of law depend in the legal system in question.*

All the existing forms of law in relation to the modern legal system of Russia are classified as one of three groups: 1) forms of law formally recognized by the State (a legal custom, a normative legal act, a normative contract); 2) forms of law that are not formally recognized by the State (religious norms, legal doctrine, individual legal acts, individual contractual acts, legal consciousness, legal culture); 3) forms of law the legal status of which is not formally defined, and is ambiguously perceived by an academic community and practitioners (legal precedent, legal practice, acts of interpretation of law, general principles and norms of International Law).

The existing limitation of formally recognized forms of law is explained by long-term prevalence of the doctrine of positivism in the domestic jurisprudence that was harmoniously combined with the Marxist-Leninist theory of law. In turn, prevalence and a privileged position of the normative-legal act has inevitably led to "governmentalization of law" [ogosudarstvenie prava].

With the consolidation of democratic foundations in the society and the State, it is possible and even appropriate for the State to expand formally recognized sources of law that are adopted by various actors, including non-State actors. The paper specifies some conditions under which the increase in number of forms of law of the RF is permissible and justifiable.

Keywords: *forms of law, sources of law, legal custom, religious texts (norms), normative legal act, legal doctrine, normative contract, legal precedent (judicial, administrative), legal practice (judicial and administrative), individual legal acts, individual contractual acts, acts of interpretation of law, universally recognized principles and norms of International Law, legal consciousness, legal culture.*

REFERENCES

1. *Abramyan A. G. Administrativnaya praktika kak istochnik prava [Administrative courts practice as a source of law]. Pravo i gosudartvo: Teoriia i praktika [Law and the State: Theory and Practice]. M., Pravo i gosudarstvo [Law and and the State]. 2012. No. 3 (87). P. 103—106.*
2. *Alekseev S. S. Obshchaia teoria prava [A General Theory of Law]. In 2 vol. Vol 1. M. Jurid. lit. Publ., 1981. P. 206—208. 360 p.*
3. *Baytin M. I. Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov) [The essence of law (Modern normative understanding of law at the turn of the century)]. 2nd ed. supp. M. OOO ID "Pravo i Gosudarstvo" Publ., 2005. 544 p.*
4. *Vladimirskiy-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava [An overview of the history of Russian Law]. 7th ed. Kiev, Petrograd. N. Ya. Ogloblin Publ., 1915. 715 p.*

5. *Guk P. A.* Sudebnyi pretsedent kak istochnik prava [A court precedent as a source of law]. Matuzov N.I. (Ed.). Penza. 2003. P. 3—8. 176 p.
6. *Gurova T. V.* Sudebnyi pretsedent kak formalnyi istochnik prava i ego mesto v sisteme istochnikov prava Rossii [Judicial precedent as a formal source of law and its place in the system of sources of law of Russia]. Atrium. "Jurisprudentsia" Series. Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh statei [Inter-university collection of scientific articles]. Togliatti, 1997. No. 2. P. 6—9.
7. *Dvornikova O. A.* Administrativnyi precedent v sisteme istochnikov prava: teoretiko-pravovoe issledovanie [An administrative precedent in the system of sources of law: Theoretical and legal research. Abstract of the PhD Thesis (Law)]. M., 2009. 21 p.
8. *Ivanov V. V.* K voprosu ob obshchei teorii dogovora [The general theory of the Contract]. Gosudarsvo i pravo [The State and Law]. M. Nauka Publ. 2000. No. 12. P. 73—79.
9. *Kelzen H.* Chistoe uchenie o prave [Pure doctrine of law]. 2nd ed. Tr. from German by M.V. Antonova and S.V. Lyozova. St. Petersburg. OOO "Alef-Press" Publ., 2015. 542 p.
10. *Kerimov D. A.* Filosofskie osnovania politiko-pravovykh issledovaniy [Philosophical grounds of political and legal research]. M. Mysl Publ., 1986. 332 p.
11. *Kulapov V. L.* Problemy teorii gosudarstva i prava [Problems of the theory of the State and Law]. Study guide. Saratov. Saratov State Academy of Law Press, 2006. 378 p.
12. *Leushin V. I.* Juridicheskaya praktika v sotsialisticheskom obshchestve (Gnossiologicheskii i spetsialno-juridicheskii aspekt) [Court practice in socialist society (A gnosiological and special-legal aspect)]. Doctoral Dissertation (Law). Sverdlovsk, 1990. 369 p.
13. *Luchin V. O., Mazurov A. V.* Ukazy Prezidenta RF. Osnovnye sotsialnye i pravovye kharakteristiki [Decrees of the President of the RF. The main social and legal characteristics]. M., UNITI-DANA Publ., 2000. 303 p.
14. *Malko A. V., Salomatin A. Yu.* Teoria gosudarstva i prava [The theory of the State and Law]. A Study Guide. Forwarded by RAS Academician A.G. Lisitsyn-Svetlanov. 2nd ed., M. RIOR: INFRA-M Publ., 2013. P. 125—132. 213 p.
15. *Marchenko M. N.* Sources of modern Russian Law] (Section II). Sources of Law: A Study Guide. M. TK Welby, "Prospekt" Publ., 2005. P. 297—312. 760 p.
16. *Morozova L. A.* Eshche raz o sudebnoi praktike kak istochnike prava [Judicial practice as a source of law]. The State and Law. M., Nauka Publ., 2004. No. 1. P. 19—23.
17. Problemy teorii gosudarstva i prava [Problems of the theory of the State and Law]. Ed. by Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation A.V. Malko. M., Jurlitinform Publ. 2012. 592 p.
18. *Rozhnov A. P.* Pravoprimeritel'naya praktika kak netraditsionnyi istochnik rossiiskogo prava [Law enforcement practice as an untraditional source of Russian Law]: Abstarct of the PhD Thesis (Law): Saratov. 2003. 31 p.
19. Sudebnaya praktika v sovetskoj pravovoi sisteme [Court practice in the Soviet legal syste]. Bratus S.N. (Ed.). M., Jurid. lit. Publ. 1975. 328 p.
20. *Tarasova V. V.* Akty sudebnogo tolkovaniya pravovykh norm: Juridicheskaya priroda i klassifikatsiya [Acts of judicial interpretation of legal norms: Legal nature and classification]. M.I. Baitin (Ed.). Saratov. Saratov State Law Academy Press. 2002. 152 p.
21. Teoria gosudarstva i prava [The Theory of the State and Law]. textbook. Prof. A. V. Malko and Prof. A. Yu. Solomatin (eds.) 2nd ed., rev. St. Petersburg. "Yuridicheskii Tsentr" Publ. 2015. 420 p.

И. А. Кузьмин*

СПЕЦИФИКА ЧАСТНОПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. Динамичное развитие правовых систем побуждает исследователей концентрировать особое внимание на базовых категориях правоведения и переосмысливать их с учетом изменений в социально-гуманитарной реальности. Объективная необходимость обеспечения интересов государства и общества, с одной стороны, и частных интересов — с другой, предопределили существование относительно обособленных правовых общностей: публичного и частного права. Происходит актуализация вопроса о наличии специфических типов юридической ответственности, адаптированных для охраны публичных и частных интересов. Уникальный комплекс мер юридической ответственности под объединенным названием «частноправовая ответственность», изучаемый в теории и широко применяемый на практике, нуждается в непротиворечивом понимании юридическим сообществом, прежде всего с точки зрения природы и главного содержания. В статье представлен комплексный подход, раскрывающий особенности частного права и его основного охранительного средства — частноправовой ответственности. Исходя из анализа нормативной, научной, учебной и справочной литературы, правоприменительных позиций, автор приходит к мнению о самостоятельном значении и роли частноправовой ответственности в правовом регулировании. Рассмотрены цель установления и применения, сфера применения, формы проявления (виды), юридическое закрепление, фактическое основание, субъектный состав, форма и механизм реализации частноправовой ответственности. В процессе исследования были изучены вопросы о соотношении целей частного права и целей частноправовой ответственности, проникновении частноправовой ответственности в сферу публичного права, о взаимосвязи структуры частного права и видов частноправовой ответственности, о ее формах в зависимости от возможности конкретизации санкции в индивидуальном правовом договоре. Охарактеризовано содержание частноправового деликта как фактического основания ответственности, названы особенности первичных и производных субъектов частного права — участников правоотношений ответственности, а также выявлены специфические свойства реализации частноправовой ответственности в добровольном и принудительном порядке. По результатам проведенной работы сформулированы обобщенные выводы.

Ключевые слова: частное право, частноправовая ответственность, публично-правовая ответственность, особенности частноправовой ответственности, виды частноправовой ответственности, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, правовая позиция, правоприменительная практика, акты официального толкования права.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.037-052

Современные реалии развития международного и внутринационального права, практики его применения побуждают исследователей вновь обращаться к центральным

категориям правоведения и переосмысливать их на новом качественном уровне, адаптировать теоретические знания под общественные потребности. Объективное разграничение пра-

© Кузьмин И. А., 2018

* Кузьмин Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ
grafik-sovetnik@rambler.ru
664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, д. 1

вовой материи на публичное и частное право исходит из необходимости наиболее эффективного и органичного учета интересов общества и государства в целом, а также отдельных субъектов права, реализующих свои частные интересы во взаимодействии друг с другом. В конкретной правореализационной практике обеспечение публичных и частных интересов производится различными правовыми средствами, среди которых не последнее место занимает юридическая ответственность.

Специфика публично-правовой ответственности была рассмотрена автором ранее¹. В настоящем исследовании основное внимание будет уделено частноправовой ответственности (ответственности в частном праве). Для целей настоящей работы автор будет исходить из суждения о равном объеме категорий «частноправовая ответственность» и «ответственность в частном праве», осознавая условность такого тождества.

Справедливо заметить, что факт существования публично-правовой и частноправовой ответственности как самостоятельных видов или типов юридической ответственности является небесспорным. Так, Д. А. Липинский полагает, что вся концепция частноправового регулирования сводится к диспозитивному методу, равноправию сторон, кругу участников, а также регулируемым отношениям и частным интересам. Правовед замечает, что публично-правовой и частноправовой ответственности нет места в системе правового регулирования, деление не отвечает особенностям охранительных правоотношений, отсутствует независимый механизм воздействия у каждого из

пониманий ответственности, частноправовая ответственность выполняет публичные функции и многое другое. В результате он резюмирует, что «считая обоснованным деление системы права на частное и публичное, мы не считаем возможным и целесообразным классифицировать юридическую ответственность на публично-правовую и частноправовую»². Приводятся и иные критические аргументы, относительно перспектив обособления этих видов ответственности³.

Тем не менее мы считаем возможным признать наличие у частноправовой ответственности определенной специфики, которая вытекает из особенностей частного права, отражается в мерах, формах, порядке возложения и иных характеристиках этого типа ответственности. Как заметил в одном из своих постановлений⁴ Конституционный Суд РФ, гражданско-правовая ответственность в форме компенсации за нарушение интеллектуальных прав (будучи штрафной санкцией, преследующей в том числе публичные цели пресечения нарушений в сфере интеллектуальной собственности) является тем не менее частноправовым институтом, который основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений. Исходя из содержания целого ряда правовых позиций⁵, можно заметить, что существование потребности в сохранении баланса между публично-правовыми и частноправовыми интересами орган высшего конституционного контроля России признает достаточным основанием для разработки специальных правовых механизмов, что, в свою очередь, показывает ценность данного крите-

¹ См.: Кузьмин И. А. Специфика публично-правовой ответственности // Lex Russica. 2017. № 6.

² Липинский Д. А. Публично-правовая и частноправовая ответственность: есть ли основания для классификации // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 32.

³ См., например: Чиркин В. Е. Некоторые вопросы теории о юридических лицах публичного права в частном праве // Цивилист. 2013. № 2. С. 32—33.

⁴ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // Рос. газ. 23.12.2016.

⁵ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория»» // Рос. газ. 24.12.2014; постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2010 № 10-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е. В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы» // Рос. газ. 14.05.2010.

рия для дифференциации различных правовых явлений. Как отмечает Г. А. Прокопович, взаимодействие публичного и частного права носит диалектический характер, они разграничены, но проникают друг в друга, их оптимальное соотношение способствует обеспечению стабильности социума, создает базу для его существования и дальнейшего развития, причем частные отношения первичны по отношению к публичным⁶.

Обратившись к толковым словарям⁷, можно установить, что термин «частный» апеллирует к группе интересов отдельных индивидов и их коллективов. «Частный» означает личный, не общественный, не государственный, принадлежащий отдельному лицу, относящийся к личному индивидуальному владению, деятельности, хозяйству и вытекающим отсюда отношениям. Частное — это все то, что предназначено для пользования только одним человеком или небольшой группой людей, а не для общественного использования. На этой основе делаются выводы о закономерностях существования частного права и частноправовых отношений, предопределяющих характерные черты этой части общественной жизни.

Мы полагаем возможным обратиться к точке зрения Эндрю Дж. ван Мелсэна о наличии у человека осознания «что его ответственность требует развития науки, что он не может пренебрегать этим обстоятельством, но он не может знать наперед все новые и неожиданные виды ответственности, которые развитие возложит на его плечи»⁸. В. В. Кашин уточняет: «Принимая во внимание проблему выживания человеческого рода, ученый должен быть готов выйти за рамки узкого понимания ответственности... должен быть готов поставить под вопрос роль самого исследователя и его право на неограниченный поиск истины»⁹.

Если экстраполировать указанные воззрения, относящиеся к ответственности ученого за реальные и предполагаемые результаты своих исследований на юридическую ответственность как вид социальной ответственности, то напрашивается очевидный вывод о том, что абсолютное отрицание тех или иных видов/типов юридической ответственности (тем более при наличии объективных оснований) в корне противоречит интересам науки и практики.

По нашему мнению, ключевой критерий обособления публично-правовой и частноправовой ответственности — наличие у правоотношения ответственности своего специфического объекта, под которым можно понимать «принуждение правонарушителя к исполнению обязанности претерпеть меры юридической ответственности для обеспечения (защиты, восстановления) нарушенного правопорядка... состояние наказанности»¹⁰. Ю. Б. Шубникова и И. В. Андреянова в качестве объекта отношений ответственности рассматривают действия, которые должен совершить нарушитель по восстановлению нарушенного субъективного права или интереса (восстановлению изначального правового положения)¹¹. Позиция указанных авторов¹² также заключается в том, что частноправовые отношения ответственности основаны на возможности их выстраивания и реализации без непосредственного участия государства, но под его регулирующим воздействием (защитой, протекционизмом). То есть государство выступает в этих отношениях в качестве третьей независимой стороны (арбитра), к помощи которой стороны прибегают, когда не в состоянии достичь консенсуса во взаимодействии между собой. Сам же институт частноправовой ответственности выступает в виде правового оформления одного из звеньев механизма восстановления

⁶ См.: Прокопович Г. А. О системной модели юридической ответственности в публичном и частном праве // Современное право. 2010. № 1. С. 7.

⁷ См.: Толковый словарь русского языка : Ок. 7000 словар. ст. : Свыше 35 000 значений : Более 70 000 иллюстрат. примеров / под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003. С. 1515—1516 ; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 2006. С. 878 ; Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2013. С. 752.

⁸ См.: Andrew G. van Melsen. Science and Responsibility. Pittsburg, 1970. P. 87.

⁹ Кашин В. В. Типология ответственности // Изв. Оренбург. гос. аграрн. ун-та. 2006. Т. 2. № 10-1. С. 52.

¹⁰ Кузьмин И. А. Проблемы реализации юридической ответственности : моногр. Иркутск, 2015. С. 32.

¹¹ См.: Шубников Ю. Б., Андреянов И. В. Публично-правовая и частноправовая (гражданско-правовая) ответственность: родовые и видовые признаки // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 132.

¹² См.: Шубников Ю. Б., Андреянов И. В. Указ. соч. С. 135—136.

экономического паритета в обществе, является фактором воспроизводства и обеспечения хозяйственного оборота. Однако, как отмечает Б. И. Пугинский, ответственность в частном праве является малоэффективной и не оказывает ощутимого влияния на экономические отношения вследствие допущенных грубых просчетов в ее законодательной регламентации и организации применения¹³.

И. Г. Захаров предлагает целую систему критериев выделения юридической ответственности в частном праве:

- источники закрепления ответственности не ограничиваются в нормах права и могут быть установлены самими участниками частноправовых отношений в индивидуальных правовых договорах (односторонних правовых актах);
- ответственность не всегда основана на вине правонарушителя, в отдельных случаях может быть возложена независимо от критерия вины;
- для ответственности государственное принуждение характерно в меньшей степени (носит вспомогательный характер — когда иные способы добровольного исполнения обязанности исчерпаны);
- соответствие размера ответственности размерам правонарушения (проявляется ее компенсационный характер и цель — восстановление нормального развития нарушенного правоотношения)¹⁴.

Баланс ответственности в публичном и в частном праве Г. А. Прокопович предлагает строить на взаимответственности правовых существ с учетом чувств, мыслей и духовного настроения. Теоретическую модель ответственности, по ее мнению, можно выстроить только на основе исследований критерия интереса¹⁵

в комплексе взаимосвязей: «личность — коллектив — общество — государство — международная среда», который может стать основой конституционно-правовой системы. Вторым критерием данной модели является категория «ценность»¹⁶, позволяющая установить признаки частных и публичных интересов, составляющих индивидуальное и общее благо. Здесь же и возникает коллизия публичных и частных интересов по поводу доступа к ценностям, преодоление которой необходимо для построения системной модели ответственности в публичном и частном праве¹⁷. Г. А. Прокопович формулирует семь критериев, лежащих в основе дифференциации ответственности в праве: цель; статус субъектов правоотношения; характер и содержание мер; процедура применения мер; форма и способы правового закрепления; объекты и методы воздействия; уровни принятия правовых решений в рамках правоотношения¹⁸.

Таким образом, необходимость установления критериев описания частноправовой ответственности в юридической науке и практике становится очевидной. Мы предлагаем исследовать специфику этого вида ответственности исходя из семи особенностей: 1) цель установления и применения; 2) сфера применения; 3) формы проявления; 4) юридическое закрепление; 5) фактическое основание; 6) субъектный состав; 7) форма и механизм реализации.

1. Цель установления и применения частноправовой ответственности. Цель в праве является философской категорией, лежащей в основе познавательного процесса закономерностей создания, реализации, развития и совершенствования права¹⁹. Как верно заметил Н. И. Матузов, цель в праве обладает теоретическим и практическим значением, по-

¹³ См.: Пугинский Б. И. Проблемы ответственности в частном праве // Вестник Моск. ун-та. Серия 11 «Право». 2010. № 4. С. 14.

¹⁴ См.: Захаров И. Г. Юридическая ответственность в частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 6—9.

¹⁵ Подробнее см.: Юрковский А. В., Туgutова Д. А. Исследование правовой категории «интересы» во взаимосвязи с правовыми категориями «нужда» и «потребность»: на примере Российской Федерации и государств Северо-Восточной Азии // Современная научная мысль. 2016. № 2. С. 254—263.

¹⁶ Подробнее см.: Юрковский А. В. Право как ценность и ценности в праве // Социология и право. 2016. № 2. С. 95—101.

¹⁷ См.: Прокопович Г. А. О системной модели юридической ответственности в публичном и частном праве // Современное право. 2010. № 1. С. 9.

¹⁸ См.: Прокопович Г. А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2010. С. 10, 17—19.

¹⁹ Подробнее см.: Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 367.

скольку она связана с выявлением социального назначения и роли права в жизни общества, его эффективностью и разработкой (изучением) наиболее оптимальных форм правового воздействия на общественные отношения²⁰. К. В. Шундииков, фактически конкретизируя обозначенные позиции, под целью в праве видит предполагаемую и гарантированную государством модель какого-либо состояния или процесса, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся различные субъекты правотворчества и реализации права²¹. В связи с этим мы соглашаемся с выводами А. В. Стремоухова в том, что целью права является «предвосхищенный законодателем желаемый результат воздействия права на общественные отношения»²².

Цель позволяет более глубокого проникнуть в природу юридической ответственности как правового явления и сформулировать ее задачи, функции, обнаружить принципы²³. Мы убеждены, что цель частноправовой ответственности является проявлением глобальной цели юридической ответственности (укрепление законности и правопорядка, обеспечение действия норм права²⁴). Вместе с тем, как правильно заметил Д. А. Липинский, цель по своей сущности является субъективной категорией, требующей перехода в реальную действительность²⁵, а значит, зависит от мнения законодателя и закладывается соответствующим правовым образованием, не исключая и правовые общности.

В нашем случае для определения цели частноправовой ответственности следует разобрататься с целеполаганием частного права²⁶ относительно юридической ответственности. Сложность обеспечения единообразного понимания данных целей обнаруживает Е. В. Михайлова, которая считает, что частное право как категория должна быть легализована и введена в официальный правовой оборот, указывая в противовес на широкое распространение понятия «публичное право»²⁷. Т. Г. Окряшвили описывает имеющиеся в России проблемы эффективности частноправового регулирования и приходит к выводу, что «наличие развитого, гибкого нормативного регулирования сферы частноправовых отношений означает наличие полноценного частного права, которое, в свою очередь, означает наличие права в целом»²⁸. Ю. Р. Барышникова, описывая специфику частного права, указывает на ориентированность составляющих его норм на частные (индивидуально обусловленные) потребности и интересы, используемые методы правового регулирования²⁹.

Обозначенная статичность такого положения вещей в условиях действия специального акта — Указа Президента РФ от 07.07.1994 № 1473 «О программе “Становление и развитие частного права в России”»³⁰ вызывает определенное недоумение. Документ предписывает создать законодательные основы частноправовых отношений, сформировать и внедрить в практику частноправовые идеи

²⁰ См.: Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия: теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 31.

²¹ См.: Шундииков К. И. Цели и средства в праве (общетеоретический анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 11.

²² Стремоухов А. В. Цель как философская и правовая категория // Царскосельские чтения. 2016. Т. 3. Вып. 20. С. 110.

²³ Подробнее см.: Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности : моногр.. М., 2008. С. 41.

²⁴ См., например: Белова А. В. Соотношение целей и функций юридической ответственности // Юридический вестник Самарск. ун-та. 2016. Т. 2. № 2. С. 131.

²⁵ См.: Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности : моногр. / под ред Р. Л. Хачатурова. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2004. С. 155.

²⁶ Подробнее см.: Ревина С. Н., Азархин А. В. К вопросу о целях юридической ответственности // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Серия «Юридические науки». 2010. № 3. С. 167—169.

²⁷ Михайлова Е. В. О гражданском, частном и публичном праве в контексте рассуждений о способах их защиты // Вестник Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2011. № 7. С. 186.

²⁸ См.: Окряшвили Т. Г. Частноправовые отношения как юридическое выражение рыночной экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 6. С. 24.

²⁹ См.: Барышникова Ю. Р. Принципы частного права: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 7—14.

³⁰ Рос. газ. 12.07.1994.

и представления, организовать подготовку специалистов высшей квалификации в области частного права, обеспечить сближение частного права государств СНГ и многое другое.

Воздерживаясь от дальнейшего углубления в стороннюю проблематику, мы считаем возможным охарактеризовать цель частного права, опираясь на мысль, высказанную древнеримским юристом Д. Ульпианом: «Publicum est quod ad statum rei romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem»³¹ («Публичное право есть то, что относится к положению римского государства, частное — то, что относится к интересам частных лиц»). Иными словами, частноправовая ответственность имеет своей основной целью охрану интересов отдельных лиц (участников частных правоотношений), ориентированную на реализацию общепреventивной (предупредительной) и непосредственной правозащитной (восстановительной, компенсационной) функции. Конкретизируя общепреventивную направленность частноправовой ответственности, отметим, что она заключается в потенциальном (объективном) предупреждении всех лиц — потенциальных правонарушителей о возможных неблагоприятных последствиях за свои противоправные действия, которые к тому же подкреплены мерами государственного принуждения. Если раскрыть суть непосредственной правозащитной функции, то здесь следует рассматривать действие частноправовой ответственности на индивидуальном уровне правового регулирования, когда она применяется в отношении конкретных лиц и ситуаций и посредством негативно-обязывающего воздействия восстанавливает нарушенные права

лиц либо компенсирует причиненный вред, а также создает условия для частной превенции. К данному, очевидному на первый взгляд, выводу необходимо прибавить, что обеспечение частного интереса (вытекающего из понимания необходимости реализации правовыми средствами индивидуальных потребностей физических и юридических лиц) параллельно обеспечивает осуществление и большинства принципов частного права (свободы договора, юридического равенства участников, недопустимости вмешательства в частные дела и др.).

Соответственно, базовым условием адекватного установления и эффективного применения частноправовой ответственности является нахождение ранее упомянутого баланса между конкурирующими публичными и частными интересами³² (на это обстоятельство также обратил внимание юрисконсульт Европейского Суда по правам человека, профессор Католического университета Милана Микеле де Сальвиа³³).

II. Сфера применения частноправовой ответственности. Определение сферы применения частноправовой ответственности в условиях системного взаимопроникновения публичного и частного права (правовой конвергенции³⁴) — непростая задача. С. В. Васильев предположил, что частное право является областью свободы и самоопределения, противоположное публичному праву, основанному на началах власти и необходимости³⁵. С. А. Иванова и Л. Ю. Грудцына рассматривают систему частного права «в виде совокупности следующих законодательно-правовых комплексов (ЗПК): гражданский, предпринимательский, семейный, земельный, трудовой, природоресурсный, международно-частно-

³¹ См.: Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М., 2004. Т. 5. Полутом 1. С. 13.

³² Подробнее см.: Ульянов А. В. Категория юридического интереса в свете неоконцепции гражданского права (часть 2) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 102—104; Бут Н. Д. Обеспечение прокурором баланса частного и публичного интересов при осуществлении надзора за исполнением законов о свободе экономической деятельности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. Т. 46. № 2. С. 36—42.

³³ См.: Сальвиа М. де. Европейская конвенция по правам человека / пер. с итал. И. В. Соболева; науч. ред. Ю. Ю. Берестенев, А. И. Ковлер. СПб., 2004. С. 69.

³⁴ Подробнее см.: Свирин Ю. А. Система права как правовая реальность на современном этапе // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 26—32; Кузнецов М. Н. Некоторые теоретико-правовые аспекты конвергенции публичного и частного права // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2013. № 4. С. 101—104.

³⁵ См.: Васильев С. В. Частное и публичное право в России: историко-теоретический анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 176.

правовой»³⁶. В данном контексте следует помнить, что частноправовая ответственность не может ограничиваться лишь сферой частного права, равно как публично-правовая ответственность не может не вмешиваться в сферу частного права³⁷. Например, в п. 8 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) прямо оговаривается, что «гражданское право является правом частным, и частноправовой метод регулирования должен в нем преобладать, что не исключает применения средств воздействия публичного (административного, уголовного) права, предусмотренных соответствующим законодательством»³⁸.

Непосредственным подтверждением «факта присутствия» частноправовой ответственности в сфере публичного права выступают ст. 16 (возмещение убытков, причиненных государственными органами и органами местного самоуправления), ст. 1069 (ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами) и ст. 1070 (ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда) Гражданского кодекса РФ³⁹. Нормативная конструкция ст. 243 ГК РФ (конфискация) предполагает возможность безвозмездного изъятия имущества у собственника в качестве санкции за совершенное преступление или иное правонарушение в судебном или административном порядке (при этом в гл. 15.1 Уголовного кодекса РФ⁴⁰ данная мера к числу уголовных наказаний не отнесена). Соответственно, противоправное деяние (в том числе совершенное

в публично-правовой сфере) всегда выступает элементом юридического состава, необходимого для применения мер гражданско-правовой ответственности.

Высшие судебные инстанции придерживаются сходных правовых позиций. Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 08.06.2015 № 14-П было установлено: «Компенсация морального вреда как самостоятельный способ защиты гражданских прав есть мера гражданско-правовой ответственности, правовая природа которой является единой независимо от того, в какой сфере отношений — публично-правовой или частноправовой — причиняется такой вред»⁴¹. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в своем определении от 28.07.2017 по делу № 305-ЭС15-20073⁴², отметила, что контракты (обладающие в силу ст. 1—2 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ⁴³ гражданско-правовой природой), которые предполагают удовлетворение публичных интересов за счет бюджетных средств в целях обеспечения иного публично значимого интереса, должны заключаться и исполняться с соблюдением принципов открытости и прозрачности, обеспечения конкуренции и противодействия коррупции, ответственности.

Следовательно, сфера применения частноправовой ответственности определяется не по критерию отнесения тех или иных общественных отношений к сфере действия частного права, а зависит от общественных отношений, нуждающихся в правосстановлении, которое публично-правовые виды ответственности обеспечить не могут.

III. Формы проявления (виды). Частноправовая ответственность имеет различные формы проявления на межотраслевом, отраслевом и подотраслевом уровнях системы права.

³⁶ Иванова С. А., Грудцына Л. Ю. Частное и публичное право: введение в проблему // Евразийская адвокатура. 2015. № 5. С. 41.

³⁷ См., например: арбитражное дело № А15-4690/2014 // Портал «Электронное правосудие». Картотека арбитражных дел. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 05.11.2017).

³⁸ См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11.

³⁹ Рос. газ. 08.12.1994.

⁴⁰ Рос. газ. 18.06.1996.

⁴¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.06.2015 № 14-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 256 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т. И. Романовой» // Рос. газ. 18.06.2015.

⁴² Портал «Электронное правосудие». Картотека арбитражных дел. URL: <http://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 02.09.2017).

⁴³ Рос. газ. 12.04.2013.

Между тем наиболее специфичные свойства частноправовая ответственность демонстрирует именно на отраслевом уровне. И. В. Бакаева констатирует, что вопрос об отнесении тех или иных отраслей к частному праву в юридической науке не решен, но принято включать в его общую систему гражданское, семейное, трудовое, земельное и международно-частное право⁴⁴. Согласно позиции И. Г. Захарова систему частного права образуют такие основные отрасли, как гражданское право, семейное право, трудовое право, земельное право, международное частное право и некоторые другие⁴⁵. Г. А. Прокопович относит к частному праву гражданское, семейное, трудовое⁴⁶. Согласно позициям А. Б. Зеленцова, М. В. Лушниковой, М. А. Шатиной и целого ряда других правоведов основными частными отраслями права являются гражданское, семейное и трудовое право.

Нахождение и четкое выделение из перечисленных выше и некоторых других отраслей права самостоятельных институтов юридической ответственности представляется проблематичным, особенно в тех условиях, когда авторы предпочитают говорить о частном праве и механизмах его защиты «в общем плане»⁴⁷, избегая конкретики.

По нашему мнению, единственной безусловной разновидностью частноправовой от-

ветственности являются гражданско-правовая ответственность и ее подвиды: договорная ответственность (в том числе преддоговорная ответственность⁴⁸ и ответственность в международном частном праве⁴⁹); внедоговорная ответственность за причинение вреда вне связи с договорными отношениями. Если рассматривать подотраслевые институты гражданского права, то становится также возможным назвать и подотраслевые разновидности гражданско-правовой ответственности (например, наследственно-правовую⁵⁰).

При условии признания известной самостоятельности семейного, трудового, земельного и иных отраслей права вопрос о существовании семейно-правовой⁵¹, трудово-правовой (дисциплинарной и материальной)⁵², земельно-правовой⁵³ (и др.) разновидностей частноправовой ответственности можно считать открытым, и его следует решать на основе сопоставления юридической доктрины и правоприменительной практики. Так, в одном из своих актов Европейский Суд по правам человека посчитал возможным отнести трудовые (служебные) отношения к частноправовой сфере⁵⁴.

Отнесение различных видов ответственности к частноправовым производится по характеру взаимодействия участников соответствующих правоотношений, демонстрирующему

⁴⁴ См.: Бакаева И. В. Гражданское право как отрасль права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3. С. 95—96

⁴⁵ См.: Захаров И. Г. Юридическая ответственность в частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 74.

⁴⁶ См.: Прокопович Г. А. Характерные черты субъекта и субъективной стороны правонарушений в современном российском частном праве // Юридическая мысль. 2008. № 3. С. 91—96.

⁴⁷ См., например: Степин А. Б. Актуальные вопросы защиты частного права // Современное право. 2017. № 6. С. 36—37.

⁴⁸ См., например: Степанищева А. М. Правовое регулирование и юридическая квалификация преддоговорных отношений в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 140—166.

⁴⁹ См., например: Менглиев Ш. М. Договорная ответственность в международном частном праве // Власть Закона. 2014. № 2. С. 123—132.

⁵⁰ См., например: Каменева З. В. Наследственно-правовая ответственность: некоторые теоретические и практические аспекты // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 5. С. 54—57.

⁵¹ Подробнее см.: Карибян С. О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 211 с. ; Турусова О. С. Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных государствах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 208 с.

⁵² См., например: Савин В. Т. Проблемы концепции трудово-правовой ответственности сторон трудового договора // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7. С. 1395—1402.

⁵³ См., например: Сухова Е. А. Ответственность за правонарушения в области охраны и использования земель : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 166—180.

⁵⁴ См.: постановление ЕСПЧ от 21.07.2011 по делу «Хейниш (Heinisch) против Германии» (жалоба № 28274/08) // Бюллетень ЕСПЧ. 2012. № 1.

нацеленность субъектов на реализацию частных (индивидуальных) прав и обязанностей для приоритетного обеспечения интересов самих участников и только потом (вторичным образом) — интересов третьих лиц, государства и общества. Показательным в этом плане является еще один акт ЕСПЧ — в нем суд со ссылкой на собственное прецедентное право квалифицировал частноправовой характер юридического дела, в котором бухгалтер государственного сектора, в результате своей небрежности при исполнении служебных обязанностей, осуществил несанкционированный платеж третьим лицам, причинив вред органу власти. Несмотря на публичное значение обязанности отвечать за финансовые последствия нарушений правил бухгалтерского учета (исходя из национального закона и административной подсудности), суд отметил преобладание частноправовых характеристик возложенной на бухгалтера обязанности возместить вред и посчитал ее гражданско-правовой обязанностью, вытекающей из гражданского правонарушения — деликта⁵⁵.

Следовательно, частноправовой характер гражданско-правовой ответственности не следует абсолютизировать, поскольку (помимо собственно частных целей) она может выполнять и некоторые публичные функции, а также дополнять меры публично-правовой ответственности⁵⁶.

IV. Юридическое закрепление. Частноправовая ответственность получает свою прописку в различных законах (например, ГК РФ, Законе РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»⁵⁷ и др.).

При этом конкретизация договорной ответственности зачастую может быть осуществлена лицами на уровне субъективного права

в форме индивидуальных правовых договоров. Как обоснованно утверждает Б. И. Пугинский, «принципиальной особенностью частного права является то, что меры ответственности в нем предусматриваются не только законом, но и договором. Стороны также вправе достаточно широко корректировать в договорах положения закона об ответственности»⁵⁸. Можно согласиться и с Т. Ф. Намаевым в том, что «система источников закрепления юридической ответственности в отраслях частного права не ограничивается только санкциями норм права... следует назвать также индивидуально-правовые договоры... устанавливается по волеизъявлению самих участников частноправовых отношений»⁵⁹.

Во избежание двусмысленностей полагаем необходимым выделить четыре формы частноправовой договорной ответственности, в зависимости от возможности ее конкретизации в индивидуальном правовом договоре.

Во-первых, ответственность, которую субъекты правоотношений конкретизировать не вправе, она установлена законом. Так, согласно п. 6 ст. 13 Закона «О защите прав потребителей» за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя суд взыскивает с изготовителя (исполнителя, продавца и т.д.) штраф в размере 50 % от суммы, присужденной судом в пользу потребителя. Верховный Суд РФ разъяснил, что данная норма предусматривает безусловную обязанность суда взыскивать штраф от всей суммы, присужденной судом в пользу потребителя без каких-либо конкретных условий⁶⁰.

Во-вторых, ответственность, которая установлена законом, но может быть конкретизирована в договоре. Так, согласно п. 1 ст. 395 ГК РФ за неправомерное удержание денежных

⁵⁵ См.: постановление ЕСПЧ от 12.04.2006 по делу «Мартини (Martinie) против Франции» (жалоба № 58675/00) // Бюллетень ЕСПЧ. 2006. № 11.

⁵⁶ См., например: *Кабанова И. Е.* Гражданско-правовая ответственность публичных субъектов за нарушения в сфере налогообложения // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2016. № 9. С. 9—12; *Витушко В. А.* Понятие гражданско-правовой ответственности и связь с понятием риска // *Актуальные проблемы гражданского права*. 2016. № 2. С. 35—37; *Толстова И. А.* Деликтная ответственность публично-правовых образований как комплексный правовой институт // *Вестник Твер. гос. ун-та. Серия «Право»*. 2014. № 3. С. 192—194.

⁵⁷ Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

⁵⁸ *Пугинский Б. И.* Указ. соч. С. 21.

⁵⁹ *Намаев Т. Ф.* Особенности ответственности в частном праве // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2012. № 2. С. 140—141.

⁶⁰ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2013 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 05.02.2014) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 5.

средств (уклонения от их возврата или прострочки в их уплате) подлежат уплате проценты на сумму долга в размере ключевой ставки Банка России, если иной размер не установлен законом или договором.

В-третьих, ответственность, которая может быть конкретизирована сторонами, но имеет нормативно ограниченный объем санкции. Так, согласно ст. 241 Трудового кодекса РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ⁶¹ за причиненный ущерб работник по общему правилу несет материальную ответственность перед работодателем в пределах своего среднего месячного заработка. Общая норма трудового права (ст. 232 ТК РФ) звучит следующим образом: «Договорная ответственность работодателя перед работником не может быть ниже, а работника перед работодателем — выше, чем это предусмотрено настоящим Кодексом или иными федеральными законами». Другим примером является ограничение права микрофинансовых организаций начислять заемщику проценты, если их общая сумма достигнет трехкратного размера суммы займа, в соответствии с п. 9 ст. 12 Федерального закона от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»⁶².

В-четвертых, ответственность, которая может быть конкретизирована сторонами без прямых ограничений закона. Классическим примером такой ответственности является договорная неустойка, которая согласно ст. 330 ГК РФ определяется договором и взыскивается независимо от факта причинения убытков стороне. Но даже в этих случаях свобода начисления и взыскания неустойки находится под контролем государства. Так, суд наделяется исключительным правом снизить размер ответственности, например, в силу п. 1 ст. 333 ГК РФ при несоразмерности неустойки нарушению обязательства он вправе уменьшить ее при условии соответствующего заявления ответчика.

Внедоговорные формы ответственности, основанные на фактах причинения вреда, подразумевают возможность делинквента своими самостоятельными добровольными действиями возместить имущественный либо компен-

сировать неимущественный вред, который он причинил. Закон называет лишь общие условия и основания внедоговорной ответственности, а размер ответственности (возмещения) согласовывается участниками охранительного правоотношения либо определяется судом с учетом индивидуальных особенностей ситуации. К примеру, в одном из дел Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что «правовое регулирование отношений по поводу возмещения имущественного вреда как имеющих частноправовой характер должно обеспечиваться главным образом в рамках гражданского законодательства за счет присутствующего ему правового инструментария»⁶³.

V. Фактическое основание. Фактическим основанием частноправовой ответственности выступает частноправовой деликт (правонарушение), имеющий различные формы своего проявления, связанные с нарушением (ненадлежащим исполнением, неисполнением) договорных обязательств либо внедоговорным причинением вреда, вытекающий из норм частного права и посягающий на индивидуальные (персонифицированные) интересы. Это весьма условное определение позволяет толковать нарушение частного права с разных позиций: широкой (нарушение норм различных отраслей права, входящих в систему частного права: семейного, трудового, земельного и др.) и узкой (нарушение норм гражданского права).

Исходя из классического общетеоретического подхода, в составе любого правонарушения принято разграничивать четыре элемента: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Между тем этот подход является далеко не единственным, а применительно к гражданскому (частному) праву — наименее поддерживаемым. Как указал в одном из своих постановлений Конституционный Суд РФ, «обязанность возместить причиненный вред является... мерой гражданско-правовой ответственности, которая применяется... при наличии состава, включающего наступление вреда, противоправность поведения... причинную связь между противоправным по-

⁶¹ Рос. газ. 13.12.2001.

⁶² Рос. газ. 07.07.2010.

⁶³ Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2016 «По жалобе гражданина Шефлера Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 3.

ведением и наступлением вреда, а также вину нарушителя»⁶⁴.

Применительно к сказанному Б. И. Пугинский со ссылкой на В. В. Витрянского предложил понимать основание ответственности как факт нарушения лицом соответствующей нормы права или условий договора, а условия ответственности — в виде элементов состава данного акта (неправомерность, вина, причинно-следственная связь)⁶⁵.

VI. Субъектный состав. Субъектный состав отношений частноправовой ответственности по своему объему, за редким исключением, совпадает с объемом категории «субъекты частного права».

Исходя из позиции М. Р. Асадуллина, субъект частного права рассматривается как лицо, наделенное правоспособностью, которое обладает возможностью быть участником правоотношений, урегулированных нормами частного права при отсутствии для этого препятствий объективного или субъективного характера. В основах системы субъектов частного права автор видит систему субъектов гражданского права, но не отрицает возможность участия данных субъектов в процессуальных отношениях. Уровнями системы субъектов частного права являются физические лица, юридические лица и публично-правовые образования⁶⁶. Не оспаривая в принципе приведенное мнение, считаем необходимым обратить внимание на то, что субъектный состав частного права перечисленными лицами не исчерпывается. Например, уместно говорить о частноправовой природе транснациональных корпораций, не относящихся ни к одной из вышеперечисленных групп субъектов⁶⁷.

Общим свойством участников частноправовых отношений является определенная (относительно субъектов публичного права) сво-

бода при вступлении в договорные связи либо самостоятельность при урегулировании вопроса о возмещении причиненного вреда. Первичные субъекты частноправовой ответственности — это сами участники правоотношений, возникающих из факта нарушения договорных условий (неисполнения, ненадлежащего их исполнения), либо факта причинения вреда одним лицом — причинителем, другому (третьему) лицу — потерпевшему. Производными (эвентуальными, потенциальными, процессуальными) субъектами частноправовой ответственности могут выступать компетентные органы (должностные лица), к которым первичные субъекты частного права обратились за защитой своих нарушенных интересов при условии, что между первичными субъектами не было достигнуто индивидуального внеюрисдикционного соглашения об урегулировании спорной ситуации. Сделанный вывод подтверждает и Г. М. Лановая, называя обязательным качеством субъекта частного права наличие у него свободы, вытекающей из диспозитивности частноправового регулирования. Правовед отмечает, что государство, устанавливая свободу субъектов частного права, не гарантирует благоприятные последствия их действий (поскольку вся полнота ответственности лежит на самих субъектах), а лишь стремится не допустить произвола со стороны субъектов, поскольку это может нанести вред не только интересам самих участников отношений, но и обществу, государству⁶⁸. То есть применение компетентными органами и должностными лицами публичных (властных) полномочий для реализации частноправовой ответственности является дополнительным средством защиты частных интересов.

VII. Форма и механизм реализации. Реализация частноправовой ответственности при-

⁶⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.04.2015 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта “а” части второй статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Кряжева» // Рос. газ. 20.04.2015.

⁶⁵ См.: Пугинский Б. И. Указ. соч. С. 21—22.

⁶⁶ Подробнее см.: Асадуллин М. Р. Система субъектов частного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011. С. 8—9, 14—16.

⁶⁷ Подробнее см.: Буслаева Л. М. Транснациональные корпорации как субъекты международного частного права // Проблемы права. 2015. № 4. С. 39—41.

⁶⁸ См.: Лановая Г. М. Свобода субъектов частного права: постановка проблемы // Право и образование. 2016. № 8. С. 6.

⁶⁹ Подробнее см.: Кузьмин И. А. Добровольная форма реализации юридической ответственности // Сибирский юридический вестник. 2011. № 4. С. 10—15.

ритетно осуществляется в добровольной форме на основе достигнутого соглашения между правонарушителем и потерпевшим⁶⁹. В целях обеспечения названной формы в России, в частности, предусмотрена процедура медиации⁷⁰, по итогам которой готовится медиативное соглашение, имеющее силу гражданско-правовой сделки и подлежащее исполнению на основе принципов добровольности и добросовестности сторон. В качестве дополнительного средства обеспечения непосредственной реализации частноправовой ответственности выступает третейское (арбитражное) соглашение, по условиям которого стороны принимают на себя обязанность добровольно исполнять решение негосударственного арбитража⁷¹.

При недостижении правового компромисса реализация частноправовой ответственности возможна в рамках системы государственного принуждения на основе судебного решения или акта соответствующего компетентного органа. Механизм (порядок и специфика) реализации частноправовой ответственности зависит от вида ответственности и особенностей субъектов — участников отношений, а также от особенностей самой спорной ситуации. Общие требования к принудительной процедуре реализации частноправовой ответственности содержатся в национальных процессуальных кодексах (гражданском процессуальном, арбитражном процессуальном), специальных законах и актах, регламентирующих деятельность международных правозащитных органов (Международного трибунала ООН по морскому праву, ЕСПЧ, Экономического Суда СНГ и др.). Особые требования к принудительной процедуре реализации частноправовой ответственности устанавливаются специальными нормами (и касаются, как правило, отдельных видов/форм ответственности). Вместе с тем даже в процессе публичного (судебного) разбирательства по делу участники имеют возможность в любой момент закончить дело мировым соглашением на согласованных ими условиях, причем данный акт будет иметь силу судебного решения.

Особо поднимается вопрос об ответственности (юридической безответственности) транснациональных корпораций, действия которых могут содержать нарушения частных прав лиц в разных государствах и частях мира. По этому поводу в Докладе Международной комиссии юристов в 2008 г. было отмечено следующее: «Когда речь идет о гарантиях правовой ответственности компаний и их ответственных лиц за нарушения прав человека... нормы, регулирующие гражданско-правовую ответственность, как правило, предусматривают определенные механизмы, посредством которых национальные правительства могут обеспечить выполнение их международных обязательств по защите прав человека и обеспечить доступ к соответствующим средствам правовой защиты»⁷².

Таким образом, подводя итоги проведенному исследованию, мы приходим к следующим выводам:

- 1) объективное проявление и диалектическое взаимопроникновение публичного и частного права накладывают отпечаток на попадающие в сферу их влияния юридические категории, которые институционально (конструктивно, инструментально) адаптируются под особенности общественных отношений и интересов соответствующего уровня;
- 2) частноправовая ответственность — одна из спорных категорий правоведения, этимологически и феноменологически (институционально) предназначенная для обеспечения правовой охраны частных интересов в рамках горизонтальных отношений, основанная на нормах частных отраслей права;
- 3) несмотря на отсутствие единых правотворческих и правоприменительных позиций, законодатель фактически (*de facto*), а судебные органы и формально (*de jure*) и фактически (*de facto*) признают существование ответственности в частном праве с акцентом на ее гражданско-правовую разновидность, продолжают поиски в этом направлении;

⁷⁰ Подробнее см.: Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Рос. газ. 30.07.2010.

⁷¹ Подробнее см.: Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Рос. газ. 31.12.2015.

⁷² Zitat auf: *Weilert K.* Transnationale Unternehmen im rechtsfreien Raum? Geltung und Reichweite völkerrechtlicher Standards // *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht.* 2009. Vol. 69. S. 890.

- 4) специфика частноправовой ответственности может быть раскрыта через семь базовых критериев: цель установления и применения; сфера применения; формы проявления; формально-юридическое закрепление; фактическое основание; субъектный состав; форма и механизм реализации;
- 5) теория частноправовой ответственности в современных условиях нуждается в дальнейших комплексных исследованиях и совершенствовании как с точки зрения углубления знаний о ней, так и с позиции оптимизации практики применения данного охранительного института во всех его воплощениях.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Асадуллин М. Р. Система субъектов частного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2011. — 24 с.
2. Бакаева И. В. Гражданское право как отрасль права // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2017. — № 3. — С. 93—101.
3. Барышникова Ю. Р. Принципы частного права теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2006. — 28 с.
4. Бут Н. Д. Обеспечение прокурором баланса частного и публичного интересов при осуществлении надзора за исполнением законов о свободе экономической деятельности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. — 2015. — Т. 46. — № 2. — С. 36—42.
5. Васильев С. В. Частное и публичное право в России: историко-теоретический анализ : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. — СПб., 2002. — 390 с.
6. Захаров И. Г. Юридическая ответственность в частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 24 с.
7. Иванова С. А., Грудцына Л. Ю. Частное и публичное право: введение в проблему // Евразийская адвокатура. — 2015. — № 5. — С. 38—43.
8. Карибян С. О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2017. — 211 с.
9. Кашин В. В. Типология ответственности // Известия Оренбург. гос. аграрн. ун-та. — 2006. — Т. 2. — № 10—1. — С. 49—50.
10. Лановая Г. М. Свобода субъектов частного права: постановка проблемы // Право и образование. — 2016. — № 8. — С. 4—9.
11. Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности : моногр. / под ред. Р. Л. Хачатурова. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб., 2004. — 409 с.
12. Липинский Д. А. Публично-правовая и частноправовая ответственность: есть ли основания для классификации // Юридическая наука. — 2016. — № 6. — С. 29—33.
13. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия: теоретические проблемы субъективного права. — Саратов, 1972. — 290 с.
14. Михайлова Е. В. О гражданском, частном и публичном праве в контексте рассуждений о способах их защиты // Вестник Самар. ун-та. — Серия «История, педагогика, филология». — 2011. — № 7. — С. 184—189.
15. Намаев Т. Ф. Особенности ответственности в частном праве // Правовая политика и правовая жизнь. — 2012. — № 2. — С. 140—143.
16. Окриашвили Т. Г. Частноправовые отношения как юридическое выражение рыночной экономики // Проблемы экономики и юридической практики. — 2013. — № 6. — С. 23—25.
17. Прокопович Г. А. О системной модели юридической ответственности в публичном и частном праве // Современное право. — 2010. — № 1. — С. 6—9.
18. Прокопович Г. А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2010. — 60 с.
19. Прокопович Г. А. Характерные черты субъекта и субъективной стороны правонарушений в современном российском частном праве // Юридическая мысль. — 2008. — № 3. — С. 91—97.
20. Пугинский Б. И. Проблемы ответственности в частном праве // Вестник Моск. ун-та. — Серия 11 «Право». — 2010. — № 4. — С. 11—23.
21. Савин В. Т. Проблемы концепции трудово-правовой ответственности сторон трудового договора // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 7. — С. 1395—1404.

22. Стремоухов А. В. Цель как философская и правовая категория // Царскосельские чтения. — 2016. — Т. 3. — Вып. 20. — С. 106—111.
23. Сухова Е. А. Ответственность за правонарушения в области охраны и использования земель : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06. — Саратов, 2005. — 202 с.
24. Турусова О. С. Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных государствах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2011. — 208 с.
25. Ульянов А. В. Категория юридического интереса в свете неоконцепции гражданского права (часть 2) // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 6. — С. 100—108.
26. Чиркин В. Е. Некоторые вопросы теории о юридических лицах публичного права в частном праве // Цивилист. — 2013. — № 2. — С. 31—33.
27. Шубников Ю. Б., Андреев И. В. Публично-правовая и частноправовая (гражданско-правовая) ответственность: родовые и видовые признаки // Ленинградский юридический журнал. — 2015. — № 4. — С. 129—138.
28. Шундинов К. И. Цели и средства в праве (общетеоретический анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1999. — 24 с.
29. Andrew G. van Melsen. Science and Responsibility. — Pittsburg, 1970. — 172 p.
30. Weilert K. Transnationale Unternehmen im rechtsfreien Raum? Geltung und Reichweite völkerrechtlicher Standards // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. — 2009. — Vol. 69. — S. 883—917.

Материал поступил в редакцию 12 декабря 2017 г.

SPECIFICITY OF PRIVATE-LAW RESPONSIBILITY

KUZMIN Igor Aleksandrovich — PhD in Law, Associate Professor of the Department of the Theory and History of the State and Law of the Irkutsk Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor's General Office of the Russian Federation
grafik-sovetnik@rambler.ru
664035, Russia, Irkutsk, ul. Shevtsova, d. 1.

Abstract. *Legal systems dynamic development encourages researchers to focus on basic categories of jurisprudence and to rethink them in the light of changes in social and humanitarian reality. An objective necessity to ensure the interests of the State and society, on the one hand, and private interests, on the otherhand, have predetermined the existence of relatively separate legal areas: Public and private law. The issue of the existence of specific types of legal responsibility adapted for the protection of public and private interests, is being developed. A unique set of measures of legal responsibility under the joint name of "private-law responsibility" scrutinized in theory and widely applied in practice needs in its consistent understanding by the legal community in the light of its nature and main content. The paper provides complex approach revealing peculiarities of private law and its main protective instrument, i.e. private-law responsibility. Based on the analysis of normative, scientific, educational and reference literature, and approaches to law enforcement, the author comes to the conclusion concerning an independent importance and role of private-law responsibility in the legal regulation. The author has examined the purpose of its determination and application, the sphere of application, forms of manifestation (types), legal confirmation, factual foundation, participants involved, the form and mechanism of private-law responsibility implementation. In the course of the research the author scrutinised the issues of interrelation between objectives of private law and private-law responsibility, penetration of private-law responsibility in the sphere of public law, interrelation between the structure of private law and the types of private-law responsibility, its forms depending on the possibility of specifying a sanction in a legal contract. The paper determines the content of a private-law tort applied as an factual basis for responsibility, enumerates peculiarities of primary and derivative subjects of private law, i.e. participants of legal relations of responsibility, and reveals specific criteria of implementation of private-law responsibility in voluntary and involuntary orders. The author draws generalized conclusions in accordance with the results of the study conducted by the author.*

Keywords: Private law, private-law responsibility, public law responsibility, peculiarities of private law responsibility, types of private law responsibility, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation, legal standing, law enforcement practice, acts of interpretation of law.

REFERENCES

1. *Asadullin M. R.* Sistema subjektov chastnogo prava [The system of subjects of private law]. Abstract of the PhD Thesis (Law). Kazan, 2011. 24 p.
2. *Bakaeva I. V.* Grazhdanskoe pravo kak otrasl prava [Civil Law as a branch of law]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: Experience, analysis, application]. 2017. No. 3. P. 93—101.
3. *Baryshnikova Yu. R.* Printsipy chastnogo prava: teoretiko-pravovoe issledovanie [Principles of Private Law: Theoretical and legal research]. Abstract of the PhD Thesis (Law). Kazan. 2006. 28 p.
4. *Butt N. D.* Obespechenie prokurorom balansa chastnogo i publichnogo interesov pri osushchestvlenii nadzora za ispolneniem zakonov o svobode ekonomicheskoi deyatel'nosti [Prosecutor's provision of a balance of private and public interests in the exercise of supervision over the implementation of laws on freedom of economic activity]. Vestnik Akademii Generalnoi prokuratury Rossiisoi Federatsii [Harald of the Academy of the Prosecutor's General Office of the Russian Federation]. 2015. Vol. 46. No. 2. P. 36 — 42.
5. *Vasiliev S. V.* Chastnoye i publichnoye pravo Rossii: istoriko-teoreticheskiy analiz [Private and Public Law in Russia: A historical-theoretical analysis]. Doctoral Dissertation (Law). 12.00.01. St.Petersburg. 2002. 390 p.
6. *Zakharov I. G.* Juridicheskaya otvetsvennost v chastnom prave [Legal responsibility in private law]. Abstract of the PhD Thesis (Law). M. 2008. 24 p.
7. *Ivanova S. A., Grudtsyna L. Yu.* Chastnoye i Publichnoye pravo: vvedenie v problemu [Private and Public Law: An introduction to the problem]. Evraziyskaya advokatura [Eurasian Bar]. 2015. No. 5. P. 38 — 43.
8. *Karibyan S. O.* Semeyno-pravovaya otvetsvennost: sushchnost i pravoprimerenie po zakonodatel'stvu Rossiyskoi Federatsii [Family Law responsibility: The Essence and law enforcement under the legislation of the Russian Federation]. PhD Thesis (Law). 12.00.03. M., 2017. 211 p.
9. *Kashin V. V.* Tipologiya otvetsvennosti [Typology of responsibility]. Izvestiya Orenburg. Gos. Agrarn. Universiteta [Bulletin of the Orenburg State Agrarian University]. 2006. Vol. 2. No. 10—1. P. 49 — 50.
10. *Lanovaya G. M.* Svoboda subjektov chastnogo prava: postanovka problemy [Freedom of subjects of private law: the issue statement]. Pravo i obrazovanie [Law and education]. 2016. No. 8. P. 4—9.
11. *Lipinskiy D. A.* Problemy juridicheskoi otvetsvennosti: monografiya [Problemy realizatsii juridicheskoi otvetsvennosti: monografiya [Problems of implementation of legal responsibility: Monograph]. (Ed.) R. L. Khachaturov. 2nd ed., rev. and suppl. St.Petersburg. 2004. 409 p.
12. *Lipinskiy D. A.* Publichno-pravovaya i chastno-pravovaya otvetsvennost: est li osnovaniya dlya klassifikatsii? [Public-law and private-law responsibility: Are there any grounds for classification?]. Juridicheskaya nauka [Juridical science]. 2016. No. 6. P. 29—33.
13. *Matuzov N. I.* Lichnost. Prava. Demokriya: teoreticheskie problemy subjektivnogo prava [Personality. Rights. Democracy: Theoretical problems of a right]. Saratov. 1972. 290 p.
14. *Mikhailova E. B.* O grazhdanskom, chastnom i publichnom prave v kontekste rassuzhdeniy o sposobakh ikh zashchity [Civil, private and public law in the context of the reasoning for their protection]. Vestnik Samar. Un-ta [Bulletin of the Samara University]. Istoriya, pedagogika, filologiya [History, pedagogy, philology]. 2011. No. 7. P. 184—189.
15. *Namaev T. F.* Osobennosti otvetsvennosti v chastnom prave [Peculiarities of responsibility in private law]. Pravovaya politika i pravovaya zhizn [Legal policy and legal life]. 2012. No. 2. P. 140 — 143.
16. *Okriashvili T. G.* Chastnopravovye otnosheniya kak juridicheskoye vyrazhenie rynochnoi ekonomiki [Private relations as a legal expression of market economy]. Problemy ekonomiki i juridicheskoi praktiki [Problems of economics and legal practice]. 2013. No. 6. P. 23 — 25.
17. *Prokopovich G. A.* O sistemnoi modeli juridicheskoi otvetsvennosti v publichnom i chastnom prave [The system model of legal responsibility in public and private law]. Sovremennoye pravo [Modern law]. 2010. No. 1. P. 6 — 9.
18. *Prokopovich G. A.* Teoreticheskaya model juridicheskoi otvetsvennosti v publichnom i chastnom prave [Theoretical model of legal responsibility in public and private law]. Abstract of the PhD Thesis (Law). St.Petersburg. 2010. 60 p.

19. *Prokopovich G. A.* Kharakternye cherty subjekta i subjektivnoi storony pravonarushenii v sovremennom rossiiskom chastnom prave [Characteristic features of the subject and subjective side of offenses in modern Russian private law]. *Yuridicheskaya mysl'* [Legal Thought]. 2008. No. 3. P. 91 — 97.
20. *Puginsky B. I.* Problemy otvetstvennosti v chastnom prave [Problems of responsibility in private law]. *Vest. Mosk. un-ta* [Bulletin of the Moscow State University]. Seriya 11 : Pravo [Series 11: Law]. 2010. No. 4. P. 11—23.
21. *Savin V. T.* Problemy kontseptsii trudopravovoi otvetstvennosti storon trudovogo dogovora [Problems of the concept of employment-law responsibility of the parties to the employment contract]. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian Law]. 2014. No. 7. P. 1395 — 1404.
22. *Stremoukhov A. V.* Tsel' kak filosofskaya i pravovaya kategoriya [A goal as both a philosophical and legal category]. *Tsarskoselskie chteniya* [Tsarskoselskie Readings]. Vol. III. Iss. XX. 2016. P. 106 — 111.
23. *Sukhova E. A.* Otvetstvennost' za pravonarusheniya v oblasti okhrany i ispolzovaniya zemel [Liability for offences in the field of land protection and use]. PhD Thesis (Law). 12.00.06. Saratov. 2005. 202 p.
24. *Turusova O. S.* Semeyno-pravovaya otvetstvennost' v Rossiiskoy Federatsii i zarubezhnykh gosudarstvakh [Family-law liability in the Russian Federation and foreign countries]. PhD Thesis (Law). 12.00.03. M. 2011. 208 p.
25. *Ulyanov A. V.* Kategoriya juridicheskogo interesa v svete neokontseptsii grazhdnskogo prava (chast' 2) [The category of legal interest in the light of neo-concept of Civil Law (Part 2)]. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law]. 2015. No. 6. P. 100 — 108.
26. *Chirkin V. E.* Nekotorye voprosy teorii o juridicheskikh litsakh publichnogo prava v chastnom prave [Some questions of the theory on legal persons of public law in private law]. *Tsivilist* [Civilist]. 2013. No. 2. P. 31 — 33.
27. *Shubnikov Yu. B., Andreyanov I. V.* Publichno-pravovaya i chastno-pravovaya (grazhdansko-pravovaya) otvetstvennost': rodovye i vidovye priznaki [Public-law and private-law (civil-law) responsibility: generic and specific features]. *Leningradskiy Juridicheskii Zhurnal* [Leningrad Juridical Journal]. 2015. No. 4. P. 129—138.
28. *Shundikov K. I.* Tseli i sredstva v prave (obshcheteoreticheskii analiz) [Goals and means in law (theoretical analysis)]. Abstract of the PhD Thesis (Law). Saratov. 1999. 24 p.
29. *Andrew G. van Melsen.* Science and Responsibility. Pittsburg, 1970. 172 p.
30. *Weilert K.* Transnationale Unternehmen im Rechtsfreien Raum? Geltung und Reichweite Völkerrechtlicher Standards. *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht.* 2009. Vol. 69. S. 883 — 917.

РОССИЙСКО-СЕВЕРОКОРЕЙСКИЙ ПРОЕКТ «ХАСАН-РАДЖИН» В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ (НЕПРИСТУПНЫЙ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ БАСТИОН В КНДР)

Аннотация. В статье рассматриваются международные экономические ограничения, введенные Советом Безопасности ООН и отдельными государствами в отношении КНДР в связи с реализацией ядерных программ Северокорейским государством; анализируются причины нераспространения ограничений на российско-северокорейский проект «Хасан-Раджин» по поставкам угля в целях экспорта из порта Раджин (Расон) в Китай и Республику Корея; рассмотрены перспективы формирования и развития международных транспортных коридоров во взаимосвязи с интеграционными процессами в дальневосточном регионе; выявлены интересы государств (России, КНР, Республики Корея), затронутые введением ограничительных экономических мер против КНДР; выяснены особенности реализации проекта в связи с вопросами погашения внешнего долга КНДР перед Российской Федерацией; предложено авторское видение решения северокорейской проблемы и развития российско-северокорейского сотрудничества по реализации новых проектов.

Ключевые слова: экономические ограничения в отношении КНДР, российско-северокорейский проект «Хасан-Раджин», резолюции Совета Безопасности ООН против КНДР, списание внешнего долга КНДР, международные транспортные коридоры, «пространство 1520».

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.053-069

В условиях введения всесторонних экономических ограничений в отношении Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) со стороны как ООН, так и отдельных государств, связанных с реализацией ядерных программ Северокорейским государством, двум постоянным членам Совета Безопасности ООН (России и КНР) удалось вывести из-под «санкционного удара» один из значимых международных экономических проектов —

«Хасан-Раджин». Как оказалось, даже крайнее обострение ситуации на Корейском полуострове не мешает продвижению отдельных бизнес-проектов на территории КНДР. Суть коллизии заключается в том, что контроль над выходом КНР к Японскому морю и начало международного транспортного коридора «Восток — Запад» делят между собой КНДР и Россия в виде портов Хасанского района РФ и свободной экономической зоны (СЭЗ) «Расон» (КНДР)¹.

¹ СЭЗ «Расон», известная ранее как СЭЗ «Раджин-Сонбон», была образована в 1990-х гг. для привлечения иностранных инвестиций и обеспечения ускоренного экономического развития региона. СЭЗ занимает

© Батырь В. А., 2018

* Батырь Вячеслав Анатольевич, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

batyr_62@mail.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

На идее эксплуатации и интернационализации этого транспортно-географического ресурса построена Программа развития района (зоны) «Туманган» (TRADP)².

Действительно, Резолюция 2397 (2017), принятая СБ ООН на его 8151-м заседании, состоявшемся 22 декабря 2017 г.³, которой в очередной раз против КНДР были введены секторальные ограничительные меры в связи с пуском баллистической ракеты, в п. 16 прямо предусмотрела, что ее положения не распространяются на транзитную перевозку российского угля в другие страны железнодорожным и морским транспортом в рамках российско-северокорейского проекта «Хасан-Раджин», которая и ранее допускалась в соответствии с п. 8 Резолюции 2371 (2017)⁴ и п. 18 Резолюции 2375 (2017)⁵. Однако это обстоятельство осталось без должного внимания и оценки со стороны юридического сообщества.

1. Противодействие северокорейской угрозе со стороны ООН. Совет Безопасности ООН за

последние 25 лет принял более 20 резолюций, осуждающих деятельность КНДР в сфере нераспространения ядерного оружия. Их краткий обзор позволяет как оценить озабоченность мирового сообщества возникшей проблемой, так и судить об эффективности принимаемых мер.

Резолюция СБ ООН 825 (1993)⁶ призвала КНДР пересмотреть заявление, содержащееся в ее письме от 12 марта 1993 г. относительно намерения правительства КНДР выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г.⁷

Резолюция СБ ООН 1695 (2006)⁸ требовала, чтобы КНДР приостановила все виды деятельности, связанные с ее программой создания баллистических ракет, и в этой связи возобновила свои предыдущие обязательства относительно моратория на пуски ракет; обязала все государства — члены ООН предотвращать передачу ракет и связанных с ракетами предметов, материалов, товаров и технологий для программ КНДР по созданию ракет или оружия

территорию городов Раджин и Сонбон (сочетание имен этих двух городов и дало название Расон = Раджин + Сонбон), и находится рядом с границами Китая (провинция Джилин) и России (Хасанский район) (URL: http://koreakonsult.com/Attraction_Rason_rus.html (дата обращения: 17.01.2018)).

² Полное наименование — Программа развития района (зоны) «Туманган»; по-английски — *Tumen River Area Development Program*, сокращенно — *TRADP*. Под районом развития «Туманган», предложенным в проекте Договора о сотрудничестве по программе развития зоны «Туманган», понимается территория КНДР, КНР и России, прилегающая к бассейну реки Туманная (Туманган, Тумыньцзян) и включающая часть провинции Северный Хамген КНДР, корейского автономного национального района провинции Цилинь и южной части Приморского края — от п. Хасан до порта Восточный. Суть проекта «Туманган» заключалась в создании международной экономической зоны, располагающейся на территории около 10 000 кв. км (URL: <http://www.imb.dvo.ru/misc/trdap/doc001.htm> (дата обращения: 17.01.2018)).

³ URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/463/62/PDF/N1746362.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.01.2018).

⁴ URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2371\(2017\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2371(2017)) (дата обращения: 17.01.2018).

В соответствии с п. 8 Резолюции 2371 (2017) ограничения «не применяются к углю, который, как подтверждает экспортирующее государство на основе заслуживающей доверия информации, был добыт за пределами КНДР и транспортировка которого была осуществлена через ее территорию исключительно в целях вывоза из порта Раджин (Расон), при условии что экспортирующее государство заблаговременно уведомило Комитет и что такие сделки с углем, добытым за пределами КНДР, не связаны с получением доходов для программ КНДР по ядерным или баллистическим ракетам или другими видами деятельности, запрещенными резолюциями 1718 (2006), 1874 (2009), 2087 (2013), 2094 (2013), 2270 (2016), 2321 (2016), 2356 (2017) или настоящей резолюцией».

⁵ URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2375\(2017\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2375(2017)) (дата обращения: 17.01.2018).

В соответствии с п. 18 Резолюции 2375 (2017) ограничения не применяются по отношению к проекту России — КНДР в отношении порта и железной дороги Раджин — Хасан, предназначенных исключительно для экспорта российского угля.

⁶ URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/274/38/IMG/N9327438.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.01.2018).

⁷ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 17.01.2018).

⁸ URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/431/66/PDF/N0643166.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.01.2018).

массового уничтожения (ОМУ); предотвращать приобретение у КНДР ракет или связанных с ракетами предметов, материалов, товаров и технологий и передачу любых финансовых ресурсов в связи с программами КНДР по созданию ракет или ОМУ (п. 3—4).

Впервые экономические ограничения против КНДР были введены Резолюцией СБ ООН 1718 (2006)⁹, которая потребовала от КНДР прекратить ядерные испытания, немедленно отозвать заявление о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия и запретила экспорт в КНДР ряда наименований военной техники, а также и предметов роскоши (п. 8). Комитет СБ ООН, сформированный во исполнение резолюции 1718 (2006), осуществляет мониторинг и контроль за соблюдением ограничений, введенных против КНДР¹⁰, на его сайте содержится полный перечень установленных ограничений¹¹.

Резолюция СБ ООН 1874 (2009)¹² расширила эмбарго на поставки оружия КНДР, а государствам — членам ООН было рекомендовано досматривать все корабли, идущие в КНДР, и уничтожать любые грузы, имеющие отношение к северокорейской ядерной программе.

После запуска КНДР спутника Кванмёнсон-3¹³ с использованием технологии баллистических ракет была принята Резолюция СБ

ООН 2087 (2013)¹⁴, усилившая предыдущие экономические ограничения. В ней содержалось более подробное обоснование права государств — членов ООН досматривать любые суда, идущие в КНДР и уничтожать любой груз на их борту, который может быть использован для военных разработок.

Резолюция 2094 (2013)¹⁵ осудила ядерное испытание, проведенное КНДР 12.02.2013, и ввела ограничения в отношении денежных переводов, поступающих в КНДР из международной финансовой системы.

Очередное ядерное испытание вынудило СБ ООН принять Резолюцию 2270 (2016)¹⁶, вводившую дополнительные экономические ограничения против КНДР. Этой Резолюцией был запрещен экспорт из КНДР в другие государства — члены ООН золота, ванадия, титана, редких и редкоземельных металлов. Также был запрещен экспорт северокорейских угля и железа в целях извлечения прибыли (за исключением случаев, когда их продажа иностранным государствам диктуется необходимостью поддержания средств КНДР к существованию).

Резолюция СБ ООН 2321 (2016)¹⁷ не только ограничила экспорт угля, но и запретила экспорт меди, никеля, цинка и серебра из КНДР.

Резолюция СБ ООН 2371 (2017)¹⁸ полностью запретила экспорт из КНДР угля, железа, свин-

⁹ URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/572/09/PDF/N0657209.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.01.2018).

¹⁰ В резолюциях 1874 (2009), 2087 (2013), 2094 (2013), 2270 (2016), 2321 (2016), 2356 (2017), 2371 (2017), 2375 (2017) и 2397 (2017) на Комитет были возложены дополнительные функции.

¹¹ URL: <https://www.un.org/sc/suborg/ru/sanctions/1718> (дата обращения: 17.01.2018).

По данным ООН, к февралю 2017 г. 116 из 193 государств-членов не представили свои доклады об осуществлении санкций. Также в феврале 2017 г. Китай объявил о прекращении импорта северокорейского угля до конца 2017 г.

¹² URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/368/51/PDF/N0936851.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.01.2018).

¹³ Кванмёнсон-3 (кор. 광명성 3호?, 光明星 3號 — «Яркая звезда-3») — третий из серии искусственных спутников Земли КНДР. Запуск спутника ракетой-носителем (РН) «Ынха-3» («Млечный путь-3») с космодрома Тончхан-ни (Сохэ) осуществлялся дважды: 13.04.2012 и 12.12.2012 (URL: <http://www.krasnoe.tv/node/16787> (дата обращения: 17.01.2018)).

¹⁴ URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/213/98/PDF/N1321398.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.01.2018).

¹⁵ URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/253/08/PDF/N1325308.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.01.2018).

¹⁶ URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/058/25/PDF/N1605825.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.01.2018).

¹⁷ URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/407/53/PDF/N1640753.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.01.2018).

¹⁸ URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/246/71/PDF/N1724671.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.01.2018).

ца и морепродуктов. Резолюцией были введены новые ограничения в отношении Банка внешней торговли КНДР, а также запрещено увеличение числа северокорейских мигрантов, легально работающих в зарубежных странах.

Резолюция СБ ООН 2375 (2017)¹⁹ запретила импорт в КНДР из государств — членов ООН нефти и нефтепродуктов, создание совместных предприятий с участием северокорейского капитала, а также экспорт северокорейского текстиля, газового конденсата и жидкостей в государства — члены ООН.

22.12.2017 Совет Безопасности ООН принял резолюцию 2397 (2017), которая предусматривает более жесткие меры, включающие сокращение поставок нефти и продуктов нефтепереработки в КНДР на 90 %, запрет на импорт в страну промышленного оборудования и транспортных судов. Все государства-члены должны в течение 24 месяцев начиная с 22.12.2017 репатриировать в КНДР всех граждан КНДР, получающих доход в их юрисдикции²⁰.

Под действием системных ограничений, введенных ООН, оказались 79 должностных лиц и 54 организации КНДР.

В конечном итоге за период с 1993 г., несмотря на введенные «драконовские» экономические меры, ракетно-ядерный потенциал КНДР заметно вырос и количественно, и качественно. Северокорейское государство спо-

собно себя защитить от возможной агрессии, не повторить судьбу бывшей Югославии, Ирака, Ливии. Северокорейские принципы: «Мы в равной степени готовы и к диалогу, и к войне», «На острие ответим острием, а на жесткость — сверхжесткостью» — это «закон жизни и выживания» КНДР в несправедливом и недружественном международном окружении.

Россия поддержала все резолюции СБ ООН, требующие прекращения ракетно-ядерных программ КНДР в интересах денуклеаризации Корейского полуострова, поскольку не приемлет притязания КНДР на обретение статуса ядерной державы. Однако потенциал мер экономического давления на Северную Корею практически исчерпан. При этом проведенные Россией «красные линии» в отношении двустороннего сотрудничества с КНДР были соблюдены²¹. Следует напомнить, что в соответствии со ст. 3 Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и КНДР (Пхеньян, 09.02.2000)²², стороны приняли обязательство воздерживаться от заключения договоров и соглашений с третьими странами, участия в каких-либо действиях или мероприятиях, направленных против суверенитета, независимости и территориальной целостности другой стороны²³.

2. Последствия принятых ограничительных мер в отношении северокорейского народа. В резолюции 2397 (2017) учтены различные

¹⁹ URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/283/70/PDF/N1728370.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.01.2018).

²⁰ Указанное положение Резолюции создает проблемы с реализацией Соглашения между Правительством РФ и Правительством КНДР о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства (Москва, 31.08.2007), которым установлены основы правового положения трудящихся-мигрантов (URL: http://rusembdprk.ru/images/law-base/Document_41.pdf (дата обращения: 17.01.2018)). По некоторым данным, на территории РФ число рабочих из КНДР составляет до 35 тыс. человек.

²¹ В частности, сохраняется авиасообщение — выполнение национальным авиаперевозчиком «Air Koryo» рейсов по маршруту Пхеньян — Владивосток. Существует изъятие в отношении обеспечения этого сообщения, в том числе для поставок запчастей для авиатехники (на этом маршруте работают воздушные суда, в том числе российского, советского производства — Ан-24Р/РМ, Ан-148-100Б, Ил-18Д, Ил-62М, Ту-134Б-3, Ту-154Б, Ту-204-100Б и Ту-204-300). Обеспечение функционирования и безопасности этого воздушного маршрута в интересах не только России и КНДР, но и всего международного сообщества, потому что это один из последних воздушных мостов, которые связывают КНДР с внешним миром (URL: <http://rusembdprk.ru/ru/posolstvo/novosti-posolstva/637-oleg-burmistrov-rasschityvaem-chto-kontakty-s-ssha-po-kndr-stanut-bolee-intensivnymi> (дата обращения: 17.01.2018)).

²² URL: http://rusembdprk.ru/images/law-base/Document_24.pdf (дата обращения: 17.01.2018).

²³ Ранее действовавший Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР (Москва, 06.07.1961) в ст. 1 провозглашал: «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется вооруженному нападению со стороны какого-либо государства и окажется таким образом в состоянии войны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми

политические аспекты (п. 23—29), в частности: выражена обеспокоенность по поводу огромных тягот, которые претерпевает народ КНДР; констатируется, что намного больше половины населения КНДР страдает от чрезвычайно неблагоприятного положения с продовольствием и медицинским обслуживанием, включая значительное число беременных женщин и кормящих матерей, а также детей в возрасте до пяти лет, которые подвержены риску нарушения питания; 41 % жителей страны страдают от недоедания; указано, что меры, введенные резолюциями, не призваны иметь негативные гуманитарные последствия для гражданского населения КНДР (п. 25). Вместе с тем подчеркивается, что КНДР в первую очередь обязана и должна полностью удовлетворять потребности граждан страны в средствах к существованию. В такой позиции мирового сообщества усматривается очевидное противоречие.

Конституция КНДР²⁴ закрепила, что КНДР руководствуется в своей деятельности «идеями чучхе» — мировоззрением, в центр которого ставится человек, и революционными идеями, нацеленными на осуществление самостоятельности народных масс (ст. 3); КНДР

считает высшим принципом своей деятельности неуклонный подъем материального уровня жизни народа (ст. 25); государство проводит в жизнь военную линию на самооборону, основным содержанием которой является вооружение всего народа, превращение всей страны в крепость (ст. 60); права и обязанности граждан КНДР основываются на принципе коллективизма: «Один за всех, все за одного» (ст. 63).

Перефразируя слова известного исторического деятеля, можно утверждать, что ужесточение экономических ограничений — это ошибка мирового сообщества или путь в никуда. Для предотвращения эскалации негативного воздействия на права северокорейского народа необходима всеобъемлющая оценка режима экономических ограничений и постепенная их отмена.

3. Имплементация ограничительных мер против КНДР отдельными государствами. Соответствующими внутригосударственными актами ограничительные меры были введены отдельными государствами — США²⁵, Южной Кореей²⁶, Японией²⁷, Австралией²⁸, Канадой²⁹, а также Европейским Союзом³⁰.

имеющимися в его распоряжении средствами». Стороны договорились не участвовать в каких-либо коалициях, направленных против одной из сторон (ст. 2), предпринимать максимальные усилия для воссоединения Кореи на мирной и демократической основе (ст. 5) (URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Договор_о_дружбе,_сотрудничестве_и_взаимной_помощи_между_СССР_и_КНДР (дата обращения: 17.01.2018)).

²⁴ Принята на I сессии Верховного Народного Собрания КНДР пятого созыва 27.12.1972, в нее внесены изменения на III сессии Верховного народного собрания КНДР девятого созыва 09.04.1992 (URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=30> (дата обращения: 17.01.2018)).

²⁵ В феврале 2016 г. в США был принят Закон «Об ужесточении санкций и о политике США в отношении Северной Кореи в 2016 году», который: требует от Президента США ввести санкции против любых лиц и организаций, способствующих разработке ядерного оружия КНДР, торговле оружием, нарушениям прав человека, а также иным противоправным действиям; устанавливает обязательные санкции против лиц, участвующих в торговле металлами и минеральными ресурсами с КНДР; требует от Министерства финансов США определить, занимается ли КНДР отмыванием денег и, в случае положительного ответа на этот вопрос, ввести против КНДР новые санкции; вводит новые санкции против организаций, связанных с нарушениями прав человека со стороны КНДР, а также с нарушениями компьютерной безопасности. В августе 2017 г. в США принят Закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, CAATSA) (URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3203/text?q=%7b%22search%3A%5B%22An+Act+to+Provide+Congressional+Review+and+to+Counter+Iranian+and+Russian+Governments%27+Aggression%5d%7d&r=3> (дата обращения: 17.01.2018)).

²⁶ Санкции Республики Корея против КНДР, известные как «меры 24 мая», включали в себя: запрет захода северокорейских судов в южнокорейские территориальные воды; приостановку межкорейской торговли, за исключением Промышленной зоны «Кэсон» (закрыта по решению Президента РК в 2016 г.); практически полное прекращение межкорейских культурных обменов.

²⁷ Япония ввела против КНДР следующие санкции: запрет денежных переводов между странами стоимостью более 100 000 иен, за исключением переводов средств, предназначенных для гуманитарных

Во исполнение резолюции СБ ООН 2321 от 30.11.2016³¹, предусматривающей применение ряда ограничений в отношении КНДР в ответ на проведение ею ракетно-ядерных испытаний, Указом Президента РФ от 14.10.2017 № 484 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2321 от 30 ноября 2016 г.»³² и в соответствии с Федеральным законом от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах»³³ введены российские ограничения в отношении КНДР³⁴.

Вместе с тем основанные на Резолюции СБ ООН 2321 ограничительные меры³⁵, предусмотренные пп. 13 п. 1 Указа Президента РФ от 29.12.2016 № 729³⁶, в соответствии с пп. 18 п. 1 Указа № 484 *не применяются* в отноше-

нии поставок угля, происхождение которого за пределами КНДР подтверждает закупающее государство и транспортировка которого осуществляется через КНДР исключительно в целях экспорта из порта Раджин (Расон)³⁷.

Иными словами, деятельность совместного российско-северокорейского предприятия в Раджине не была затронута имплементационными актами отдельных государств.

В научном сообществе оценки введенных ограничений против КНДР носят диаметрально противоположный характер. Так, академик Д. Делюри охарактеризовал экономические ограничения как бесполезные и контрпродуктивные. Ученый отметил, что они не имеют юридической силы и вряд ли смогут заставить

целей; замораживание размещенных в Японии активов ряда физических и юридических лиц из КНДР; запрет на въезд в Японию для граждан КНДР; запрет на заход в японские порты северокорейских судов, а также судов третьих стран, посещавших КНДР; запрет на въезд в Японию для специалистов по ядерной и ракетной технике из третьих стран, посещавших КНДР.

²⁸ С августа 2017 г. Австралия также ввела ряд санкций в отношении КНДР.

²⁹ Special Economic Measures (Democratic People's Republic of Korea) Regulations (SOR/2011-167) // URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-2006-287/FullText.html> (дата обращения: 17.01.2018).

³⁰ С 2006 г. ЕС ввел ряд санкций в отношении КНДР, в частности: эмбарго на поставки оружия и связанных с ним материалов; эмбарго на поставку авиационного и ракетного топлива; запрет на торговлю с КНДР золотом, драгоценными металлами и алмазами; запрет импорта полезных ископаемых из КНДР, с некоторыми исключениями для угля и железной руды; запрет на экспорт в КНДР предметов роскоши; ограничения на финансовую поддержку торговли с КНДР; ограничения инвестиционной и финансовой деятельности; проверки и мониторинг грузов, импортируемых в КНДР и экспортируемых из нее; запрет на въезд в страны ЕС для ряда физических лиц — граждан КНДР. ЕС запретил экспорт нефти и инвестиции в КНДР.

³¹ URL: http://www.cbr.ru/today/anti_legalisation/un/2321_2016.pdf (дата обращения: 17.01.2018).

³² URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71687328/> (дата обращения: 17.01.2018).

³³ URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-30122006-n-281-fz-o/> (дата обращения: 17.01.2018).

³⁴ В частности, запрещена поставка новых вертолетов и морских судов в КНДР. С национальной регистрации должны быть сняты все морские суда, находящиеся в собственности либо под контролем Республики. Введены дополнительные запреты на торгово-экономическое и банковско-финансовое взаимодействие с КНДР. Так, не допускается приобретение в Республике меди, никеля, серебра и цинка. Банковские счета российских компаний должны быть закрыты (кроме случаев, когда они необходимы для оказания гуманитарной помощи или осуществления деятельности российской дипмиссии). Запрещена какая-либо финансовая поддержка торговли с КНДР. Приостановлено научно-техническое сотрудничество с лицами, представляющими КНДР (за исключением обменов в области медицины), если оно может содействовать развитию запрещенных программ КНДР.

³⁵ В частности, запрещаются приобретение гражданами РФ и организациями, зарегистрированными на территории РФ, угля, железа и железной руды из КНДР независимо от страны их происхождения, а также перевозка таких предметов с использованием морских или воздушных судов под Государственным флагом РФ.

³⁶ URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41624> (дата обращения: 17.01.2018).

³⁷ При условии, что закупающее государство заблаговременно уведомляет Комитет и что такие сделки не связаны с получением доходов для осуществления ядерной программы КНДР или ее программы по баллистическим ракетам либо других видов деятельности, запрещенных в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН 1718 (14.10.2006), 1874 (12.06.2009), 2087 (22.01.2013), 2094 (07.03.2013), 2270 (02.03.2016) и 2321 (30.11.2016).

КНДР отказаться от своей ядерной программы³⁸. Совершенно иная точка зрения высказана профессором Сун Юн Ли и Д. Стэнтоном, которые выступают за дальнейшее ужесточение экономических ограничений, в частности за замораживание офшорных счетов правящей верхушки КНДР и за дополнительные ограничения в отношении третьих стран, поддерживающих северокорейский режим³⁹. Эти точки зрения отражают ситуативный тупик и побуждают к поиску международно-правовых решений проблем не только денуклеаризации Корейского полуострова, но и восстановления экономического сотрудничества государств региона. Выхода здесь два: 1) реализация «оптимистичного (иранского⁴⁰) сценария» на основе согласованного совместного всеобъемлющего плана действий относительно ядерной программы КНДР; 2) реализация «пессимистичного сценария» — присоединение КНДР к Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (в соответствии с п. 1 ст. IX Договора) и фактическое признание за ней статуса ядерной державы. Подчеркнем, что дипломатическое решение кризиса возможно лишь путем прямого диалога всех заинтересованных сторон (в данном случае — всего мирового сообщества) без выдвижения предварительных условий.

4. Проект «Хасан-Раджин» как проекция дальневосточной интеграции. Правовая основа перспективного проекта соединения железных дорог между Россией и КНДР была заложена

Московской декларацией 2001 г. (п. 6)⁴¹. Суть проекта заключалась в модернизации (реконструкции) ранее созданной корейской железнодорожной колеи до ширины 1520 мм из России (выход с Транссибирской железнодорожной магистрали) до северокорейского порта Раджин и строительстве в самом порту комплексного транспортного терминала (логистического центра). Это подразумевало четкую координацию действий и взаимодействие участников в различных сферах: логистики, железнодорожного транспорта, портовых структур и др. Восстановление участка железной дороги от станции Хасан (Россия) до порта Раджин (КНДР) позиционировалось и как пилотный этап реконструкции Транскорейской железнодорожной магистрали.

Проект восстановления железной дороги⁴² был реализован в 2008—2014 гг. совместным предприятием «РасонКонТранс»⁴³, которое было создано с участием ОАО «Торговый дом РЖД» и порта Раджин (КНДР) и зарегистрировано 16.07.2008 для реализации указанного проекта⁴⁴. Совместное предприятие зарегистрировано в КНДР, в особой экономической зоне «Расон», на 49 лет с распределением долей в уставном капитале: 70 % — у российской стороны и 30 % — у северокорейской. Согласно достигнутым договоренностям российская сторона вносит инвестиции, северокорейская сторона — имущественные права на порт (3-й причал/терминал и прилегающая территория).

³⁸ URL: <http://edition.cnn.com/2016/12/01/opinions/north-korea-sanctions-delury/index.html> (дата обращения: 17.01.2018).

³⁹ URL: <http://edition.cnn.com/2016/01/15/opinions/lee-stanton-north-korea-sanctions/> ; <https://www.wsj.com/articles/beef-up-sanctions-on-north-korea-1451928025> (дата обращения: 17.01.2018).

⁴⁰ Совместный всеобъемлющий план действий (англ. *Joint Comprehensive Plan of Action*, сокр. *JCPOA*; перс. *کرتشم دادقا عم اج ممانرب*) — политическое соглашение между Ираном и группой государств, известных как «5+1», относительно ядерной программы Ирана.

⁴¹ Стороны обязались предпринять все необходимые усилия по реализации на основе общепринятых в мировой практике принципов взаимовыгодности проекта создания железнодорожного транспортного коридора, соединяющего Север и Юг Корейского полуострова с Россией и Европой, и заявили, что работа по соединению корейских и российских железных дорог вступает в стадию активного осуществления (URL: <http://docs.cntd.ru/document/901801291> (дата обращения: 17.01.2018)).

⁴² Незамерзающий порт Раджин, который до 1991 г. использовался СССР как альтернативный порту Владивосток, способен обеспечить прием судов дедвейтом от 20 до 40 тыс. т, длиной до 188 м и осадкой до 11,5 м. После реконструкции длина причальной линии терминала составила 480 м, мощность комплекса — до 4 млн т грузов в год. Площадь склада на территории терминала — 36,8 тыс. кв. м, суммарная (единовременная) вместимость склада — 250 тыс. т.

⁴³ URL: <http://rasoncontrans.ru/> (дата обращения: 17.01.2018).

⁴⁴ Предполагалось, что третьей стороной в проекте должна была выступить Южная Корея (в частности, заинтересованность проявляли железнодорожный концерн «Korail», сталелитейный гигант «POSCO» и компания грузоперевозок «Hyundai Merchant Marine»).

08.08.2008 российско-корейское СП «Расон-КонТранс» и «Железнодорожно-транспортная компания Тонхэ» Министерства железных дорог КНДР подписали договор аренды на 49 лет (до 2057 г.) железнодорожной инфраструктуры на участке Туманган — Раджин.

Порт Раджин принадлежит городу Расон, который является населенным пунктом прямого подчинения правительству КНДР. На его территории действует особая экономическая зона. Всего в порту существуют шесть терминалов. Первый терминал достаточно давно арендуется КНР, а в отношении четвертого, пятого и шестого терминалов в 2011 г. заключен договор долгосрочной аренды (на 49 лет)⁴⁵. Второй терминал власти КНДР оставили под собственной юрисдикцией для обработки международных грузов, а третий терминал арендует Россия⁴⁶.

В ходе реконструкции на участке Туманган — Раджин уложена совмещенная колея (1520 мм и 1435 мм) протяженностью 54 км. Установлены стрелочные переводы, уложены дополнительные приемоотправочные пути. Реконструировано 30 искусственных сооружений (18 мостов и 12 водопропускных труб), проложено 50,4 км кабельной сети и систем связи. Новая железная дорога позволяет пропускать 14 пар поездов в сутки, что обеспечивает потребность в перевозке грузов через

порт Раджин при текущей мощности его работы 4 млн т ежегодно. Общая площадь портовой части проекта составляет 14 га; длина причала № 3 составляет 485 м, проведены работы по дноуглублению (глубина акватории у причала № 3 составляет 12 м), что позволяет заходить судам большого водоизмещения. Проводится работа по увеличению объемов транзитных перевозок по данному маршруту. Суммарный объем инвестиций в проект составил 10,6 млрд руб.

С января 2015 г. началось коммерческое использование этого транспортного коридора: объем транзитных перевозок угля в 2015 г. составил 1,2 млн т, в 2016 г. — 1,7 млн т, в 2017 г. — 3,6 млн т⁴⁷. В номенклатуре грузов 95,8 % составил уголь (в том числе в порт Раджин — 94,8 %), 1,7 % — лесные грузы. Основным рынком сбыта для кузбасского угля, перегружаемого в Раджине, сегодня является КНР. В будущем через северокорейский порт пойдет и уголь с Эльгинского⁴⁸ и Огоджинского⁴⁹ месторождений, а также руда с Гаринского⁵⁰ и Олёмминского⁵¹ рудников. Организацией экспортных перевозок через КНДР занята «РЖД Логистика».

Отметим, что в Раджине изначально планировалось развивать контейнерные транзитные перевозки в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, но затем стратегия изменилась —

⁴⁵ Доступа именно к этим мощностям китайцы добивались долгое время, так как выход к Японскому морю позволит производителям северо-востока КНР значительно сократить транспортные расходы при перевозке товаров в южную часть Китая. После приведения портовых сооружений в соответствие с мировыми стандартами китайцы смогут отгружать оттуда каменный уголь и другие сырьевые материалы не только в Шанхай и различные районы КНР, но также в Японию и другие районы Тихоокеанской зоны.

⁴⁶ В Раджине может появиться и нефтеналивной терминал, здесь есть законсервированный нефтеперерабатывающий завод (предприятие было построено при содействии СССР).

⁴⁷ URL: <http://rusembdprk.ru/ru/rossiya-i-kndr/torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 17.01.2018).

⁴⁸ Эльгинское угольное месторождение — крупнейшее в России месторождение коксующегося угля, расположено в юго-восточной части Якутии, в 415 км к востоку от города Нерюнгри и в 300 км от Байкало-Амурской магистрали. Запасы угля по стандартам JORC составляют 2,2 млрд т. Лицензия на разработку северо-западного участка Эльгинского месторождения принадлежит ОАО «Мечел».

⁴⁹ Огоджинское каменноугольное месторождение расположено в Селемджинском районе Амурской области. В проекте участвует совместная российско-китайская компания «Огоджинская энергетическая компания», которая создана в 2011 г. для освоения Гербикано-Огоджинского угленосного района с тремя крупными месторождениями — Гербиканское, Дигитканское и Синниканское. Запасы энергетического угля Гербикано-Огоджинского угленосного района в Амурской области оцениваются в 1,6 млрд т.

⁵⁰ Гаринское месторождение железной руды расположено в Мазановском районе Амурской области в 150 км к северо-востоку от Свободного между реками Гари и Мамина, на расстоянии 60 км от Транссибирской железнодорожной дороги, и примерно в 65 км к северу-востоку от БАМ. Площадь участка составляет 11,2 км². На сегодняшний день промышленное освоение месторождения не ведется.

⁵¹ Олёмминский горно-обогатительный комбинат построен на базе Куранахского месторождения на северо-западе Амурской области, в 35 км от станции Олёмка (БАМ).

порт переориентировали на перевалку угля. Сейчас уголь с Дальнего Востока идет в Китай по железной дороге через погранпереходы Махалино-Хуньчунь и Гродеково-Суйфэнхэ, объемы перевалки суммарно сопоставимы с объемами, идущими через Раджин. Теперь единственным получателем транспортных услуг в рамках проекта остаются китайские импортеры российского угля. К тому же Китай, не имеющий прямого выхода к Японскому морю, отправляет свои грузы через другие терминалы в Раджине, доставляемые туда автотранспортом, а китайские судоходные компании заняты в доставке российского угля по контрактам «РасонКонТранса».

Железнодорожно-портовый проект «Хасан-Раджин» является знаковым, так как именно с ним северокорейская сторона в дальнейшем связывает возможный массовый приход российского бизнеса в КНДР, начиная с СЭЗ «Расон».

5. Интересы государств дальневосточного региона, затронутые введением ограничительных экономических мер против КНДР. Причины неприменения к российско-северокорейскому проекту «Хасан-Раджин» экономических ограничений со стороны ООН и отдельных государств следует искать в плоскости совпадения экономических интересов КНДР, КНР, Республики Корея и Российской Федерации.

Интересы КНДР состоят в необходимости развития северных регионов страны, привлечения инвестиций в экономику. Сделать это возможно лишь с помощью КНР и России.

Выгоды КНДР от проекта носят комплексный характер. Владение акциями СП «РасонКонТранс» гарантирует соответствующую долю в прибыли. КНДР получает 600 тыс. евро в год только за предоставление в аренду земли, на которой сейчас лежит новое железнодорожное полотно, вне зависимости от того, как обстоят дела с реализацией проекта. Отметим также и фактор снижения односторонней экономической зависимости КНДР от соседнего Китая. Понятно, что один только проект «Хасан-Раджин» вряд ли сможет существенно изменить ситуацию с доминированием КНР во внешней торговле страны, но сделан шаг именно в этом направлении.

Интересы КНР состоят в получении выхода к Японскому морю через наращивание присутствия КНР в экономике КНДР, освоении северокорейского рынка⁵². В 2002—2003 гг. Китай предлагал сдать ему в аренду российские порты Зарубино (морской порт в бухте Троицы⁵³) и Посьет (торговый порт Посьет) на 49 лет, однако Минтранс России выступил против китайской аренды российских портов.

Между КНДР и КНР в 2011 г. заключены соглашения по совместному развитию двух экономических зон на территории КНДР — торгово-экономической зоны (ТЭЗ) «Расон» и экономической зоны на островах Хвангумпён и Вихва⁵⁴, расположенных на реке Амноккан (Ялцзян)⁵⁵. Китай остается главным торгово-экономическим партнером КНДР⁵⁶, развитию двусторонних отношений в этой сфере способ-

⁵² В 1993—1994 гг. Китай выступил посредником при заключении «рамочного соглашения» между США и КНДР, которое определяло условия прекращения ядерных разработок со стороны КНДР. В 2003 г. Китай вновь выступил в числе посредников, активно участвуя в шестисторонних переговорах по урегулированию вновь обострившейся ситуации вокруг ядерной программы КНДР. Китай был особенно ценным участником переговоров, поскольку имел рычаги влияния на северокорейское руководство, и в то же время смягчал жесткое давление на КНДР со стороны США и Японии.

⁵³ В соответствии с предложениями китайской стороны через Зарубино мог пойти поток грузов из северо-восточных провинций КНР, который тогда переваливался через китайский порт Далянь. Изменение маршрута на Зарубино сокращало для китайцев транспортное плечо более чем на 1 тыс. км. Кроме того, это позволило бы разгрузить железнодорожное направление на Далянь (URL: <http://maxpark.com/user/4296698099/content/4025557> (дата обращения: 17.01.2018)).

⁵⁴ В частности, инвесторам интересен остров Хвангумпён (Hwanggumryong), на котором правительство КНДР намерено создавать заводы для высокотехнологичных компаний. Кроме того, там будет построен парк развлечений и, самое главное, 20 тыс. кв. м отведено на зону свободной торговли. Статус особой экономической зоны (ОЭЗ) остров получил одновременно с регионом Вихва.

⁵⁵ Указом Министерства торговли КНР установлено: «Страны будут развивать две экономические зоны, которые будут находиться под правительственным управлением, действовать на основе предприятий и сохранять ориентированный на рынок характер» (URL: http://www.ukrudprom.ua/news/KNDR_sozdaet_spetsialnie_ekonomicheskie_zoni.html (дата обращения: 17.01.2018)).

⁵⁶ КНДР занимает 82-е место в списке торговых партнеров КНР.

ствуют многочисленные соглашения, которые касаются защиты инвестиций, сертификации товаров, стимулирования сотрудничества в области промышленности, сельского хозяйства, рыболовства, науки и техники.

Начало реализации проекта «Хасан-Раджин» было связано с обеспокоенностью властей КНДР зависимостью большинства планов развития Расона от КНР, зафиксированной в Договоре «О совместном развитии и совместном управлении Зоной». Из-за этого КНДР не планировала связывать себя односторонней направленностью развития СЭЗ и стремилась привлечь капитал из других стран, и прежде всего из России.

Интересы Республики Корея можно определить как потенциальные и находящиеся в зависимости от политической конъюнктуры⁵⁷. 13.11.2013 в Сеуле был подписан Меморандум о взаимопонимании между ОАО «РЖД» и консорциумом южнокорейских компаний — сталелитейного гиганта «POSCO», железнодорожного холдинга «Korail» и компании грузоперевозок «Hyundai Merchant Marine» — для проработки вопросов участия южнокорейских партнеров в проекте «Хасан-Раджин». По предварительным оценкам, инвестиции Республики Корея могут составить 150—200 млн долл. и будут осуществляться путем выкупа 49 % российской доли в «РасонКонТрансе»⁵⁸.

Хотя Республика Корея пока не приняла окончательного решения о присоединении к проекту, но вероятность этого высока. Для южнокорейских потребителей угля новая логистическая цепочка в рамках проекта «Хасан-Раджин» позволяет сэкономить около 10—15 % времени на доставку и транспортные расходы. В перспективе возможно будет и на-

правление контейнеров по этой же линии, но уже в обратном направлении: из Южной Кореи через КНДР, всю Россию и до Западной Европы. Проект «Хасан-Раджин» позволит Республике Корея улучшить отношения с КНДР⁵⁹.

Интересы РФ состоят в использовании и развитии международных транспортных коридоров, усилении влияния на экономику КНДР и противодействию китайской экспансии на этом направлении.

Соглашение о взаимном сотрудничестве между Министерством путей сообщения РФ и Министерством железных дорог КНДР (Москва, 14 августа 2001 г.)⁶⁰ предусматривало осуществление тесного сотрудничества в воссоединении железных дорог Севера и Юга Кореи с Транссибирской магистралью с учетом интересов корейского народа и с целью обеспечения международных грузовых транзитных перевозок через восточный участок Транскорейской железной дороги по маршруту Пхёнган — Вонсан — Туманган (п. 1). Стороны договорились, что российская сторона отвечает за обеспечение инвестиций, необходимых для реализации проекта по реконструкции и модернизации восточного участка Транскорейской железной дороги (п. 2). Стороны признали необходимость прокладки широкой колеи (1520 мм) на восточном участке Транскорейской железной дороги, а вопрос о совмещении с колеей стандарта 1435 мм подлежал обсуждению после проведения сторонами специального технического обследования (п. 3).

В Меморандуме о взаимопонимании между Министерством путей сообщения РФ и Министерством железных дорог КНДР (Пхеньян, 02.11.2002)⁶¹ стороны подтвердили намерение

⁵⁷ Так, в ноябре 2014 г. через Раджин была успешно осуществлена пилотная отгрузка и транспортировка в южнокорейский Пхохан крупной партии российского угля в 40 тыс. т, доставленного в КНДР по железнодорожному переходу Хасан — Туманган. В период с 16.04.2015 по 09.05.2015 состоялась вторая тестовая отправка тем же маршрутом, но в три рейса (порты Танчжин, Кванъян и Борён) еще порядка 140 тыс. т угля для нужд металлургического производства корпорации «POSCO» и электрогенерирующих мощностей Республики Корея.

⁵⁸ Кирьянов О. В. Россия — КНДР: проект «Хасан-Раджин» // URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=3175&type=news> (дата обращения: 17.01.2018).

⁵⁹ 08.03.2016 Республика Корея ввела односторонние ограничения против КНДР, в том числе прекратила сотрудничество по проектам в Кымгасане и Кэсонском технопарке. В ответ КНДР заявила о прекращении всех договоров с Южной Кореей об экономическом сотрудничестве и конфисковала все находящееся на территории КНДР имущество южнокорейских предприятий и прочих организаций (URL: <https://rg.ru/2016/03/10/kndr-obiavila-o-prekrashchenii-ekonomicheskikh-dogovorov-s-iuzhnoj-koreej.html> (дата обращения: 17.01.2018)).

⁶⁰ URL: http://rusembdprk.ru/images/law-base/Document_29.pdf (дата обращения: 17.01.2018).

⁶¹ URL: http://rusembdprk.ru/images/law-base/Document_33.pdf (дата обращения: 17.01.2018).

проводить реконструкцию и модернизацию восточного участка Транскорейской железной дороги по маршруту Туманган — Вонсан — Кымгансан. Корейская сторона настояла на варианте совмещенной колеи 1435/1520 мм.

Краткий анализ пересечения интересов государств дальневосточного региона, затронутых введением экономических ограничений против КНДР, позволяет констатировать, что реализованный железнодорожно-портовый проект «Хасан-Раджин» стал неприступным российско-китайским бастионом в КНДР.

6. Особенности реализации проекта в связи с вопросами погашения внешнего долга КНДР перед РФ. Реализация проекта «Хасан-Раджин» была бы невозможной без решения *финансовых проблем*, которые были решены во взаимосвязи с вопросами внешнего долга КНДР. В соответствии со ст. 3 Соглашения между Правительством РФ и Правительством КНДР об урегулировании задолженности КНДР перед Российской Федерацией по предоставленным в период бывшего СССР кредитам (Москва, 17.09.2012)⁶², 90 % от суммы задолженности (10 млрд долл.) не выплачивается Корейской стороной, а возвращаемый остаток (1,09 млрд долл.) будет погашаться в течение 20 лет 40 равными полугодовыми платежами путем зачисления на беспроцентный счет, открываемый Внешэкономбанком в Банке внешней торговли КНДР. Соглашение предполагает, что этот остаток может использоваться для финансирования общих российско-северокорейских проектов в гуманитарной и энергетической областях. Таким образом, был создан своеобразный фонд для будущих российских инвестиций в КНДР. При

этом остаток долга может быть использован также и для финансирования железнодорожного и газового проектов. Такой подход («долг в обмен на развитие») позволил вовлечь КНДР в международные проекты ОАО «РЖД» и ПАО «Газпром»⁶³.

В рамках Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству между Россией и КНДР заключен ряд соглашений, например: о специальном механизме поддержки приоритетных проектов на территории КНДР; о переходе на рубли в расчетах между КНДР и Россией (2014 г.)⁶⁴. Поскольку объемы северокорейской внешней торговли весьма невелики, можно предположить, что в обход введенных экономических ограничений во многих случаях расчеты могут производиться даже наличной валютой.

7. Перспективы формирования и развития международных транспортных коридоров в дальневосточном регионе. Исходя из тех экономических выгод, которые дает обслуживание международного транзита, многие страны борются за то, чтобы международные транспортные коридоры (далее — МТК) проходили по их территориям⁶⁵. Привлечение транзитных грузов становится важнейшим фактором международного позиционирования государств, так как международный транзит, по своей сути, является экспортом транспортных услуг.

Благодаря своему выгодному географическому положению, Россия может замкнуть на себя большую часть евроазиатских международных грузопотоков⁶⁶. Транссибирская железнодорожная магистраль (Транссиб)⁶⁷ обра-

⁶² URL: http://rusembdprk.ru/images/law-base/Document_48.pdf (дата обращения: 17.01.2018).

⁶³ URL: <http://www.gazprom.ru/> (дата обращения: 17.01.2018).

⁶⁴ Рублевые расчеты осуществляются через ОАО АКБ «Региональный банк развития» Банком Внешней торговли КНДР и Корейским банком соединения развития. В апреле 2015 г. рублевый оборот составил 3,5 млрд.

⁶⁵ Воронов В. И., Воронов А. В. Международная логистика пространств и границ: основные аспекты формирования понятия, миссии, целей, задач, функций, интегральной логики, принципов и методов // Управление. 2015. Т. 3. № 2. С. 27—36.

⁶⁶ Дергачев В. А. Международные экономические отношения : учебник для вузов. М. : Юнити-Дана, 2005. 368 с. ; Троицкая Н. А. Транспортные коридоры России для международного сообщения. М. : АСМАП, 2007. 174 с. ; Володин А. В. Международные транспортные коридоры и национальная безопасность России // URL: <http://www.bizeducation.ru/library/log/trans/7/corr2.htm> (дата обращения: 17.01.2018).

⁶⁷ Транссиб — двухпутная, полностью электрифицированная железнодорожная линия протяженностью около 10 тыс. км, технические возможности которой позволяют освоить объемы перевозок грузов до 100 млн т в год, в том числе международного транзита в контейнерах на уровне 200—300 тыс. TEU из стран Азиатско-тихоокеанского региона в Европу и Центральную Азию.

зует основу МТК «Восток — Запад»⁶⁸. Однако перспективы развития транзитных перевозок во многом зависят от реализации проекта восстановления Транскорейской магистрали с выходом на Транссиб⁶⁹. При формировании МТК Транссибирская магистраль включена в проекты Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана ООН (ЭСКАТО)⁷⁰ в качестве приоритетного маршрута в сообщении между Европой и Азией⁷¹. Впрочем, существуют и иные проекты, например проект «Евразийский транспортный коридор»⁷², связанный

с проектом «Туманган», который планируется создать в обход России⁷³.

Проблема развития МТК⁷⁴ в России носит комплексный характер, что выражается в необходимости государственного регулирования, непосредственном участии в решении стоящих задач федеральных и региональных органов исполнительной власти, высокой степени необходимой координации функционирования и развития отдельных видов транспорта, участию в ее реализации широкого круга транспортных предприятий и предприятий других

⁶⁸ Предусматривается формирование глобального сухопутного МТК по направлению Европа — Россия — Япония с ответвлениями на Китай, Казахстан, Монголию и Корейский полуостров. Его основой органично могут стать МТК № 2 и Транссибирская магистраль. Уже сейчас это направление от портов Дальнего Востока до пограничных переходов и портов северо-запада России представляет собой альтернативу традиционному морскому пути доставки контейнеров из Юго-Восточной Азии вокруг Индии и через Суэцкий канал в Европу. Для приведения его в соответствие с современными требованиями потребуются развитие транспортных коммуникаций, мультимодальных транспортных узлов, транспортно-логистической инфраструктуры и модернизация морских портов Дальнего Востока и северо-запада России, обеспечивающих стыковку этого коридора с международными коммуникациями.

⁶⁹ Данный проект позволит обеспечить прямое железнодорожное сообщение между странами Европы с Республикой Корея и значительно повысить привлекательность железнодорожной перевозки южнокорейских контейнерных грузов за счет исключения «морского плеча» (Пусан — Владивосток).

⁷⁰ URL: <http://www.un.org/ru/ecosoc/escap/>.

⁷¹ Семенов Д. В. Международно-правовой режим транспортных коридоров : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с.

⁷² Разработанная в начале 1990-х гг. программа «Трасека» (от англ. Transport Corridor Europe — Caucasus — Asia) предполагает перевозить грузы по транспортному коридору Европа — Кавказ — Центральная Азия. Этот проект включает в себя следующие направления: станция Дружба (Казахстан) — Ташкент — Ашхабад — Туркменбаши (Красноводск) — Баку — Тбилиси — Потти, далее через паромные переправы на Одессу, Варну, Констанцу, Стамбул, а также Актюбинск — Гурьев — Актау — Баку. В организационном плане Трасека представляет собой межправительственную комиссию.

⁷³ См.: Гайкин В. А. Евразийский союз vs проект «Туманган» (Унипланетное сообщество или расовая война) // URL: http://printed.e-notabene.ru/wi/article_175.html (дата обращения: 17.01.2018).

⁷⁴ Под МТК понимаются международные транспортные системы, обеспечивающие значительные международные грузовые и пассажирские перевозки между отдельными географическими районами, слагаемые из различных видов транспорта и их инфраструктуры, на согласованных на международном уровне благоприятных организационных, технологических, правовых, экономических, информационных, сервисных условиях. Утверждение транспортных систем в качестве МТК осуществляется принятыми международными процедурами и предполагает гармонизацию всех условий перевозок. См. подробнее: Кузнецова Е. М. Сущность и иерархия понятия международный транспортный коридор // URL: <http://worlddec.ru/content/articles/Кузнецова%20ЕМ%20Финэк.pdf> (дата обращения: 17.01.2018) ; Внукова О. С., Никифоров В. А. Международные транспортные коридоры // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-transportnye-koridory> (дата обращения: 17.01.2018) ; Леонтьев Р. Г., Хмель В. А. Международные транспортные коридоры: трансформации региональной инфраструктуры. М. : ВИНТИ РАН, 2003. 238 с. ; Стрельник А. А. Освоение транспортом Дальнего Востока РФ рынка услуг международного грузового транзита : дис. ... канд. экон. наук. Хабаровск, 2000. 176 с. ; Троицкая Н. А. Транспортные коридоры России для международного сообщения. М. : АСМАП, 2007. 174 с. ; Семенов Д. В. Международно-правовой режим транспортных коридоров : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с. ; Мультимодальные транспортные коридоры. Системный подход / Б. А. Лёвин, В. И. Галахов, В. Н. Морозов, В. В. Шашкин. М. : Транспорт, 2008. 71 с. ; Морозов В. Н. Кластерная организация международных транспортных коридоров на основе логистических центров. М. : ВИНТИ РАН,

отраслей экономики России, иностранных инвесторов, финансовых, научных и проектных организаций⁷⁵. Для решения этих проблем была разработана Федеральная целевая программа «Развитие транспортной системы России (2010—2021 годы)»⁷⁶. Отмечено, что активная интеграция в систему МТК создаст дополнительные возможности для развития российской транспортной системы и дальнейшего совершенствования ее производственной, информационной и технологической инфраструктуры, обеспечит интеграцию России в глобальную транспортную систему⁷⁷, ускорит рост национального валового продукта.

Одной из задач ОАО «РЖД» является развитие международной деятельности и выход

на зарубежные транспортные рынки⁷⁸. В этой области предусматривается развитие МТК, способствующих привлечению значительных грузопотоков, выход на рынки стран «Пространства-1520», участие в зарубежных проектах по строительству железнодорожной инфраструктуры, в перевозочном и логистическом бизнесе⁷⁹. «Пространство 1520» (1 520 мм — официальная ширина колеи железных дорог стран СНГ, Балтии, Монголии и Финляндии; общая протяженность железных дорог такой ширины составляет свыше 150 тыс. км) — наиболее интегрированный железнодорожный комплекс в мире, важнейшая инфраструктура международного сотрудничества на стыке Европы и Азии⁸⁰, фактор, создающий условия для глубокой экономи-

2010. 450 с. ; Титаренко М. Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М. : Форум, 2012. 544 с. ; Цветков В. А., Зоидов К. Х., Медков А. А. О возможности и целесообразности организации транзита через Россию грузов между странами Тихоокеанского региона и Европы // URL: <http://www.ipr-ras.ru/articles/tsvetkov-and13-01.pdf> (дата обращения: 17.01.2018).

⁷⁵ Журавлев К. В. Международные транспортные коридоры, их экология и безопасность и значение для России // URL: <https://novainfo.ru/article/9945>.

⁷⁶ Постановление Правительства РФ от 05.12.2001 № 848 «О федеральной целевой программе “Развитие транспортной системы России (2010—2021 годы)”» (с изм. от 20.09.2017) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901807416> (дата обращения: 17.01.2018).

⁷⁷ В дальнейшем МТК, как правило, становятся базовыми национальными коридорами, на основе которых формируется опорная транспортная сеть циклического типа (так называемая *опорная транспортная решетка*).

⁷⁸ В Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года международная деятельность холдинга «РЖД» определена по следующим основным направлениям: развитие международных транспортных коридоров, проходящих через территорию России; транспортное обеспечение ВЭС (внешнеэкономических связей) России, в том числе посредством комплексного развития инфраструктуры российских морских портов и подходов к ним; создание транспортных логистических центров за рубежом с продлением железнодорожных линий колеи шириной 1520 мм на территорию государств Европы и Корейский полуостров; реализация совместных проектов с крупнейшими международными транспортными компаниями; участие в инфраструктурных проектах за рубежом; участие в капиталах зарубежных транспортных компаний; формирование унифицированного правового пространства в сфере международных сообщений; развитие партнерства со странами пространства 1520, направленное на выработку совместной стратегии развития железнодорожной сети; повышение эффективности функционирования железнодорожных пограничных переходов.

⁷⁹ В рамках международной деятельности «РЖД» реализует следующие крупные проекты: а) организация прямого железнодорожного сообщения Москва — Братислава — Вена с использованием колеи шириной 1520 мм и созданием логистико-провайдерского центра в районе г. Вены. По предварительной оценке, к нему будет экономически тяготеть обширная территория Южной Германии, Швейцарии, юго-восточной части Франции, Австрии, Словении, Чехии, Венгрии, Словакии, Сербии, севера Хорватии, севера Италии, юго-западного региона Польши. Это страны и регионы с высоким внешнеэкономическим потенциалом, в значительной своей части ориентированным на Россию, страны СНГ, государства Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии; б) создание логистических центров в пунктах стыка линий с разной шириной колеи и в морских портах Дальнего Востока — для обеспечения торговли России с Японией, Республикой Корея и другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона, а также для евро-азиатских связей.

⁸⁰ Следует отметить, что Россия участвует в работе Организации сотрудничества железных дорог, Комитета по внутреннему транспорту Европейской экономической комиссии ООН, Экономической и соци-

ческой интеграции стран СНГ и Евразийского экономического союза со странами Евросоюза и Азиатско-Тихоокеанского региона⁸¹.

Развитие МТК и реализация железнодорожного транзитного потенциала РФ предполагает проведение согласованной тарифной политики и обоснованное снижение транспортных затрат, повышение уровня транспортного обслуживания за счет развития транспортно-логистической и информационной инфраструктуры перевозок вдоль трасс МТК⁸². Важная роль железнодорожных перевозок требует крупных капитальных вложений, в том числе за счет государственных инвестиций, так как транспортная инфраструктура является прежде всего элементом национальной безопасности. В настоящее время достаточно широко реализуются такие формы межгосударственного сотрудничества в транспортной сфере, как: перекрестное акционирование объектов транспорта и инфраструктуры, прямое инвестирование в транспортные предприятия, создание совместных предприятий, выкуп акций, создание международных компаний в транспортном секторе с транснациональным капиталом и т.п.⁸³ Основным связующим звеном, позволяющим наладить оптимальное взаимодействие на стыках видов транспорта, являет-

ся создание мультимодальных логистических центров (МЛЦ)⁸⁴. Развитие конкуренции на рынке железнодорожных грузовых перевозок формируется под влиянием увеличения численности участников, расширения географии внешнеэкономических связей России, а также развитии региональных МТК.

8. Перспективы дальнейшего развития российско-северокорейского сотрудничества по реализации новых проектов. Следует полагать, что развитие железнодорожно-портового проекта «Хасан-Раджин» является пилотной частью трех потенциально возможных мегапроектов, связанных с развитием российского Дальнего Востока (РДВ). Первый проект связан с соединением Транссибирской и Транскорейской железных дорог до южнокорейского порта Пусан⁸⁵, что позволит создать самый протяженный трансконтинентальный транспортный коридор «Восток — Запад» длиной более 10 тыс. км. В итоге предприниматели будут получать свои контейнеры по железной дороге в течение двух недель, вместо 45 суток морского пути. «РЖД Логистика»⁸⁶ совместно с «Трансконтейнером»⁸⁷ уже разработали проект по доставке контейнеров из КНР в Россию транзитом через КНДР⁸⁸. Реализация двух других проектов находится в за-

альной комиссии ООН для Азии и Тихого океана, Международного союза железных дорог, Совета по транспортной политике при Интеграционном комитете Евразийского экономического сообщества.

⁸¹ Лукаш А. С. Направления международного сотрудничества холдинга «РЖД» // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 7-2. С. 278—280.

⁸² Важными задачами для «РЖД» в этом отношении являются: ускорение товародвижения между Европой, Россией, странами СНГ и Азиатско-Тихоокеанского региона в результате применения сквозных логистических технологий; повышение привлекательности евро-азиатских перевозок по МТК, проходящим по территории России; динамичное развитие интермодальных перевозок и освоение новых географических сегментов рынка; увеличение рабочих мест в регионах, прилегающих к новым маршрутам, в частности за счет строительства новых терминальных мощностей.

⁸³ Семин П. А. Методология и инструментарий формирования общего транспортного пространства стран СНГ : дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2015. 394 с.

⁸⁴ Создание МЛЦ как совместных предприятий, в том числе акционерных обществ по логистическому управлению с участием железных дорог, морских портов, стивидорных и экспедиторских компаний, операторов, перевозчиков, крупных грузовладельцев и общественных организаций, приведет к новым возможностям взаимодействия их участников и повысит эффективность функционирования МТК (см.: Морозов В. Н. Методология организации функционирования международных транспортных коридоров на основе кластерного подхода с применением мультимодальных логистических центров : дис. ... д-ра техн. наук. М., 2011. 435 с.

⁸⁵ Когда будет налажено сообщение по всей этой магистрали от южнокорейского порта Пусан через КНДР в Россию, появится возможность переориентировать на российский Транссиб значительную часть грузов, которые в настоящее время идут морским путем из Южной Кореи в Европу.

⁸⁶ URL: <http://www.rzdlog.ru/> (дата обращения: 17.01.2018).

⁸⁷ URL: <https://trcont.com/> (дата обращения: 17.01.2018).

⁸⁸ Согласно разработанной схеме контейнеры из Шанхая пойдут до северокорейского порта Раджин морем, затем по железной дороге через пограничный переход Туманган — Хасан и далее по Транссибу до Москвы.

висимости от отмены введенных экономических ограничений против КНДР (прокладка Транскорейского газопровода (РДВ-Южная Корея)⁸⁹; прокладка электросетей ЛЭП-500 РДВ — Южная Корея, ОАО «РусГидро»⁹⁰). КНДР потенциально готова обсуждать возможность оплаты землеотводов, необходимых при строительстве газопровода и железной дороги через территорию Северокорейской республики в Южную Корею, за счет перечислений по внешнему долгу.

Тенденции мирового развития в XXI в. позволяют сформулировать российскую парадигму цивилизационного выбора: либо нашу страну «разорвут» два геоэкономических полюса: Евросоюз и «большая тройка» Северо-Восточной Азии (Китай, Япония и Республика Корея),

либо Российская Федерация сумеет превратить соседство с этими исполинами на западе и востоке в инструмент собственного прорыва⁹¹.

Важно максимально эффективно использовать выгодное транспортно-географическое положение России как ресурс и фактор эффективности ее участия в интеграционных процессах в дальневосточном регионе, в том числе в транзите через территорию КНДР. Не стоит сбрасывать со счетов и политические дивиденды, поскольку реализация железнодорожно-портового проекта «Хасан-Раджин» повысила международный авторитет России, в определенной степени позволила уменьшить конфликтный потенциал в данной части мира, явилась вкладом России в нормализацию межкорейских отношений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Володин А. В. Международные транспортные коридоры и национальная безопасность России // URL: <http://www.bizeducation.ru/library/log/trans/7/corr2.htm>.
2. Воронов В. И., Воронов А. В. Международная логистика пространств и границ: основные аспекты формирования понятия, миссии, целей задач, функций, интегральной логики, принципов и методов // Управление. — 2015. — Т. 3. — № 2. — С. 27—36.
3. Дергачев В. А. Международные экономические отношения : учебник для вузов. — М. : Юнити-Дана, 2005. — 368 с.
4. Журавлев К. В. Международные транспортные коридоры, их экология и безопасность и значение для России // URL: <https://novainfo.ru/article/9945>.
5. Крупнов Ю. В. Транссиб «версия 2.0» как инструмент восстановления транзитного потенциала и основа выживания России в 2020—2030 гг. // Транспорт Российской Федерации. — 2010. — № 2. — С. 4—6.
6. Леонтьев Р. Г., Хмель В. А. Международные транспортные коридоры: трансформации региональной инфраструктуры. — М. : ВИНТИ РАН, 2003. — 238 с.
7. Лукаш А. С. Направления международного сотрудничества холдинга «РЖД» // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2016. — № 7—2. — С. 278—280.
8. Морозов В. Н. Кластерная организация международных транспортных коридоров на основе логистических центров. — М. : ВИНТИ РАН, 2010. — 450 с.
9. Морозов В. Н. Методология организации функционирования международных транспортных коридоров на основе кластерного подхода с применением мультимодальных логистических центров : дис. ... д-ра техн. наук. — М., 2011. — 435 с.
10. Мультимодальные транспортные коридоры. Системный подход / Б. А. Лёвин, В. И. Галахов, В. Н. Морозов, В. В. Шашкин. — М. : Транспорт, 2008. — 71 с.
11. Семенов Д. В. Международно-правовой режим транспортных коридоров : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 27 с.
12. Семин П. А. Методология и инструментарий формирования общего транспортного пространства стран СНГ : дис. ... д-ра экон. наук. — СПб., 2015. — 394 с.

⁸⁹ Проект строительства газопровода и транспортировку газа через КНДР давно прорабатывает «Газпром».

⁹⁰ Черкашин П. В. Российско-северокорейские отношения на современном этапе и перспективы их развития // Известия Восточного института. 2015. № 2 (26).

⁹¹ Крупнов Ю. В. Транссиб «версия 2.0» как инструмент восстановления транзитного потенциала и основа выживания России в 2020—2030 гг. // Транспорт Российской Федерации. 2010. № 2. С. 4—6.

13. Стрельник А. А. Освоение транспортом Дальнего Востока РФ рынка услуг международного грузового транзита : дис. ... канд. экон. наук. — Хабаровск, 2000. — 176 с.
14. Титаренко М. Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. — М. : Форум, 2012. — 544 с.
15. Троицкая Н. А. Транспортные коридоры России для международного сообщения. — М. : АСМАП, 2007. — 174 с.
16. Цветков В. А., Зоидов К. Х., Медков А. А. О возможности и целесообразности организации транзита через Россию грузов между странами Тихоокеанского региона и Европы // URL: <http://www.ipr-ras.ru/articles/tsvetkov-and13—01.pdf>.
17. Черкашин П. В. Российско-северокорейские отношения на современном этапе и перспективы их развития // Известия Восточного института. — 2015. — № 2 (26).

Материал поступил в редакцию 17 января 2018 г.

THE HASAN-RAJIN RUSSIAN AND NORTH KOREAN PROJECT IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL ECONOMIC CONSTRAINTS (AN IMPREGNABLE RUSSIAN-CHINESE BASTION IN THE DPRK)

BATYR Vyacheslav Anatolievich — PhD in Law, Professor of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
 batyr_62@mail.ru
 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The paper considers international economic constraints imposed by the UN Security Council and individual States on the DPRK in connection with the implementation of the North Korean State nuclear programs. The author scrutinizes the reasons for non-application of constraints to the Hassan-Rejin Russian-North Korean Project on exporting coal supplies from the port of Rajin (Rason) to China and the Republic of Korea. The paper considers the prospects of formation and development of international transport corridors in connection with integration processes in the Far Eastern region, reveals the interests of the States (the RF, the PRC, the RK) affected by the introduction of restrictive economic measures against the DPRK, determines the peculiarities of the project implementation in connection with the issues of the DPRK foreign debt repayment to the Russian Federation, provides the author's understanding of the North Korean problem solution and the development of the Russian-North Korean cooperation with regard to the implementation of new projects.*

Keywords: *Economic constraints on the DPRK, Hasan-Rajin Russian-North Korean Project, UN Security Council Resolution concerning the DPRK, DPRK external debt cancellation, international transport corridors, "Area 1520."*

REFERENCES

1. Voronov V. I., Voronov A. V. Mezhdunarodnaya logistika prostranstva i granits: osnovnye aspekty formirovaniya ponyatiya, missii, tselei, zadach, funktsii, integralnoi logiki, printsipov i metodov [International logistics of spaces and borders: The main aspects of the formation of the concept, mission, objectives, functions, integrated logic, principles and methods]. Upravleniye [Management]. 2015. Vol. 3. No. 2. P. 27—36.
2. Volodin A. V. Mezhdunarodnye transportnye koridory i natsionalnaya bezopasnost Rossii [International transport corridors and national security of Russia]. Available at: [/http://www.bizeducation.ru/library/log/trans/7/corr2.htm](http://www.bizeducation.ru/library/log/trans/7/corr2.htm).
3. Dergachev V. A. Mezhdunarodnye ekonomicheskiye otnosheniya [International Economic Relations]. Textbook for Universities. M. UNITY-DANA Publ. 2005. 368 p.
4. Zhuravlev K. V. Mezhdunarodnye transportnye koridory, ikh ekologiya i bezopasnost i znacheniye dlya Rossii [International transport corridors, their ecology and safety, and importance for Russia]. Ekonomicheskie nauki [Economic Sciences]. No. 57—3 (26 January 12.2016).
5. Krupnov Yu. V. Transsib "versiya 2.0" kak instrument vosstanovleniya tranzitnogo potentsyala i osnova vyzhivaniya Rossii v 2020—2030 gg. [Transsib "Version 2.0" as a tool for the restoration of transit potential

- and the basis of Russia's survival in 2020—2030]. *Transport Rossiiskoi Federatsii* [Transport of the Russian Federation]. No. 2. 2010. P. 4—6.
6. *Leontyev R. G., Khmel V. A.* Mezhdunarodnye transportnye koridory: transformatsii regionalnoy infrastruktury [International transport corridors: Transformation of regional infrastructure]. Scientific publication. M. VINITI RAN [All-Union Institute of Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences]. 2003. 238 p.
 7. *Levin B. A.* Multimodalnye transportnye koridory. Sistemnyi podkhod [Multimodal transport corridors. A systematic approach]. B.A. *Levin, V.I. Galakhov, V.N. Morozov, V.V. Shashkin.* M. Transport. 2008. 71 p.
 8. *Lukas A. S.* Napravleniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva holdinga "RZhd" [Directions of international cooperation of Russian Railways holding]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Studies]. 2016. No. 7—2. P. 278—280.
 9. *Morozov V. N.* Klasternaya organizatsiya mezhdunarodnykh transportnykh koridorov na osnove logisticheskikh tsestrov [Cluster organization of international transport corridors on the basis of logistics centers]. M. VINITI RAN [All-Union Institute of Scientific and Technical information of the Russian Academy of Sciences]. 2010. 450 p.
 10. *Morozov V. N.* Metodologiya organizatsii funkcionirovaniya mezhdunarodnykh transportnykh koridorov na osnove klasternogo podkhoda s primeneniem multimodalnykh logisticheskikh tsestrov [Methodology of organization of international transport corridors on the basis of a cluster approach with the use of multimodal logistics centers]. Doctoral Dissertation (Law). 05.22.01. Moskva, 2011. 435 p.
 11. *Semenov D. V.* Mezhdunarodnyi pravovoi rezhim transportnykh koridorov [International legal regime of transport corridors]. Abstract of PhD Thesis (Law). 12.00.10. M., 2011. 27 p.
 12. *Semin P. A.* Metodologiya i instrumentarii formirovaniya obshchego transportnogo prostranstva stran SNG [Methodology and tools for the formation of the common transport space of the CIS countries]. Doctoral Dissertation (Law). 08.00.14. St.Petersburg. 2015. 394 p.
 13. *Strelnik A. A.* Osvoeniye transportom Dalnego Vostoka RF rynka uslug mezhdunarodnogo gruzovogo tranzita [Development of the market of international cargo transit services by the Russian Far East transport]. PhD Thesis (Law). 08.00.05. Khabarovsk, 2000. 176 p.
 14. *Troitskaya N. A.* Transportnye koridiry rossii dlya mezhdunarodnogo soobshcheniya [Russian transport corridors for international communication]. M. ASMAP. 2007. 174 p.
 15. *Titarenko M. L.* Rossiya i eyo aziatskie partnery v globaliziruemshcha mire. Strategicheskoy sotrudnichestvo: problemy i perspektivy [Russia and its Asian partners in a globalizing world. Strategic cooperation: challenges and perspectives]. M.L. Titarenko. M. FORUM Publishing House, 2012. 544 p.
 16. *Tsvetkov V. A., Zoidov K. H., Medkov A. A.* O vozmozhnosti i tselesoobraznosti organizatsii tranzita cherez Rossiyu gruzov mezhdru srtrami Tikhoookeanskogo regiona i Evropy [On possibility and feasibility of organizing transit of goods between the countries of the Pacific region and Europethrough Russia]. Deponent Socionet [Socionet Deponent] (February 2013). Available at: [/http://www.ipr-ras.ru/articles/tsvetkov-and13—01.pdf](http://www.ipr-ras.ru/articles/tsvetkov-and13—01.pdf).
 17. *Cherkashin P. V.* Rossiisko-severokoreyskiye otnosheniya na sovremennom etape i perspektivi ikh razvitiya [Russian-North Korean relations at the present stage and prospects of their development]. *Izvestiya Vostochnogo Instituta* [Bulletin of the Institute of Oriental Studies] (February 2015). No. 26.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

М. А. Егорова*

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОМИНИРУЮЩИМ ПОЛОЖЕНИЕМ КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

Аннотация. *Вопрос о соотношении категорий «злоупотребление доминирующим положением» и «злоупотребление правом» до настоящего времени не нашел однозначного решения в юридической доктрине.*

В статье указанные категории сопоставляются по нескольким критериям: 1) по составам оснований применения; 2) по целям правового регулирования; 3) по правовым последствиям нарушения данных норм; 4) по принципам правового регулирования; 5) по соотношению частных и публичных интересов при формировании модели правового регулирования исследуемых категорий.

Рассматриваются основные доктринальные подходы относительно соотношения категорий «злоупотребление правом» и «злоупотребление доминирующим положением», один из которых основывается на тождественности данных категорий, а второй, напротив, на их дифференциации, а также широкий спектр правоприменительной практики ФАС России.

В статье делается вывод, что наличие рыночной власти предоставляет возможность субъекту, обладающему признаками доминирующего положения, в целях извлечения экономических преимуществ недобросовестно (т.е. в ущерб другим участникам рынка) осуществлять свои права в пределах общей правоспособности. Исходя из этого, автор утверждает, что злоупотребление доминирующим положением должно расцениваться в качестве частного случая злоупотребления правом.

В целях совершенствования антимонопольного законодательства, de lege ferenda, представляется, что в силу особенностей своей правоприменительной деятельности и функций компетенции ФАС России должны быть существенно расширены в части возможности применения прямых (сквозных) принципов гражданского права, таких как принцип разумности, справедливости, добросовестности, одним из элементов которых является принцип запрета злоупотребления правом.

Автор приходит к заключительному выводу о том, что злоупотребление доминирующим положением не может расцениваться иначе как разновидность злоупотребления правом, результатом которого являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей (ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции»), и кроме санкций, предусмотренных административным законодательством, в качестве гражданско-правовых по-

© Егорова М. А., 2018

* *Егорова Мария Александровна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный профессор Университета Логос (США, Майями), председатель комиссии по совершенствованию антимонопольного законодательства Московского отделения Ассоциации юристов России, член Комитета Торгово-промышленной палаты РФ по безопасности предпринимательской деятельности egorova-ma-mos@yandex.ru*

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

следствий злоупотребления доминирующим положением могут выступать отказ в защите права (п. 2 ст. 10 ГК РФ) и возмещение убытков (п. 4 ст. 10 ГК РФ).

Ключевые слова: доминирующее положение; конкуренция; ограничение конкуренции; злоупотребление доминирующим положением; злоупотребление правом; недобросовестное поведение; принцип добросовестности; принцип разумности.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.070-080

Действующая редакция ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ЗоЗК)¹ связывает антиконкурентный характер действий лица, обладающего признаками доминирующего положения на релевантном рынке, с **ограничением или угрозой ограничения конкуренции**: «запрещаются действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта, результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей». При этом определяющую роль в установлении антиконкурентности действия монополиста играет *ущемление интересов*, вне зависимости от того, возникает оно у конкурентов монополиста, или у его контрагентов, или вообще у неопределенного круга потребителей. Часть 1 ст. 10 ЗоЗК сформулирована таким образом, что признак ограничения (угрозы ограничения) конкуренции не имеет решающего значения в определении антиконкурентного характера действий, а приоритет принадлежит критерию «ущемление интересов».

Подобная законодательная формулировка влечет как минимум две серьезные проблемы: 1) во-первых, отсутствует однозначность в определении правового режима злоупотребления доминирующим положением, так как из текста ЗоЗК остается не ясно, применяется ли в отношении указанного действия правовой режим запретов «по объекту», т.е. по самому факту выявления «ущемления интересов» (*per se*), либо данное действие подлежит правовому регулированию его антиконкурентности «по эффекту» с обязательным доказыванием фактического ограничения конкуренции или

угрозы ее ограничения; 2) во-вторых, критерий «ущемление интересов» в ч. 1 ст. 10 ЗоЗК не имеет непосредственной связи с критериями злоупотребления правом как общего родового понятия по отношению к злоупотреблению доминирующим положением, исполняющего роль видового понятия (п. 1 ст. 10 ГК РФ). В соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ злоупотребление правом представляет собой один из пределов осуществления гражданских прав наряду с исключительным намерением причинения вреда другому лицу (шikanой) и действий в обход закона с противоправной целью, сущность которого сводится к заведомо *недобросовестному осуществлению гражданских прав*.

Вопрос о соотношении категорий «злоупотребление доминирующим положением» и «злоупотребление правом» до настоящего времени не нашел однозначного решения в юридической доктрине.

На первый взгляд с теоретических позиций в нормах абз. 2 п. 1 ст. 10 ГК РФ и ч. 1 ст. 10 ЗоЗК можно обнаружить больше отличий, чем сходства. Это можно продемонстрировать на примере сопоставления их по нескольким критериям.

Во-первых, по составам оснований применения правовой режим запрета злоупотребления правом существенно шире запрета на злоупотребление доминирующим положением, установленного ч. 1 ст. 10 ЗоЗК. Действие абз. 2 п. 1 ст. 10 ГК РФ распространяется на любые действия, приведшие к последствиям в виде недопущения, ограничения, устранения конкуренции или ущемления интересов других лиц. Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ существенно расширяет и сферу применения абз. 2 п. 1 ст. 10 ГК РФ². Если данная норма ограничивает применение положений ст. 10 ГК РФ лишь к действиям, приведшим к ограничению

¹ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства». П. 4 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2008. № 8.

конкуренции, то высшая судебная инстанция увеличивает рамки применения данной нормы, включая в основания ее применения не только недопущение или ограничение конкуренции, но и ущемление интересов других лиц, что должно распространять ее действие и на все случаи антиконкурентного поведения, не связанные с использованием субъективного права, но затрагивающего интересы иных лиц, например, случаи недобросовестной конкуренции, в том числе и незаконного содержания (п. 4 и 5 ч. 1 ст. 14 ЗоЗК). В данном случае высшая судебная инстанция отходит от традиционного применения принципа добросовестности, дополняя его принципом справедливости³, его применение делает более эффективным правовое регулирование шиканы, одним из проявлений которой являются действия по недобросовестной конкуренции.

Во-вторых, нормы абз. 2 п. 1 ст. 10 ГК РФ и ч. 1 ст. 10 ЗоЗК отличаются по целям правового регулирования: абз. 2 п. 1 ст. 10 ГК РФ содержит частноправовое ограничение (предел) реализации прав, а не частноправовой запрет, в то время как ч. 1 ст. 10 ЗоЗК представляет собой классический запрет публичного содержания.

В-третьих, из предыдущего отличия следует и различие в правовых последствиях нарушения данных норм. Санкции за нарушение запрета ч. 1 ст. 10 ЗоЗК имеют публичное содержание (ст. 14.33 КоАП РФ и ст. 178 УК РФ), в то время как правовой режим запрета злоупотребления правом, регламентированный ст. 10 ГК РФ, ограничивается двумя гражданско-правовыми санкциями: 1) отказом в защите права, принцип стимулирующего воздействия которого основывается на том, что право без возможности требовать восстановления нарушенного права теряет свою юридическую силу⁴; и 2) возможностью применения мер от-

ветственности, которая появилась в результате проведенной реформы гражданского законодательства⁵ (п. 4 ст. 10 ГК РФ).

В-четвертых, представляется, что основу сопоставляемых норм составляют различные принципы, также имеющие различное содержание в их соотношении частных и публичных интересов. Часть 1 ст. 10 ЗоЗК основывается на публично-правовых принципах конституционного (обеспечение единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, свободы экономической деятельности) и специального (защита конкуренции) содержания (ч. 2 ст. 1 ЗоЗК). Статья 10 ГК РФ сама представляет собой пример сугубо частноправового принципа — добросовестности, который со времен римского права понимался в качестве субъективного (психологического) аспекта нормативного поведения⁶ (*bona fides*) и включал в себя субъективные элементы восприятия окружающей действительности, такие как знание об интересах другого, доброжелательное отношение к ним, доверие, согласованность частных интересов с интересами целого, подчинение каждого идее общего блага⁷.

Несмотря на это, в юридической доктрине сформировались две основные позиции относительно соотношения категорий «злоупотребление правом» и «злоупотребление доминирующим положением».

С. А. Парашук отмечает, что запреты на осуществление монопольной деятельности не тождественны запретам на злоупотребление правом, так как занятие субъектом доминирующего положения на рынке свидетельствует не о наличии у него особого права, а о существовании определенной экономической ситуации (доминирования, монополии), предполагающей осуществление специального антимонопольного контроля со стороны государства⁸.

³ Это характерно не для германской правовой конструкции злоупотребления правом, на основе которой сформирована российская правовая модель регулирования данных отношений, а скорее для французской правовой традиции.

⁴ Чичерин Б. Н. Философия права. СПб. : Наука, 1998. С. 148 ; Zippelius R. Das Wesen des Rechts. München, 1997. S. 22.

⁵ Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7627.

⁶ Дождев Д. В. Добрая совесть (*bona fides*) как принцип правового общения // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1996. С. 33.

⁷ Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 64—65.

⁸ Парашук С. А. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции и монополии). М. : Городец-издат, 2002. С. 157.

Думается, что в данном случае неверно квалифицируется предмет правового регулирования указанных запретов. И злоупотребление правом, и злоупотребление доминирующим положением представляют собой разновидность действия по осуществлению прав. Как было указано выше, злоупотребление доминирующим положением осуществляется монополистом не с намерением причинить вред другому лицу или путем совершения действий в обход закона с противоправной целью (ч. 1 ст. 10 ГК РФ), а в целях извлечения экономических преимуществ из своего рыночного положения, предоставляющего ему возможность реализации реальной рыночной власти.

Право монополиста не должно рассматриваться в качестве «особого» вида права. По существу, оно представляет собой равное право любого участника рынка, обладающего равным объемом правосубъектности по отношению к своим конкурентам и контрагентам. Установление запрета злоупотребления этим правом связано как раз с наличием неравенства в рыночном положении конкурентов и контрагентов, позволяющего монополисту реализовать свое право, входящее в содержание его общей правоспособности, в ущерб иным участникам рынка, ущемляя их интересы. Постольку монополистом в подавляющем большинстве случаев является профессиональный предприниматель, постольку он не может не контролировать последствия своих действий по осуществлению правом, тем более, когда они приводят к ущемлению интересов других хозяйствующих субъектов. Иными словами, монополист, ущемляя интересы других участников рынка или неопределенного числа лиц, осуществляет свое право заведомо недобросовестно (ч. 1 ст. 10 ГК РФ), в нарушение принципов добросовестности, разумности и справедливости (ч. 5 ст. 10 ГК РФ).

При исследовании многочисленной правоприменительной практики ФАС России выясняется, что в практической деятельности антимонопольных органов возможность непосредственного применения запрета злоупотребления правом в некоторых случаях явля-

ется практически единственным способом защиты от нарушений антимонопольного законодательства. Даже несмотря на то, что ФАС России в соответствии с п. 2 ст. 10 ГК РФ не входит в число субъектов, которым предоставлено право применения ст. 10 ГК РФ, это все же не лишает антимонопольный орган возможности ссылаться на действие принципа запрета злоупотребления правом при разрешении дел, связанных с нарушением антимонопольного законодательства. Это тем более актуально, что абз. 2 п. 1 ст. 10 ГК РФ прямо запрещает использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также путем злоупотребления доминирующим положением на рынке. Антимонопольный орган в качестве вспомогательного средства защиты от антимонопольного нарушения использует гражданско-правовой способ защиты не в виде установления факта злоупотребления доминирующим положением, которое является лишь частным случаем злоупотребления правом, а путем применения самого принципа запрета злоупотребления правом, который в качестве общего правила презюмирует добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий (п. 5 ст. 10 ГК РФ).

Такой подход видится очень перспективным, поскольку обновленный вариант ГК РФ существенно изменил правовое регулирование последствий злоупотребления правом. Используя норму ст. 10 ГК РФ, можно не только отказать неисправному поставщику в судебной защите (п. 2 ст. 10 ГК РФ), но также и возместить убытки потерпевшему лицу (например, упущенную выгоду неавторизованному дистрибьютору) на основании п. 4 ст. 10 ГК РФ⁹.

Не выдерживает критики позиция А. В. Волкова, который утверждает, что при антиконкурентных действиях злоупотребления имеют экономический характер, а при злоупотреблении правом — юридический¹⁰. Ведь совершение антиконкурентных действий по своей правовой природе представляет собой действие по осуществлению прав, составляющих содержание общей правоспособности равноправных хозяйствующих субъектов. Следова-

⁹ Решение по делу № 180-ФАС52-05/12 по признакам нарушения КБ «Юниаструм банк» (ООО), ООО «СК «Согласие»», ОСаО «Ингосстрах» пункта 1 части 4 статьи 11 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // URL: <http://solutions.fas.gov.ru/to/nizhegorodskoe-ufas-rossii/ss-05-5912>.

¹⁰ Волков А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 378.

тельно, и злоупотребление доминирующим положением, и злоупотребление правом, представляя собой разновидность юридически значимого действия, всегда имеют юридический характер. То, что действия монополиста по осуществлению права приводят или могут привести к ограничению конкуренции, не изменяет правовую природу самого действия, которое по существу остается действием по осуществлению прав.

С. Д. Радченко, выступая против отождествления правовой природы злоупотребления правом и злоупотребления доминирующим положением, полагает, что участие в рыночной конкуренции необходимо рассматривать не как использование особых гражданских прав, а как соблюдение особого режима предпринимательской деятельности¹¹. Следует отметить, что злоупотребление правом относится законодателем к разновидности ограничения права (ст. 10 ГК РФ «Пределы осуществления гражданских прав»). Режимы правового регулирования предпринимательской деятельности также по своему содержанию представляют собой совокупность дозволений, ограничений и запретов, причем в антимонопольном регулировании предпринимательской деятельности запреты доминируют над иными способами правового регулирования. Поэтому злоупотребление правом и злоупотребление доминирующим положением по признаку правовой сущности не отграничиваются, а, напротив, объединяются общностью правовой природы, так как оба представляют собой разновидности ограничения прав. В этом отношении следует полностью поддержать мнение, что и запрет совершения антиконкурентных действий (в частности, сделок) представляет собой один из пределов осуществления гражданских прав¹².

Другим аргументом противников единой правовой природы злоупотребления правом и злоупотребления доминирующим положением является тезис об их различии в правовом содержании и об особом характере правовых последствий, что позволяет их отграничить друг от друга в качестве самостоятельных пра-

вовых институтов гражданского права, один из которых призван обеспечивать нормальное развитие и защиту рыночных отношений¹³. Согласно п. 2 ст. 10 ГК РФ основным правовым последствием злоупотребления правом является отказ в защите права. В соответствии с ч. 1 ст. 10 ЗоЗК злоупотребление доминирующим положением признается правонарушением в случае, если его последствием стало «ущемление интересов» других лиц, а в некоторых случаях и ограничение (или угроза ограничения) конкуренции. В отсутствие данных признаков действие по осуществлению права субъектом, занимающим доминирующее положение, должно признаваться правомерным. При доказанности нарушения запрета злоупотребления доминирующим положением действия монополиста должны квалифицироваться как нарушение законодательства, и к нему могут быть применены санкции, предусмотренные административным законодательством (ст. 14.31 КоАП РФ). Однако данное отличие не дает оснований для усмотрения различий в правовой природе рассматриваемых явлений: и в том, и в другом случае основой правонарушения является недобросовестное осуществление права, что позволяет рассматривать злоупотребление доминирующим положением как частный случай злоупотребления правом.

Е. Ю. Борзило видит отличие рассматриваемых категорий в различном содержании их защитных механизмов, отмечая, что при злоупотреблении доминирующим положением меры защиты, установленные законодателем в ЗоЗК, имеют как частноправовой, так и публичный характер и, соответственно, направлены на защиту либо экономически зависимой стороны (частноправовые нормы — запрет навязывания экономически невыгодных условий договора, применение монопольно высоких цен, установление дискриминационных условий и т.п.), либо на защиту рыночного равновесия (публичные нормы).

Следует возразить, что и в том, и в другом случае в основе возникающего неравенства сторон и необходимости установления специальных защитных механизмов лежит фактор

¹¹ Радченко С. Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 95—98.

¹² Донецков Е. С. Соотношение запрета совершения антиконкурентных действий с запретом злоупотребления субъективным гражданским правом // Юрист. 2016. № 20. С. 35.

¹³ Гражданское право Российской Федерации : учебник : в 2 т. / под ред. О. Н. Садикова. М. : Контакт ; Инфра-М, 2006. Т. 1. С. 51 (автор параграфа — О. Н. Садилов).

наличия у монополиста рыночной власти, использование которой может привести к двум различным видам последствий: как частноправового (возникновение убытков), так и публичного (ограничение или угроза ограничения конкуренции) характера.

Согласно дефиниции понятия «доминирующее положение», регламентированной абз. 1 ч. 1 ст. 5 ЗоЗК, можно заключить, что в российском антимонопольном законодательстве «доминирующее положение» в первую очередь позиционируется в качестве аналога рыночной власти, а не как производная от структуры рынка. Об этом свидетельствуют критерии доминирующего положения, включенные в его дефиницию: 1) возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке; 2) возможность устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов; 3) возможность затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим субъектам.

Именно наличие рыночной власти предоставляет возможность субъекту, обладающему признаками доминирующего положения, в целях извлечения экономических преимуществ недобросовестно (т.е. в ущерб другим участникам рынка) осуществлять свои права в пределах общей правоспособности. Исходя из этого, злоупотребление доминирующим положением должно расцениваться в качестве частного случая злоупотребления правом.

Другая группа исследователей безоговорочно причисляет злоупотребление доминирующим положением к разновидности злоупотребления правом¹⁴, ссылаясь на правовую

позицию Высшего Арбитражного Суда РФ, в соответствии с которой применение норм о злоупотреблении правом не противоречит антимонопольному законодательству, поскольку ЗоЗК является комплексным актом, который, наряду с публичными, включает ряд гражданско-правовых норм¹⁵.

Оригинальная модель соотношения норм абз. 2 п. 1 ст. 10 ГК РФ и ч. 1 ст. 10 ЗоЗК, которая может быть определена как «концепция доказательственной неопровержимой презумпции злоупотребления правом при ограничении конкуренции»¹⁶, была предложена К. Ю. Тотьевым. Суть данной концепции заключается в том, что любое использование субъективного права, приведшее к фактическому ограничению конкуренции, или любое злоупотребление доминирующим положением с точки зрения абз. 2 п. 1 ст. 10 ГК РФ должно презюмироваться в качестве злоупотребления правом. Представляется, что единственным недостатком данной концепции является ее ограничительное толкование. Между тем сам автор склоняется к тому, что применение правила абз. 2 п. 1 ст. 10 ГК РФ должно пониматься расширительно, т.е. для того, чтобы применить к определенному действию правовой режим запрета злоупотребления правом, регламентированный ст. 10 ГК РФ, достаточно доказать, что это действие привело к фактическим последствиям в виде ограничения конкуренции. В этом случае даже не правовое, а экономическое поведение хозяйствующих субъектов, а также любые действия, не связанные с использованием субъективных прав, но ущемляющие интересы других лиц в отношении их конкурентного положения

¹⁴ См.: Комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / А. М. Баринов, О. А. Городов, Д. А. Жмулина [и др.] ; под ред. В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петрова. М. : Норма ; Инфра-М, 2013. С. 54 ; *Петров Д. А.* Конкурентное право: теория и практика применения : учебник для магистров / под общ. ред. В. Ф. Попондопуло. М. : Юрайт, 2013. С. 155 ; *Поротикова О. А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М. : Волтерс Клувер, 2008. С. 44 ; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая : учебно-практический комментарий / под ред. А. П. Сергеева. М. : Проспект, 2010 (автор комментария — А. П. Сергеев) ; *Избрехт П. А.* Злоупотребление гражданскими правами в сфере предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 122 ; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части первой) / под ред. О. Н. Садикова. М., 2004 ; (автор комментария — Н. И. Клейн) ; *Поротикова О. А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 149 ; *Яценко Т. С.* Шикана как правовая категория в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. С. 141.

¹⁵ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.03.1998 № 32 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением антимонопольного законодательства». П. 14 // Вестник Высшего Арбитражного Суда. 1998. № 5.

¹⁶ *Тотьев К. Ю.* Конкурентное право : учебное пособие. М. : Контракт ; Инфра-М, 2000. С. 35.

на рынке, в качестве юридической фикции могут приравняться по правовым последствиям к злоупотреблению правом.

По этому пути идет и судебная практика, что находит свое отражение в первую очередь в позиции Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, которая базируется на двух основополагающих принципах: 1) требования антимонопольного законодательства применяются к гражданско-правовым отношениям; 2) нормы ст. 10 ГК РФ и ст. 3 и 10 ЗоЗК должны толковаться системно, в соответствии с чем для квалификации действий (бездействия) как злоупотребления доминирующим положением достаточно наличия (или угрозы наступления) любого из перечисленных последствий, а именно: недопущения, ограничения, устранения конкуренции или ущемления интересов других лиц¹⁷. После появления указанной позиции Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ в судебной практике наметилась тенденция на существенное расширение составов антимонопольных нарушений, подпадавших под действие правового режима запрета злоупотребления правом, установленного ст. 10 ГК РФ. Конституционный Суд РФ констатировал расширение области судебного усмотрения в сфере пресечения недобросовестной конкуренции и многообразие форм и методов недобросовестной конкуренции, не все из которых могут прямо противоречить законодательству или обычаям делового оборота, указав также на возможность для суда обосновывать отказ в защите того или иного субъективного права в соответствии с п. 2 ст. 10 ГК РФ¹⁸.

Верховный Суд РФ указал, что назначение субъективного права состоит в предоставлении уполномоченному субъекту юридически гарантированной возможности удовлетворять

потребности, не нарушая при этом интересов других лиц, общества и государства. Если субъективное право осуществляется в противоречии с назначением, происходит конфликт между интересами общества и конкретного лица. По смыслу ст. 10 ГК РФ, злоупотребление правом, т.е. осуществление субъективного права в противоречии с его назначением, имеет место в случае, когда субъект поступает вопреки норме, предоставляющей ему соответствующее право, не соотносит поведение с интересами общества и государства, не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность¹⁹. При злоупотреблении правом субъектом, обладающим признаками доминирующего положения, результатом которого являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей (ч. 1 ст. 10 ЗоЗК), безусловно, происходит нарушение публичного интереса, из чего необходимо заключить, что злоупотребление доминирующим положением представляет собой частный случай злоупотребления правом. При этом монополист нарушает не только требования антимонопольного законодательства, но, совершая действия с незаконной целью или незаконными средствами, также нарушает права и законные интересы других лиц, причиняя им вред или создавая соответствующие условия, что в соответствии с позициями Верховного Суда РФ должно расцениваться в качестве разновидности злоупотребления правом²⁰.

С учетом особенностей правового регулирования недобросовестных действий ГК РФ в совокупности с критериями ч. 1 ст. 10 ЗоЗК

¹⁷ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства». П. 1, 4 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2008. № 8.

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 01.04.2008 № 450-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Московский завод плавленых сыров «Карат» на нарушение конституционных прав и свобод положениями ст. 4 и п. 2 ст. 10 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», ст. 4 и ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О защите конкуренции», п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 6 ; определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 31.01.2013 № 11980/12 по делу № А40-98682/11-92-844 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: определение Верховного Суда РФ от 03.02.2015 № 32-КГ14-17 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См.: определения Верховного Суда РФ от 14.06.2016 № 52-КГ16-4 ; от 01.12.2015 № 4-КГ15-54 ; от 20.10.2015 № 18-КГ15-181 ; от 20.10.2015 № 18-КГ15-169 ; от 14.04.2015 № 33-КГ15-5 // СПС «КонсультантПлюс».

злоупотребление доминирующим положением может быть признано разновидностью антиконкурентного действия только в том случае, когда это действие соответствует полной совокупности следующих критериев: 1) субъект, осуществляющий действие, обладает признаками доминирующего положения в соответствии со ст. 5 ЗоЗК; 2) в процессе рыночной деятельности субъект заведомо осуществляет свои права недобросовестно (п. 1 ст. 10 ГК РФ); 3) результатом действий монополиста является ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей.

Вместе с тем в целях совершенствования антимонопольного законодательства, *de lege ferenda*, представляется, что в силу особенностей своей правоприменительной деятельности и функций компетенции ФАС России должны быть существенно расширены в части возможности применения прямых (сквозных) принципов гражданского права, таких как принципы разумности, справедливости, добросовестности, одним из элементов которых является принцип запрета злоупотребления правом. В то же время следует поддержать предложение А. Ю. Кинёва, отстаивающего необходимость введения в правоприменительную практику особых антимонопольных процедур²¹, в рамках которых специальный антимонопольный судебный состав мог бы рассматривать дела не только в порядке административного, но и в рамках гражданского судопроизводства, что сегодня наиболее актуально в делах, связанных со взысканием убытков, возникших в результате нарушения антимонопольного законодательства.

Пленум Верховного Суда РФ указал, что в силу п. 4 ст. 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения, поэтому, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении не-

обходимой информации. По общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное²². Действие по злоупотреблению доминирующим положением нарушает принципы законности, добросовестности и разумности, являющиеся основополагающими принципами гражданского законодательства. Признак «злоупотребление» применительно к действиям субъекта, занимающего доминирующее положение, может быть квалифицирован в качестве неправомерного поведения только в его сопоставлении с понятием «злоупотребление правом», которое в соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ представляет собой «заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав».

Вместе с тем, несмотря на то, что злоупотребление доминирующим положением представляет собой частный случай злоупотребления правом, которое осуществляется лицом, обладающим признаками доминирования, необходимо точно разграничивать эти два института, так как они имеют различные правовые последствия.

Антимонопольный орган, признавая злоупотребление доминирующим положением частным случаем злоупотребления правом, исходит из того, что злоупотребление доминирующим положением предполагает необходимость установления антимонопольным органом объективной взаимосвязи между рассматриваемыми действиями и доминирующим положением хозяйствующего субъекта на рынке. Главным критерием в данном случае является невозможность или экономическая нецелесообразность применения способа реализации права хозяйствующим субъектом в отсутствие доминирующего положения. Наличие такой объективной взаимосвязи позволяет отграничить факт злоупотребления доминирующим положением от гражданского правонарушения субъекта предпринимательской деятельности.

Поскольку при злоупотреблении доминирующим положением конкретный способ реализации права должен находиться в непосредственной объективной взаимосвязи с до-

²¹ См.: Кинёв А. Ю. Административно-правовая защита конкуренции: проблемы и пути совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 213—216.

²² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

минирующим положением, хозяйствующий субъект, обладающий признаками доминирования, может злоупотребить гражданским правом таким способом, который не связан с его положением на рынке. В связи с этим антимонопольный орган различает: а) формы реализации гражданских прав хозяйствующего субъекта, связанные с его доминирующим положением, которые должны квалифицироваться в качестве злоупотребления доминирующим положением; б) осуществление субъектом, занимающим доминирующее положение, злоупотребления правом при осуществлении своих прав вне связи с доминирующим положением²³, т.е. таких действий, результатом которых не являются или не могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей (ч. 1 ст. 10 ЗоЗК).

Верховный Суд РФ указал, что без учета целей ЗоЗК, без установления обстоятельств, свидетельствующих о нарушении оператором почтовой связи при ненадлежащем оказании услуг почтовой связи норм антимонопольного законодательства, которое обусловлено имен-

но злоупотреблением им своим доминирующим положением, имеет антиконкурентную направленность, привело или могло привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции и (или) ущемлению интересов других лиц и, соответственно, требует принятия мер антимонопольного регулирования, нельзя расценивать злоупотребление правом в качестве гражданско-правового нарушения антимонопольного законодательства²⁴.

Таким образом, злоупотребление доминирующим положением не может расцениваться иначе, как разновидность злоупотребления правом, результатом которого являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей (ч. 1 ст. 10 ЗоЗК), и, кроме санкций, предусмотренных административным законодательством, в качестве гражданско-правовых последствий злоупотребления доминирующим положением могут выступать отказ в защите права (п. 2 ст. 10 ГК РФ) и возмещение убытков (п. 4 ст. 10 ГК РФ).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волков А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2010.
2. Гражданское право Российской Федерации : учебник : в 2 т. / под ред. О. Н. Садикова. — М. : Контракт ; Инфра-М, 2006. — Т. 1.
3. Дождев Д. В. Добрая совесть (bona fides) как принцип правового общения // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление / отв. ред. В. С. Нерсисянц. — М., 1996.
4. Донецков Е. С. Соотношение запрета совершения антиконкурентных действий с запретом злоупотребления субъективным гражданским правом // Юрист. — 2016. — № 20.
5. Избрехт П. А. Злоупотребление гражданскими правами в сфере предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2005.
6. Кинёв А. Ю. Административно-правовая защита конкуренции: проблемы и пути совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2014.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части первой) / под ред. О. Н. Садикова. — М., 2004.
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая : учебно-практический комментарий / под ред. А. П. Сергеева. — М. : Проспект, 2010.

²³ Разъяснение Президиума ФАС России от 07.06.2017 № 8 «О применении положений статьи 10 “Закона о защите конкуренции”» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Определение Верховного Суда РФ от 04.07.2016 № 301-КГ16-1511 по делу № А82-777/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / А. М. Баринов, О. А. Городов, Д. А. Жмулина [и др.] ; под ред. В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петрова. — М. : Норма ; Инфра-М, 2013.
10. *Новицкий И. Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. — 2006. — № 1.
11. *Паращук С. А.* Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции и монополии). — М. : Городец-издат, 2002.
12. *Петров Д. А.* Конкурентное право: теория и практика применения : учебник для магистров / под общ. ред. В. Ф. Попондопуло. — М. : Юрайт, 2013.
13. *Поротикова О. А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. — М. : Волтерс Клувер, 2008.
14. *Поротикова О. А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом : дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2002.
15. *Радченко С. Д.* Злоупотребление правом в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007.
16. *Тотьев К. Ю.* Конкурентное право : учебное пособие. — М. : Контракт ; Инфра-М, 2000.
17. *Чичерин Б. Н.* Философия права. — СПб. : Наука, 1998.
18. *Яценко Т. С.* Шикана как правовая категория в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 2001.
19. *Zippelius R.* Das Wesen des Rechts. — München, 1997.

Материал поступил в редакцию 16 января 2018 г.

ABUSE OF A DOMINANT POSITION AS A SPECIFIC CASE OF ABUSE OF THE RIGHT

EGOROVA Maria Aleksandrovna — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Competition Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Professor of Logos University (USA, Miami). Chairman of the Commission on Improvement of Antimonopoly Legislation of the Moscow Branch of the Association of Lawyers of Russia, member of the Business Security Committee of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation
egorova-ma-mos@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The issue concerning the interrelation between the concepts “abuse of dominant position” and “abuse of the right” has not been explicitly resolved in the legal doctrine so far.*

The paper the categories in question are compared against the following criteria: 1) composition of grounds for application; 2) purposes of legal regulation; 3) legal consequences of violation of norms in question; 4) principles of legal regulation; 5) the balance between private and public interests in the formation of the model of legal regulation of categories in question.

The author considers the basic doctrinal approaches concerning the interrelation between the categories “abuse of the right” and “abuse of a dominant position.” One approach is based on the identity of these categories, and the second approach, on the contrary, is based on their differentiation. Also, the paper scrutinizes a wide range of law enforcement practices applied by the FAS of Russia.

The paper concludes that the presence of the market power provides an opportunity for the participant that possesses characteristics of the dominant position to enjoy his or her rights within the limits of common legal capacity unconscientiously (in bad faith) in order to gain economic advantage (to the detriment of other market participants). Accordingly, the author argues that abuse of the dominant position should be regarded as a specific case of abuse of the right.

In order to improve the antimonopoly legislation, de lege ferenda, it seems that, due to the peculiarities of the RF FAS law enforcement activities and functions, its competences should be significantly expanded in terms of the possibility to apply direct (cross-cutting) principles of civil law, such as the principle of reasonableness, the principle of fairness, the principle of good faith one of the elements of which is the principle of prohibition of abuse of the right.

The author concludes that abuse of the dominant position cannot be regarded as anything but a form of abuse of the right that results or may result in preventing, limiting, or eliminating competition and (or) infringement of interests of other persons (economic entities) or uncertain circle of consumers in the sphere of business activity (Part 1 Art. 10 of the Federal Law "On Protection of competition). Besides sanctions provided for by administrative legislation, the denial of protection of the right (Para. 2 Art. 10 of the RF CC) and compensation for damages (Para. 4 Art. 10 of the CC) can be resorted to as consequences of abuse of the dominant position.

Keywords: *Dominant position, competition, restriction of competition, abuse of dominant position, abuse of the right, unfair conduct, principle of good faith, principle of reasonableness.*

REFERENCES

1. Zippelius R. Das Wesen des Rechts. München, 1997.
2. Volkov A. V. Zloupotrebleniye grazhdanskimi pravami: problemy teorii i praktiki [Abuse of civil rights: Problems of the theory and law enforcement]. Doctoral Dissertation (Law). M., 2007.
3. Grazhdanskoye pravo Rossiiskoi Federatsii [Civil Law of the Russian Federation]. A textbook. In 2 Vol. (Ed.) O.N. Sadikova (the paragraph author O.N. Sadikov). M. Contact. INFRP-M, 2006. Vol. 1.
4. Dozhdev D. V. Dobraya sovest (*bona fides*) kak printsyp pravovogo obshcheniya [Good faith (*bona fides*) as a principle of legal intercourse]. Problemy tsennostnogo podkhoda v prave: traditsii i obnovleniye [Problems of the axiological approach in law: Traditions and changes]. V.S. Nersesyants (Ed.). M., 1996.
5. Donetskov E. S. Sootnosheniye zapreta soversheniya antikonkurentnykh deistviy s zapretom zloupotrebleniya subyektivnym grazhdanskim pravom [Interrelation between the prohibition of anticompetitive actions and the prohibition of abuse of a civil right] Jurist [Lawyer]. 2016. No. 20.
6. Izbrekht P. A. Zloupotrebleniye grazhdanskimi pravami b sfere predprinimatelskoi deyatelnosti [Abuse of civil rights in the field of entrepreneurial activity]. PhD Thesis (Law). Yekaterinburg, 2005.
7. Kinev A. Yu. Administrativno-pravovaya zashchita konkurentsii: problemy i puti sovershenstvovaniya [Administrative-Law protection of competition: Problems and ways of improvement]. Doctoral Dissertation (Law). Moscow, 2014.
8. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (chasti pervoi) [Commentary to the Civil Code of the Russian Federation (Part One)] O.N. Sadikova (Ed.) M., 2004.
9. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Chast pervaya: Uchebno-prakticheskiy kommentariy [Commentary to the Civil Code of the Russian Federation. Part One: Study and Practice Guide]. A.P. Sergeeva (Ed.). M. Prospekt. 2010.
10. Kommentariy k Federalnomu zakonu "O Zashchite konkurentsii" (postateinyi) [Commentary to the Federal Law "On Protection of Competition" (annotated)]. A.M. Barinov, O.A. Gorodov, D.A. Zhmulina, et al. V.F. Popondopulo (Ed.), D.A. Petrov. M. Norma, Infra-M, 2013.
11. Konkurentnoye pravo [Competition Law]. uchebnik dlya magistrrov [Competition Law: theory and practice of application A textbook for LLM]. D.A. Petrov, V.F. Popondopulo (Ed.). M., Jurait Publishing House, 2013.
12. Novitskiy I. B. Printsyp dobroy sovesti v proekte obyazatelstvennogo prava [The principle of good faith in the draft obligations law]. Vestnik grazhdanskogo prava [Bulletin of Civil Law]. 2006. No. 1.
13. Parashhuk S. A. Konkurentnoye pravo (pravovoye regulirovanie konkurentsii i monopolii) [Competition Law (legal regulation of competition and monopoly)]. M. Gorodets-izdat Publishing House. 2002.
14. Porotikova O. A. Problema zloupotrebleniya subyektivnym grazhdanskim pravom [The problem of abuse of a civil right]. M. Walters Kluwer. 2008.
15. Porotikova O. A. Problema zloupotrebleniya subyektivnym grazhdanskim pravom [The problem of abuse of a civil right] PhD Thesis (Law). Saratov, 2002.
16. Radchenko S. D. Zloupotrebleniye pravom v grazhdanskom prave Rossii [Abuse of the right in Civil Law of Russia]. PhD Thesis (Law). M., 2007.
17. Totyev K. Yu. Konkurentnoye pravo [Competition Law]. Study Guide. M., CONTRACT, INFRP-M, 2000.
18. Chicherin B. N. Filosofiya prava [Philosophy of Law]. St.Petersburg, Nauka Press, 1998.
19. Yatsenko T. S. Chicanery as a legal category in civil law: PhD Thesis (Law). Rostov on Don, 2001.

ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ И ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ СВЕРХИМПЕРАТИВНЫХ И ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ

Аннотация. Анализ отечественных и зарубежных правовых актов и доктрины позволяет сделать вывод, что разграничение сверхимперативных и императивных норм возможно только на основе разделения сфер публичного порядка страны (по смыслу международного частного права или по смыслу гражданского права). Определение указанных сфер и составляющих их норм возможно путем установления публичных интересов, обеспечиваемых этими нормами. Сверхимперативные нормы (ст. 1192 ГК РФ) и нормы, действующие в рамках оговорки о публичном порядке (ст. 1193 ГК РФ), составляют в совокупности сферу «публичного порядка по смыслу международного частного права». Эти нормы основаны на публичных интересах, являющихся конституционно значимыми ценностями. Императивные нормы, обеспечивающие действие защитных оговорок, закрепленных в п. 5 и 6 ст. 1210 ГК РФ, а также п. 2 ст. 1123 ГК РФ, охватывают ту сферу, которую в доктрине международного частного права относят к «публичному порядку по смыслу гражданского права». Императивные нормы базируются на публичных интересах, не относящихся к конституционно значимым ценностям. Установлено, что универсальным критерием, определяющим необходимость применения сверхимперативных и императивных норм, защищающих от иностранного права различные сферы публичного порядка страны, является критерий оценки ущерба интересам публичного порядка, связанный с негативными для него последствиями. Делается вывод, что, в отличие от установленного в законодательстве понятия «нормы непосредственного применения» (ст. 1192 ГК РФ), принятый в отечественной доктрине термин «сверхимперативные нормы» соответствует правилам русского языка и юридической техники. Приставка «сверх» указывает не только на иерархию, но и на систему норм в связке «сверхимперативные нормы — императивные нормы». Термин «нормы непосредственного применения» такой системной иерархии не дает.

Ключевые слова: международное частное право, сфера публичного порядка, публичный интерес, конституционно значимые ценности, сверхимперативные нормы, нормы непосредственного применения, оговорка о публичном порядке, императивные нормы, критерий оценки ущерба, юридическая техника.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.081-097

© Шулаков А. А., 2018

* Шулаков Андрей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
docent-law@rambler.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы толкования и применения императивных и сверхимперативных норм являются одними из наиболее важных и сложных в международном частном праве (МЧП). В 2009 г. Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства был опубликован проект Концепции совершенствования раздела VI Гражданского кодекса Российской Федерации «Международное частное право» (далее — Концепция)¹, наметивший решение части этих проблем путем совершенствования ряда положений в основном с точки зрения юридической техники. В частности, предлагались терминологические уточнения, касающиеся введения в разд. VI ГК РФ понятий «публичный порядок по смыслу международного частного права», «публичный порядок, применимый для внутренних отношений», «сверхимперативные нормы» и др.

Указанные новеллы в определенной степени способствовали бы разграничению двух сфер публичного порядка и входящих в них норм. Это позволило бы решить ряд доктринальных и правоприменительных проблем, в числе которых не только терминологические проблемы и проблемы разграничения императивных и сверхимперативных норм, но и проблема установления единообразного универсального критерия, определяющего необходимость применения указанных норм. К сожалению, в редакции разд. VI ГК РФ 2013 г. эти терминологические уточнения не были закреплены по той причине, что некоторые из указанных терминов пока еще «не нашли широкого распространения в российской доктрине и судебной практике». В связи с этим Рабочая группа по законодательству о международном частном праве ограничилась прямым указанием на то, что «российские суды при обращении к категории публичного порядка должны учитывать харак-

тер отношений, осложненных иностранным элементом»².

Однако и после принятия редакции разд. VI ГК РФ 2013 г. указанные выше проблемы толкования и применения сверхимперативных и императивных норм сохранились. Изложенное определяет как теоретическую, так и практическую актуальность исследования.

Целью исследования является разграничение сверхимперативных и императивных норм на основе разделения сфер публичного порядка страны.

В рамках поставленной цели решаются следующие задачи:

- уточнение основных проблем, связанных со смешением императивных и сверхимперативных норм в доктрине и судебной практике;
- разграничение сверхимперативных и императивных норм на основе разделения сфер публичного порядка страны (по смыслу международного частного права и по смыслу гражданского права);
- установление универсального критерия, определяющего необходимость применения сверхимперативных и императивных норм, защищающих от иностранного права различные сферы публичного порядка страны.

Структура исследования обусловлена его целью и задачами.

ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ СВЕРХИМПЕРАТИВНЫХ И ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ

Одними из наиболее сложных в толковании и применении считаются правила, регулирующие автономию воли в договорных и внедоговорных отношениях, где в качестве ограничителя избранного сторонами права выступают императивные нормы той страны, с которой связаны все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства (все релевантные элементы ситуации).

¹ Проект Концепции совершенствования раздела VI Гражданского кодекса Российской Федерации «Международное частное право» (протокол от 13 мая 2009 г.) // URL: privlaw.ru/wp-content/uploads/2015/10/сопсер_mchp.rtf (дата обращения: 14.12.2017).

² См.: Асосков А. В. Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ // *Хозяйство и право*. 2014. № 2. С. 3—28.

Примечательно, что понятия публичного порядка, фигурирующие в проекте Концепции (2009 г.), предложены впервые в доктрине международного частного права российским ученым М. И. Бруном в 1916 г. (см.: Брун М. И. Публичный порядок в международном частном праве. Пг.: Сенатская типография, 1916. С. 97.).

В доктрине отмечается, что прототипом нормы п. 5 ст. 1210 ГК РФ (редакция 2001 г.)³ послужила ст. 3 (3) Римской конвенции «О праве, применимом к договорным обязательствам» (1980)⁴. Формулировки указанных норм совпадали по смыслу. Основное отличие российской редакции заключалось в использовании вместо словосочетания «все другие элементы, имеющие отношение к ситуации во время выбора, связаны только с одной страной» одного из значений категории наиболее тесной связи — «реальной связи договора только с одной страной»⁵.

Несмотря на безупречность российской формулировки с точки зрения юридической

техники, данное правило стало одним из камней преткновения в российской правоприменительной практике. В ряде случаев российские суды выявляли «реальную связь договора только с одной страной» даже при разной национальности сторон договора. Возникали и другие проблемы толкования и применения п. 5 ст. 1210 ГК РФ: смешение императивных и сверхимперативных норм (ст. 1192 ГК РФ⁶); толкование п. 5 ст. 1210 ГК РФ как нормы, препятствующей так называемому «обходу закона» сторонами, и др.⁷

На сегодняшний день и в законодательстве России (п. 5 ст. 1210⁸ и п. 2 ст. 1223.1 ГК РФ в редакции 2013 г.)⁹, и в законодательстве стран ЕС

³ См., например: *Жильцов А. Н.* Новое в российском международном частном праве (о новеллах раздела VI части третьей Гражданского кодекса РФ) // СПС «КонсультантПлюс»; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации: в 3 т. / под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланава. М.: Юрайт, 2004. Т. 3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей. С. 401—402 (автор комментария к ст. 1210 ГК РФ — Е. В. Кабатова).

⁴ Пункт 3 ст. 3 Римской конвенции «О праве, применимом к договорным обязательствам» (1980) гласит: «Тот факт, что стороны выбрали иностранное право, независимо от того, сопровождается ли он выбором иностранного суда, когда все другие элементы, имеющие отношение к ситуации во время выбора, связаны только с одной страной, не должен наносить ущерб применению норм права этой страны, от которых нельзя отступать в договоре, в дальнейшем именуемые “обязательные правила”» (URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A41980A0934> (дата обращения: 14.12.2017)).

⁵ Пункт 5 ст. 1210 ГК РФ (редакция 2001 г.) устанавливает: «Если из совокупности обстоятельств дела, существовавших на момент выбора подлежащего применению права, следует, что договор реально связан только с одной страной, то выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм страны, с которой договор реально связан» (СПС «КонсультантПлюс»).

⁶ Статья 1192 ГК РФ (ред. 2001 г.): «Применение императивных норм
1. Правила настоящего раздела не затрагивают действие тех императивных норм законодательства Российской Федерации, которые вследствие указания в самих императивных нормах или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права» (СПС «КонсультантПлюс»).

⁷ См. подробно: *Асосков А. В.* Трансграничные и внутренние контракты: пределы автономии воли сторон при выборе применимого права // Вестник гражданского права. 2011. № 4; *Он же.* Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: Инфотропик Медиа, 2012; *Малкин О. Ю.* Правовое регулирование выбора права сторонами договора. М.: Изд-во СГУ, 2008. С. 65—68.

⁸ Моделью последней редакции п. 5 ст. 1210 ГК РФ (30.09.2013) послужила норма п. 3 ст. 3 Регламента ЕС («Рим I») «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» (2008), пришедшего на смену Римской конвенции (1980) (см. подробно: *Григорьев В. В.* Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса РФ (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс»).

⁹ Пункт 5 ст. 1210 ГК РФ: «Если в момент выбора сторонами договора подлежащего применению права все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной, выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм права той страны, с которой связаны все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства».

Пункт 2 ст. 1223.1 ГК РФ: «Если в момент совершения действия или наступления иного обстоятельства, повлекших причинение вреда или неосновательное обогащение, все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной, выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм права той страны, с которой связаны все касающиеся

(п. 3. ст. 3 Регламента ЕС «Рим I» и п. 2 ст. 14 Регламента ЕС «Рим II»)¹⁰ для регулирования договорных и внедоговорных отношений избрана структура нормы, с совпадающей для этих отношений *диспозицией* (выбор сторонами отношения права, где «все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства» (ГК РФ); «все элементы, имеющие отношение к ситуации» («Рим I», «Рим II») связаны только с одной страной) и *санкцией* («не может затрагивать» (ГК РФ); «не должен наносить ущерб» («Рим I», «Рим II») действию/применению императивных норм той страны, с которой связаны все касающиеся существа отношений сторон обстоя-

тельства), а различающаяся только в *гипотезе*, указывающей в одном случае на договорные, а в другом — на внедоговорные отношения.

Вместе с тем принятая в 2013 г. редакция разд. VI ГК РФ, установившая для сверхимперативных норм ст. 1192 ГК РФ новый термин — «нормы непосредственного применения»¹¹, а для п. 5 ст. 1210 ГК РФ более точную формулировку, не решила вышеуказанных проблем. Путаница, касающаяся смешения императивных норм и норм непосредственного применения¹², а также проблемы применения п. 5 ст. 1210 ГК РФ¹³ сохранились.

ся существа отношений сторон обстоятельства.» (Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552).

¹⁰ Пункт 3 ст. 3 Регламента ЕС «Рим I» «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам»: «Если все другие элементы, имеющие отношение к ситуации на момент выбора права, находятся в стране, отличной от страны, право которой выбрано, то выбор сторон не должен наносить ущерб применению положений права этой другой страны, от которых не разрешается отступить посредством соглашения.» (Регламент Европейского Парламента и Совета ЕС № 593/2008 от 17.06.2008 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I») // Official Journal of the European Union L 177.4.7.2008. P. 6. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32008R0593> (дата обращения: 14.12.2017 г.)).

Пункт 2 ст. 14 Регламента ЕС «Рим II» «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам»: «В случае, если в момент, когда происходит юридический факт, влекущий наступление вреда, все элементы, имеющие отношение к ситуации, находятся в стране, отличной от страны, право которой выбрано, то выбор сторон не должен наносить ущерб применению положений права этой другой страны, от которых не разрешается отступить посредством соглашения.» (Регламент Европейского Парламента и Совета ЕС № 864/2007 от 11.07.2007 о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II») // Official Journal of the European Union. L 199. 31 July 2007. P. 40. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32007R0864> > (дата обращения: 14.12.2017)).

¹¹ Статья 1192 ГК РФ (ред. от 30.09.2013): «Нормы непосредственного применения

1. Правила настоящего раздела не затрагивают действие тех императивных норм законодательства Российской Федерации, которые вследствие указания в самих императивных нормах или ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота, регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права (нормы непосредственного применения) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Даже искушенные в праве юристы продолжают смешивать «императивные нормы» и «нормы непосредственного применения». Так, например, автор учебника «Гражданское право» (в 4 т.), доктор юридических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова В. А. Белов отмечает: «Введен в обиход термин “нормы непосредственного применения” вместо прежних императивных норм (ст. 1192) — не очень, правда, понятно зачем, ибо ни в одной другой статье он больше не используется, а мог бы (напр., в п. 5 ст. 1210, п. 1 и 4 ст. 1212, п. 1 ст. 1214 и п. 1 ст. 1223)» (Белов В. А. Что изменилось в Гражданском кодексе? : практическое пособие. М. : Юрайт, 2014).

¹³ См., например: постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.02.2017 № Ф05-18637/2015 по делу № А40-81328/2015 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.10.2016 № 09АП-42830/2016-ГК по делу № А40-81328/2015) // СПС «КонсультантПлюс».

В приведенных примерах суды, решив вопрос применимого права на основе односторонней коллизионной нормы п. 1 ст. 1206 ГК РФ, еще зачем-то ссылались и на норму п. 5 ст. 1210 ГК РФ (*согласно этой норме все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства должны быть связаны только с одной страной*), несмотря на то, что к таким существенным обстоятельствам в договоре относилась и связь с Россией (договор заключен между российским продавцом и российским покупате-

Одной из важнейших причин этого стала неясность термина «нормы непосредственного применения» с точки зрения его толкования¹⁴.

Словосочетание «нормы непосредственного применения» является дословным заимствованием с установленного во французской правовой литературе термина «regles d'application immediate»¹⁵. Однако французский язык является языком аналитическим, а русский — синтетическим. Там, где в русском языке из одной корневой морфемы с помощью приставок, суффиксов или окончаний образуется слово с новым значением, во французском может понадобиться сразу несколько слов¹⁶. С учетом этого различия принятый в отечественной доктрине и предлагаемый Концепцией (2009) термин «сверхимперативные нормы» полностью соответствует правилам русского языка и юридической техники. Приставка «сверх» указывает не только на *иерархию*, но и на *систему* норм в терминологической связке «сверхимперативные нормы — императивные нормы». Термин «нормы непосредственного применения», закрепленный в законодательстве (ст. 1192 ГК РФ), такой системной иерархии не дает.

В литературе указывается на то, что в отличие от термина «императивные нормы»,

употребляемого в широком значении (ст. 422 ГК РФ)¹⁷, термин «нормы непосредственного применения» (ст. 1192 ГК РФ) используется в узком значении и тем самым отражает правовую природу этой особой категории норм, которые применяются «непосредственно», т.е. минуя коллизионные нормы и соглашения сторон о выборе применимого права¹⁸. Однако ни содержание указанных статей, ни терминологическая связка «нормы непосредственного регулирования» — «императивные нормы», ни связка «императивные нормы в широком значении» — «императивные нормы в узком значении» не дают возможности точно выявить главенство какой-либо из этих двух категорий норм и, следовательно, не представляют возможности определить их иерархию, систему, смысл, цель, а также ясные критерии их разграничения. К таким результатам приводят филологический, логический и систематический способы толкования указанных норм.

В связи с указанным следует выделить еще две важнейшие проблемы, связанные с системным толкованием и применением сверхимперативных и императивных норм.

Это, *во-первых*, разграничение императивных и сверхимперативных норм («норм непо-

лем), и связь с Кипром (покупка акций кипрской компании, обремененных залогом другой кипрской компании).

¹⁴ Введение нового названия для сверхимперативных норм — «нормы непосредственного применения» — не получило одобрения в отечественной доктрине. Ведущий ученый в сфере международного частного права профессор Г. К. Дмитриева дала ему следующую оценку: «Едва ли можно согласиться с новым названием статьи, так как оно не проливает свет на сущность рассматриваемой категории императивных норм» (Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в условиях вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию : монография / под ред. Г. К. Дмитриевой. М. : Норма ; Инфра-М, 2013 (автор раздела — Г. К. Дмитриева)).

¹⁵ См. подробно: Асосков А. В. Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ.

¹⁶ См. подробно: Аналитические языки // Большая советская энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1969—1978 ; Решетникова Н. Д., Савинова А. О. Языки аналитические и синтетические // Молодой ученый. 2013. № 12. С. 873—877.

В немецком языке, являющемся, как и русский, языком синтетическим, название сверхимперативных норм (ст. 9 Регламента «Рим I») дано с помощью одного слова — «Eingriffsnormen».

¹⁷ Статья 422 ГК РФ: «Договор и закон

1. Договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения.

2. Если после заключения договора принят закон, устанавливающий обязательные для сторон правила иные, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют силу, кроме случаев, когда в законе установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров».

¹⁸ См. подробно: Асосков А. В. Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ.

средственного применения»), основанное на их генетике, на выявлении того, какую из сфер публичного порядка страны — по смыслу международного частного права или по смыслу гражданского права — составляют эти нормы (*историческое толкование*). В свою очередь, определение принадлежности указанных норм к публичному порядку по смыслу МЧП или к публичному порядку по смыслу гражданского права — невозможно без установления иерархии и содержания публичных интересов, обеспечивающих указанные нормы (*телеологическое толкование*).

Во-вторых, это определение точного критерия, указывающего на необходимость применения сверхимперативных и императивных норм, защищающих от иностранного права различные сферы публичного порядка страны. Если в российском праве таким критерием является словосочетание, по которому иностранное право «не может затрагивать действие» сверхимперативных и императивных норм» (п. 1 ст. 1192, п. 5 ст. 1210 ; п. 2 ст. 1223.1 ГК РФ), то в Регламентах ЕС иностранное право «не должно наносить ущерб применению» этих норм (п. 3 ст. 3 «Рим I»; п. 2 ст. 14 «Рим II»). Рассмотрим эти проблемы.

ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК И РАЗГРАНИЧЕНИЕ ИМПЕРАТИВНЫХ И СВЕРХИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ

Положения об императивных и сверхимперативных нормах в МЧП закреплены в совре-

менном законодательстве благодаря той части учения Ф. К. Савиньи, где было проведено различие между двумя видами (*классами*) императивных (*принудительных*) норм, действующих в МЧП¹⁹.

К первому виду (*классу*) императивных норм ученый отнес «нормы, действие которых не может быть парализовано договором»²⁰. И вместе с тем указанные нормы, в соответствии с учением Савиньи, становятся неприменимыми в том случае, когда правоотношение, согласно международному частному праву, регулируется иностранной правовой системой.

В современный период эти нормы получили название императивных норм (ст. 422 «Договор и закон» ГК РФ). В соответствии с доктриной эти нормы входят в состав «публичного порядка по смыслу гражданского права» / «публичного порядка, применимого для внутренних отношений». Пункт 6 ст. 1210 ГК РФ²¹ позволяет распространить положения п. 5 ст. 1210 ГК РФ на все другие частноправовые отношения, не охваченные нормами, как п. 5 ст. 1210 ГК РФ, так и п. 2 ст. 1223 ГК РФ, например, на преддоговорную ответственность (*culpa in contrahendo*), действия в чужом интересе без поручения, кондикционные обязательства²². Таким образом, правовое регулирование на основе императивных норм вышеуказанных статей охватывает ту сферу, которую в доктрине МЧП относят к «публичному порядку, применимому для внутренних отношений» / «публичному порядку по смыслу гражданского права»²³.

¹⁹ См. подробно: *Savigny F. C. von. System des heutigen Römischen Rechts. Bd. 8. Berlin, 1849. S. 32—39 ; Вольф М. Международное частное право. М., 1948. С. 188—189 ; Макаров А. Н. Основные начала международного частного права. М., 2005. С. 64—72.*

²⁰ В качестве примеров таких норм Ф. К. Савиньи указал нормы, которые вводятся в интересах лиц, обладателей прав, например, законы, ограничивающие дееспособность вследствие возраста или пола, или законы, относящиеся к передаче имущества. Данные нормы, «хотя их действие и не может быть парализовано договором (*ius cogens privatorum pactis mutari non potest* — принудительные нормы не могут подвергаться изменению путем соглашения), становятся неприменимыми, когда данный случай, согласно международному частному праву, регулируется иностранной правовой системой» (*Savigny F. C. von. Op. cit. S. 32—39*).

²¹ Пункт 6 ст. 1210 ГК РФ: «Если иное не вытекает из закона или существа отношений, положения пунктов 1—3 и 5 настоящей статьи соответственно применяются к выбору по соглашению сторон права, подлежащего применению к отношениям, не основанным на договоре, когда такой выбор допускается законом».

²² См. подробно: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья : учебно-практический комментарий / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, В. В. Грачев [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2016. С. 392.

²³ В число императивных норм публичного порядка по смыслу гражданского права следует также включать и императивные нормы, указанные в ст. 1212 «Право, подлежащее применению к договору с уча-

Ко второму виду (классу) императивных норм Савиньи отнес нормы, установленные не только в интересах отдельных лиц, но покоящиеся на моральных основаниях или на «публичном интересе» (*publica utilitas*), независимо от того, относятся ли эти нормы «к политике, благоустройству или к политической экономии». Немецкий ученый отнес к ним «те нормы отечественного права, которые, по исключению, вопреки коллизионным правилам, не уступают места иностранным нормам, те нормы, которые применяются судьей, во всяком случае». Эти нормы, по мнению Савиньи, должны быть применимы при всех обстоятельствах, в том числе и в тех случаях, когда они не известны той иностранной системе, которая подлежит применению, или когда эта система допускает «свободную сферу для индивидуальной воли»²⁴. В соответствии с современной

доктриной эти правила входят в состав публичного порядка по смыслу международного частного права.

Двум видам (классам) императивных норм, выделенных Ф. К. Савиньи, давались в доктрине различные названия. В 1876 г. швейцарский юрист Броше дал первому виду норм название законы внутреннего публичного порядка (*lois d'ordre public interne*), а второму виду — нормы международного публичного порядка (*lois d'ordre public international*)²⁵. Кодекс Бустаманте, введенный в 1928 г. и действующий до сих пор для целого ряда стран Латинской Америки, стал законодательным закреплением данной теории, явив тем самым пример системного закрепления учения Ф. К. Савиньи²⁶.

В XX в. немецкий правовед М. Вольф под двумя видами императивных норм, выделенными Ф. К. Савиньи, подразумевал внутренний

стием потребителя» ГК РФ. Эта статья построена на основе главного правила п. 5 ст. 1210 ГК РФ, согласно которому все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства *должны быть связаны только с одной страной*: «...контрагент потребителя (профессиональная сторона) осуществляет свою деятельность в стране места жительства потребителя либо любыми способами направляет свою деятельность на территорию этой страны или территории нескольких стран, включая территорию страны места жительства потребителя, при условии, что договор связан с такой деятельностью профессиональной стороны».

²⁴ См. подробно: *Savigny F. C. von*. Op. cit. S. 35—37 ; *Вольф М.* Международное частное право. С. 188—189 ; *Макаров А. Н.* Основные начала международного частного права. С. 66—67.

²⁵ См.: *Вольф М.* Указ. соч. С. 189.

Критику формулировок швейцарского юриста Броше см.: *Pentzlin F.* Der universelle Ordre Public im Wirtschaftsrecht als ein Ordnungsprinzip des innerstaatlichen Rechts. Munchen : Florentz, 1985. S. 31.

Главным недостатком в терминологии Броше следует признать то, что термин «международный публичный порядок» в большей степени ассоциируется с международным публичным, а не международным частным правом и по этой причине всегда будет вносить путаницу.

²⁶ Принятый в начале прошлого XX в. Кодекс Бустаманте не только предлагает разграничение интересов по отраслевой квалификации на конституционные, административные и другие, но и в ряде ситуаций указывает на применение в одном случае императивных норм внутреннего правопорядка, а в другом — применение сверхимперативных норм внешнего правопорядка. Такой подход, строящийся на разграничении сфер публичного порядка страны (внутреннего и внешнего) и действующих в рамках этих сфер императивных и сверхимперативных норм, представляется максимально логичным, ясным и точным для правоприменителя. К нормам международного публичного порядка Кодекс Бустаманте относит конституционные постановления (ст. 3), а также все нормы об охране личности или коллектива, установленные государственным и административным правом, кроме случаев, когда имеются постановления об обратном. Таким образом, к нормам международного публичного порядка относятся нормы, которым не может быть причинен ущерб применением иностранного права. В число этих норм, в частности, входят нормы, предоставляющие ребенку право на алименты (ст. 59), связанные с объявлением отсутствующим (ст. 81), касающиеся разграничения межевания и права огораживания сельских недвижимостей (ст. 120), воспрещающие заключать договоры, соглашения и условия, противные законам нравственности и публичному порядку (ст. 175), и др. К нормам внутреннего публичного порядка отнесены нормы, по которым личным законом завещателя регулируется назначение наследника (ст. 154), а личным законом наследодателя определяется назначение и полномочия ликвидатора или эксперта — распорядителя наследства (ст. 162) и т.д. Последние из указанных двусторонних коллизионных норм (формул прикрепления) не наносят ущерба интересам публичного порядка страны суда

и внешний публичные порядки²⁷, а русский ученый М. И. Брун в 1916 г. — *публичный порядок в смысле гражданского права и публичный порядок в смысле международного частного права*²⁸. В 1981 г. французские коллизии Г. Батиффоль и П. Лагард, указав на неточность понятия «внешний публичный порядок», дали ему то же название, что и М. И. Брун — публичный порядок в смысле международного частного права (*ordre public au sens du droit international privé*)²⁹. Как указывалось выше, термин «публичный порядок по смыслу международного частного права» предлагался в п. 2.2. Концепции³⁰.

Императивные нормы, относящиеся ко второму виду (классу), в свою очередь, были сведены Савиньи в две группы: 1) — законы строго принудительного характера (в качестве примера ученый, в частности, называет, закон, запрещающий полигамию); 2) — правовые институты иностранного государства, не признаваемые отечественным правом и в силу этого не подлежащие в отечественном суде правовой защите (например, институты «граж-

данской смерти», известные на тот период французскому и русскому праву, и рабства). В качестве основания непризнания в немецком праве указанных институтов Савиньи указывает на безнравственность существовавшего на тот период в некоторых государствах института рабства, в основе которого лежало отношение к людям как к вещам³¹.

В современный период первая группа, указанных Ф. К. Савиньи норм, получила в доктрине название *позитивной (наступательной) оговорки о публичном порядке*, опирающейся на действие сверхимперативных норм (в российском законодательстве — это «нормы непосредственного применения» — ст. 1192 ГК РФ³²; в Регламентах ЕС — это «преобладающие императивные положения» — ст. 9 «Рим I», ст. 16 «Рим II»).

Вторая группа норм получила название — *негативной (оборонительной) оговорки о публичном порядке* (в российском законодательстве — это «оговорка о публичном порядке» — ст. 1193 ГК РФ; в Регламентах ЕС — это

и позволяют ему применять иностранное право. К нормам автономным (*voluntaris*) или частного порядка отнесены нормы, применяемые только по изъявлению, толкованию или презумпции воли сторон или одной из сторон. Логичным завершением концепции публичного порядка, закрепленной в Кодексе Бустаманте, является установление нормы о непротиворечии решения суда публичному порядку или публичному праву страны, где оно должно быть исполнено (п. 3 ст. 423) (см. подробно: Шулаков А. А. Коллизионные нормы, как выражение принципа «наиболее тесной связи» в международном частном праве // Право и образование. 2007. № 10. С. 152—153).

²⁷ См.: Вольф М. Указ. соч. С. 189.

²⁸ Неправильность терминологии (международный публичный порядок и внутренний публичный порядок), указывал М. И. Брун, такая же, как если бы мы сказали, что у лица есть два домицилия, один — гражданский, другой — международный, вместо того, чтобы сказать, что домицилий имеет два смысла — один в гражданском праве (точка на территории), другой — в конфликтном (привязка лица к законодательству страны) (Брун М. И. Указ. соч. С. 18—19, 32).

²⁹ См.: Международное частное право: современные проблемы. М.: Теис, 1994. С. 465 (автор главы — М. Х. Бабаев).

³⁰ См.: Концепция совершенствования раздела VI Гражданского кодекса Российской Федерации «Международное частное право».

³¹ См. подробно: *Savigny F. C. von*. Op. cit. S. 36.

³² В число сверхимперативных норм следует также включать и императивные нормы, указанные в ст. 1214 ГК РФ: «Выбор права, подлежащего применению к договору о создании юридического лица и к договору, связанному с осуществлением прав участника юридического лица, не может затрагивать действие императивных норм права страны места учреждения юридического лица по вопросам, указанным в пункте 2 статьи 1202 настоящего Кодекса». Указанные в п. 2 ст. 1202 ГК РФ нормы напрямую связаны с односторонней коллизионной нормой п. 1. ст. 1202 ГК РФ: «Личным законом юридического лица считается право страны, где учреждено юридическое лицо».

В доктрине МЧП (М. И. Брун, Фр. Канн, Ф. Вишер, Я. Нойак, У. Риз, С. Симеонидес, М. Цепенфельд и др.) отмечается, что свою «родословную» односторонние коллизионные нормы ведут из сверхимперативных норм, обеспечивающих защиту самых важных публичных интересов страны. Так, например, М. И. Брун отмечал, что публичный порядок, есть «складочное место, где прилежный искатель найдет большой запас новых коллизионных норм» (Брун М. И. Указ. соч. С. 175). По этой причине не только

«публичный порядок суда» — ст. 21 «Рим I», ст. 26 «Рим II»³³.

Важно подчеркнуть, что при одновременном закреплении в законодательном акте (например, в ГК РФ) и позитивной, и негативной оговорке различие между ними заключается в том, что в рамках позитивной оговорки (ст. 1192 ГК РФ) применяются только сверхимперативные нормы (нормы непосредственного применения). В рамках негативной оговорки (ст. 1193 ГК РФ) действуют другие социальные нормы³⁴ («основы морали, главные религиозные постулаты, главные экономические

и культурные традиции, сформировавшие российское гражданское общество, и основополагающие принципы российского права»³⁵, препятствующие применению иностранной правовой нормы, противоречащей публичному порядку (основам правопорядка) страны. Защитный арсенал социальных норм, входящих в позитивную и негативную оговорки, относится к сфере публичного порядка по смыслу международного частного права³⁶.

Наличие в законодательстве о международном частном праве только одной из оговорок — негативной оговорки (например, § 6

односторонние коллизионные нормы, но и все взаимосвязанные с ними правила, являющиеся составной частью этих коллизионных норм, входят в сферу публичного порядка по смыслу международного частного права (см. подробно: Шулаков А. А. Взаимодействие институтов международного частного права // Журнал международного частного права. 2014. № 4 (86)).

³³ Названия «наступательная» для позитивной оговорки и «оборонительная» для негативной оговорки дал выдающийся немецкий коллизионист, профессор Лео Раапе (см. подробно: Раапе Л. Международное частное право. М. : Иностранная литература, 1960. С. 98—99).

³⁴ Социальные нормы представляют собой связанные с волей и сознанием людей общие правила регламентации формы их социального взаимодействия, возникающие в процессе исторического развития и функционирования общества, соответствующие типу культуры и характеру его организации. В теории права к социальным нормам относят нормы права, морали, религиозные, обычаев, политические, эстетические, корпоративные, традиций и т.д. (см. подробно: Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / С. С. Алексеев, С. И. Архипов, В. М. Корельский [и др.] ; под ред. С. С. Алексеева. М. : Норма, 2004. С. 147 ; Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М. : Юристъ, 2002. С. 211—214).

³⁵ См., например: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.01.2015 по делу № А13-2798/2014 ; постановления ФАС Северо-Западного округа от 06.11.2013 по делу № А56-23769/2013 ; от 06.03.2012 по делу № А56-49603/2011 ; от 28.12.2009 по делу № А21-802/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶ Еще в комментарии к ст. 1192 ГК РФ в редакции 2001 г. профессором Г. К. Дмитриевой отмечено: «Нет никаких оснований считать, что “особые императивные нормы” действуют отдельно от “публичного порядка”. Они выражают позитивную оговорку о публичном порядке, которая является лишь одной из форм общей концепции публичного порядка. Через призму единого содержания “публичного порядка” (см. комментарий к ст. 1193) можно понять природу “сверхимперативных норм”. В противном случае эта категория становится неуловимой, растворяется в общем массиве императивных норм, каковыми являются нормы всех отраслей публичного права (административное, финансовое, уголовное и проч.), и теряет смысл» (Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части третьей (постатейный) / Р. И. Виноградова, Г. К. Дмитриева, В. С. Репин ; под ред. В. П. Мозолина. М. : Инфра-М ; Норма, 2002). Выраженная в доктрине Г. К. Дмитриевой точка зрения на сегодняшний день подтверждена и судебной практикой. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ указывает, что сверхимперативные нормы (позитивная оговорка) входят в сферу публичного порядка: «под публичным порядком... понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации (статья 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)), если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц» (Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как

Закона Австрии о международном частном праве³⁷) позволяет правоприменителю в рамках одного этого правила кумулятивно использовать для защиты отечественного правопорядка весь арсенал защитных средств, т.е. все виды социальных норм, включая и сверхимперативные нормы³⁸.

Таким образом, знание генетики сверхимперативных и императивных норм (историческое толкование) дает понимание того, что в законодательстве существуют два вида принудительных, императивных норм, составляющих две разные сферы одного публичного порядка (по смыслу международного частного права и по смыслу гражданского права). Различие между указанными нормами возможно только на основе разграничения публичных интересов, которые эти нормы обеспечивают (телеологическое толкование). Рассмотрим эти публичные интересы.

Российский законодатель выделяет в определении норм непосредственного применения (ст. 1192 ГК РФ) два признака. Первый признак — это указание на непосредственное применение в самих этих нормах. Второй признак — их особое значение, в том числе для

обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота³⁹. Следует отметить, что такая формулировка признаков сверхимперативных норм (норм непосредственного регулирования) выглядит достаточно расплывчатой. Более точное определение сверхимперативных норм дает п. 1 ст. 9 Регламента ЕС («Рим I») «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» (2008): «Преобладающими императивными положениями являются положения, соблюдение которых признано страной в качестве ключевых (*crucial* — ключевых, решающих. — *Прим. А. Ш.*) для защиты своих публичных интересов, обеспечивающих политическое, социальное или экономическое устройство в такой степени, что они подлежат применению к любой ситуации, подпадающей под их действие, независимо от того, какое право в ином случае подлежало бы применению к договору согласно настоящему Регламенту»⁴⁰.

Следовательно, главным признаком сверхимперативных норм в Регламенте «Рим I» выступают не все публичные интересы, определяющие применение любых императивных норм, а только ключевые публичные интересы,

основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // СПС «КонсультантПлюс»).

³⁷ Федеральный закон Австрии «О международном частном праве» (1978) установил: «Положения иностранного права не применяются, если его применение приведет к результату, который несовместим с основными ценностями австрийского правопорядка. В случае необходимости применяется соответствующее положение австрийского права» (§ 6 «Положение об оговорке (*ordre public*)») (URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002426> (дата обращения: 14.12.2017)).

³⁸ Доктор права У. К. Вальтер приводит толкование основных ценностей австрийского правопорядка (публичного порядка), сложившееся в австрийской судебной практике: «Содержание охраняемых основных ценностей австрийского правопорядка невозможно определить в деталях, а также с учетом временных изменений. Ключевую роль играют конституционные принципы. Личная свобода, равные права, запреты, связанные с происхождением, дискриминацией на расовой и религиозной почве включены в сферу *ordre public*. Помимо основанных на конституции, основные ценности австрийского правопорядка включают, например, моногамию, запрет на вступление в брак и принуждение к браку, защиту благосостояния ребенка в семейном праве или запрет на эксплуатацию экономически и социально слабой стороны (Европейский идентификатор дела (ECLI) RS0076998)» (Kommentar zum § 6 IPRG Ulrike Christine Walter am 09.03.2012 // URL: <https://www.jusline.at/gesetzeskommentare/456476383> (дата обращения: 14.12.2017) ; Gericht OGH. Dokumenttyp Rechtssatz. Rechtssatznummer RS0076998. Geschäftszahl 7Ob600/86 ; 9Ob34/10f ; 6Ob138/13g // URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokument.wxe?Abfrage=Justiz&Dokumentnummer=JJR_19860710_OGH0002_00700B00600_8600000_004 (дата обращения: 14.12.2017)).

³⁹ См. подробно: Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI / М. М. Богуславский, Б. М. Гонгало, А. В. Демкина [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2014 (автор комментария к ст. 1192 ГК РФ — А. В. Мойфат).

⁴⁰ Регламент Европейского Парламента и Совета ЕС № 593/2008 от 17.06.2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» («Рим I») // Official Journal of the European Union. L 177.4.7.2008. P. 6.

обеспечивающие политическое, социальное и экономическое устройство страны. В Российской Федерации к таким самым значимым публичным интересам относятся закрепленные в п. 3 ст. 55 Конституции «основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства». Перечисленные положения Конституционный Суд РФ называет не только публичными интересами, но и конституционно значимыми ценностями⁴¹. В рамках действия сверхимперативных норм, защищающих такие публичные интересы (конституционно значимые ценности), не может быть применена ни одна иностранная норма, имеющая экстерриториальное значение⁴². Указанные публичные интересы (конституционно значимые ценности)

закреплены, в частности, в Федеральном законе от 29.04.2008 № 57 «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства (курсив мой. — А. Ш.)».

Таким образом, к *сверхимперативным нормам (нормам непосредственного применения — ст. 1192 ГК РФ)* относятся только те нормы, которые закрепляют публичные интересы, являющиеся конституционно значимыми ценностями, имеющими принципиальное значение для политического, социального или экономического устройства страны⁴³.

К *императивным нормам* (ст. 422 ГК РФ) относятся нормы, закрепляющие публичные интересы, не относящиеся к конституционно значимым ценностям⁴⁴.

⁴¹ См., например: постановление Конституционного Суда РФ № 15-П от 30.10.2003 // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 6 ; определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2010 № 929-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁴² Указанный тезис подтверждается и арбитражной практикой РФ, в соответствие с которой «основанием для применения положений статьи 1192 ГК РФ является наличие не только отдельной оговорки в тексте самой нормы о ее особом статусе, но и наличие риска нарушения охраняемых законом интересов участников гражданского оборота в случае неприменения того или иного закона» (см.: постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 17.10.2017 № 10АП-13516/2017 по делу № А41-78484/15 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁴³ К сверхимперативным нормам, закрепляющим публичные интересы высшего уровня (конституционно значимые ценности) в современной доктрине относят те нормы, которые составляют политические, экономические и социальные основы государства. В соответствии с п. 1 ст. 1192 «Нормы непосредственного применения» ГК РФ к нормам, регулирующим соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права, относятся, в частности: в ГК РФ — нормы об основных началах гражданского законодательства (ст. 1), о пределах осуществления гражданских прав (п. 1 ст. 10), о недействительности сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка и нравственности (п. 1 ст. 169 ГК РФ), о свободе договора (п. 1 ст. 421) и др.; в Семейном кодексе РФ — нормы, устанавливающие правило заключения брака только между мужчиной и женщиной (ст. 12), а также положение, закрепляющее принцип моногамии (ст. 14), и др.; в Кодексе торгового мореплавания РФ — нормы, указывающие на то, что наличие соглашения о применимом праве не может повлечь за собой устранение или уменьшение ответственности, которую в соответствии с Кодексом перевозчик должен нести за вред, причиненный жизни или здоровью пассажира, утрату или повреждение груза и багажа либо просрочку их доставки (п. 2 ст. 414), исчисление ответственности перевозчика за утрату или повреждение груза (ст. 169) и др.; в Гражданском процессуальном кодексе РФ — норма об исключительной подсудности дел с участием иностранных лиц (ст. 403) и др. Современная европейская доктрина и судебная практика относят к категории сверхимперативных норм правила валютного законодательства, нормы антитрестового законодательства, нормы, запрещающие золотые оговорки, экспортные и импортные ограничения, нормы, ограничивающие свободу договора в интересах защиты его более слабой стороны, некоторые правила о ценных бумагах, нормы, обеспечивающие проведение государственной политики в области страхования и банковской деятельности, некоторые нормы о защите прав потребителей (например, положения, закрепляющие право потребителя на безопасность товара (работы, услуги), ответственность изготовителя за нарушение прав потребителей и др.) (см. подробно: Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. М. : Юристъ, 2002).

⁴⁴ К числу императивных норм российская доктрина относит нормы, устанавливающие пределы осуществления принципа автономии воли сторон во внутреннем гражданском праве. Эти нормы выражают ин-

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КРИТЕРИЙ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ СВЕРХИМПЕРАТИВНЫХ И ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ

Вторая проблема, рассматриваемая в статье, это проблема *выявления точного критерия, указывающего на необходимость применения сверхимперативных и императивных норм, защищающих от иностранного права различные сферы публичного порядка страны*. Как указывалось выше, в российском праве таким критерием является словосочетание, по которому иностранное право *«не может затрагивать действие»* сверхимперативных и императивных норм» (п. 1 ст. 1192, п. 5 ст. 1210 ; п. 2 ст. 1223.1 ГК РФ). В Регламентах ЕС иностранное право *«не должно наносить ущерба применению»* этих норм (п. 3 ст. 3 «Рим I»; п. 2 ст. 14 «Рим II»).

Понятия *«не наносит ущерба»* («Рим I», «Рим II») и *«не затрагивать»* (ГК РФ) действие/применение императивных норм имеют неодинаковую смысловую нагрузку. Закрепленная в российском законодательстве формулировка позволяет судье отказать в избранном

сторонами иностранном праве даже в том случае, когда выбранное сторонами право может затрагивать действие сверхимперативных или императивных норм, но не наносить ему ущерба (точнее, не наносить ущерба интересам публичного порядка по смыслу гражданского или международного частного права, обеспечиваемым этими нормами). Как представляется, такая нечеткая, расширительная формулировка российского законодательства может приводить к частому и необоснованному применению сверхимперативных и императивных норм *lex fori*, что является нежелательным. Формулировка об «ущербе», закрепленная в Регламентах ЕС, такого права судье не предоставляет.

Важно отметить, что понятие *«не затрагивать»* не является оценочной категорией⁴⁵, так как не требует от суда оценки *ущерба* или учета *последствий* для интересов публичного порядка от действия тех или иных норм⁴⁶.

Анализ содержания положений п. 3 ст. 3 (императивные нормы) и п. 3 ст. 9 (сверхимперативные нормы — «преобладающие императивные положения»)⁴⁷ Регламента ЕС («Рим I») тересы, имеющие бóльшую значимость для соответствующего государства, чем вышеназванный принцип. Именно в этом смысле, отмечает А. Н. Жильцов, термин «императивные нормы» употребляется в ст. 422 ГК РФ (см.: Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова (автор комментария к ст. 1192 ГК РФ — А. Н. Жильцов). К указанным в ст. 422 ГК РФ императивным нормам относятся нормы, содержащие запреты на включение каких-либо условий в договор (подрядчик не вправе навязывать заказчику включение в договор бытового подряда дополнительной работы или услуги — п. 1 ст. 731 ГК РФ), либо предписывающие определенную форму (договор аренды подлежит обязательному нотариальному удостоверению — ст. 584 ГК РФ), либо устанавливающие определенные требования к стороне (поставщик — продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, — ст. 506 ГК РФ), а также нормы, регулирующие перевозку грузов, сроки поставки, тарифы на товары (например, тарифы на электроэнергию), действующие на территории РФ. Такие нормы могут содержаться как в законах РФ, так и в нормативных правовых актах Президента РФ, Правительства РФ, министерств и ведомств, действующие на территории РФ (см.: Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Н. Н. Агафонова, С. В. Артеменков, В. В. Безбах [и др.] ; под ред. В. П. Мозолина, М. Н. Малеиной. М. : Норма, 2004 (автор комментария к ст. 422 ГК РФ — М. Н. Малеина)).

Закрепленную в российском законодательстве неясную формулировку *«не затрагивают действие императивных норм»* арбитражные суды, указывая на применение этого правила, зачастую поясняют более точным словосочетанием *«не противоречат императивным нормам»* (см. например: решение Арбитражного суда г. Москвы от 13.12.2010 по делу № А40-35715/10-141-305 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.02.2011 № 09АП-34702/2010-ГК по делу № А40-35715/10-141-305 ; постановление ФАС Московского округа от 27.11.2007 № КГ-А40/12086-07 по делу № А40-47516/04-45-485 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁴⁵ См. подробно: Ивакина Н. Н. Профессиональная речь юриста : учебное пособие. М. : Норма, 2008. С. 233—236 ; Киселев О. А. О видах и классификационных основаниях правовых оценочных понятий // Предпринимательство и право. Информационно-аналитический портал. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=5868> (дата обращения: 14.12.2017).

⁴⁶ Пункт 3 ст. 9 Регламента ЕС («Рим I») «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» (2008): «Также может придаваться действие преобладающим императивным положениям пра-

позволяет говорить об использовании в конструкции этих норм единого критерия, являющегося своего рода границей, за рамки которой вторжение иностранного права не допускается. Этот критерий — *ущерб (последствия)*, наносимый публичным интересам, обеспечиваемым сверхимперативными и императивными нормами публичного порядка страны (как по смыслу международного частного, так и по смыслу гражданского права).

Справедливости ради сто́ит отметить, что в отличие от неясного критерия *«не затрагивать»*, закрепленного в российском законодательстве в отношении императивных норм (п. 5 ст. 1210 ; п. 2 ст. 1223.1 ГК РФ) и отечественных сверхимперативных норм (п. 1 ст. 1192 ГК РФ), для сверхимперативных норм права другой страны, имеющей тесную связь с отношением, действует точный критерий — это критерий учета судом *последствий* их применения или неприменения (п. 2 ст. 1192 ГК РФ). Критерий учета *последствий* закреплен в российском законодательстве и в ст. 1993 «Оговорка о публичном порядке» ГК РФ.

Метод определения применимого права на основе критерия, связанного с *оценкой ущерба (последствий)* для интересов публичного порядка (консеквенциальный метод, от лат. *consequentia* — следствие, следствие), обоснован еще великими голландскими коллизонистами⁴⁸. На сегодняшний день этот критерий является универсальным не только для права ЕС и для права США (коллизонное законодательство Луизианы, Орегона и проект кодификации по МЧП Пуэрто-Рико)⁴⁹, но и для права многих стран мира. В законодательстве указанных стран определение применимого права напрямую связано с понятием *«ущерб»* публичному порядку или его аналогами, требующими от суда учитывать *«последствия»*,

«следствие» или *«результат»* от действия применимого права для *«публичного порядка»*, *«правопорядка»*, *«публичных интересов»* или *«ценностей правопорядка»*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Социальные нормы, действующие в рамках позитивной оговорки (ст. 1192 ГК РФ — сверхимперативные нормы) и негативной оговорки (ст. 1193 ГК РФ — «основы морали, главные религиозные постулаты, главные экономические и культурные традиции, сформировавшие российское гражданское общество, и основополагающие принципы российского права»), составляют в *совокупности сферу публичного порядка по смыслу международного частного права*. Эти нормы основаны на публичных интересах, являющихся конституционно значимыми ценностями. Наличие в законодательстве о международном частном праве только одной из оговорок — негативной оговорки (например, § 6 Закона Австрии о международном частном праве) позволяет правоприменителю в рамках одного этого правила кумулятивно использовать для защиты отечественного правопорядка (публичного порядка) весь арсенал защитных средств, т.е. все виды социальных норм, включая и сверхимперативные нормы.

2. Императивные нормы, обеспечивающие действие защитных оговорок, закрепленных в п. 5 и 6 ст. 1210 ГК РФ, а также п. 2 ст. 1123 ГК РФ, охватывают ту *сферу*, которую в доктрине МЧП относят к *«публичному порядку по смыслу гражданского права»* / *«публичному порядку, применимому для внутренних отно-*

ва страны, где возникающие на основании договора обязательства должны быть или были исполнены, в той мере, в какой эти положения делают исполнение договора незаконным. При решении вопроса о придании действия этим положениям должны учитываться их характер и цель, а также *последствия их применения или неприменения* (курсив мой. — А. Ш.)».

⁴⁸ См. подробно: Шулаков А. А. Принципы голландской коллизонной доктрины и законодательство США и европейских стран по международному частному праву // *Lex Russica*. 2016. № 11 (120).

⁴⁹ См., например, ст. 3515 «Определение применимого права; общее и остаточное правило» Гражданского кодекса штата Луизиана 1825 г. (в ред. Закона 1991 г.): «За исключением положений об ином в настоящей книге, любой вопрос в деле, имеющем связи с другими государствами, регулируется правом государства, *публичным интересам* (policies. — Прим. А. Ш.) которого был бы нанесен *наиболее серьезный ущерб*, если его право не будет применено к этому вопросу (курсив мой. — А. Ш.)» (Civil Code. Louisiana Laws Table of Contents // URL: http://legis.la.gov/Legis/Laws_Toc.aspx?folder=67&level=Parent (дата обращения: 14.12.2017)).

шений». Императивные нормы, составляющие публичный порядок по смыслу гражданского права, базируются на публичных интересах, не относящихся к конституционно значимым ценностям.

3. Универсальным критерием, определяющим необходимость применения сверхимперативных и императивных норм, защищающих от иностранного права различные сферы публичного порядка страны, является критерий оценки ущерба интересам публичного порядка, связанный с негативными для него последствиями. Закрепленное в российском законодательстве правило, по которому иностранное право «не может затрагивать действие» сверхимперативных (п. 1 ст. 1192 ГК РФ) и императивных норм (п. 5 ст. 1210; п. 2 ст. 1223.1

ГК РФ), не является оценочной категорией, так как не требует от суда оценки ущерба или учета последствий для интересов публичного порядка от применения/действия тех или иных норм.

4. Принятый в отечественной доктрине и предлагаемый в Концепции термин «сверхимперативные нормы» полностью соответствует правилам русского языка и юридической техники. Приставка «сверх» указывает не только на иерархию, но и на систему норм в терминологической связке «сверхимперативные нормы — императивные нормы». Термин «нормы непосредственного применения», закрепленный в законодательстве (ст. 1192 ГК РФ), такой системной иерархии не дает.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. — М. : Инфотропик Медиа, 2012.
2. Асосков А. В. Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. — 2014. — № 2. — С. 3—28.
3. Асосков А. В. Трансграничные и внутренние контракты: пределы автономии воли сторон при выборе применимого права // Вестник гражданского права. — 2011. — Т. 11. — № 4. — С. 4—31.
4. Белов В. А. Что изменилось в Гражданском кодексе? : практическое пособие. — М. : Юрайт, 2014.
5. Брун М. И. Публичный порядок в международном частном праве. — Пг. : Сенатская типография, 1916.
6. Вольф М. Международное частное право. — М., 1948.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI / М. М. Богуславский, Б. М. Гонгалло, А. В. Демкина [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова. — М. : Статут, 2014.
8. Григорьев В. В. Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса РФ (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Жильцов А. Н. Новое в российском международном частном праве (о новеллах раздела VI части третьей Гражданского кодекса РФ) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Ивакина Н. Н. Профессиональная речь юриста : учебное пособие. — М. : Норма, 2008.
11. Киселев О. А. О видах и классификационных основаниях правовых оценочных понятий // Предпринимательство и право. Информационно-аналитический портал. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=5868> (дата обращения: 14.12.2017).
12. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации : в 3 т. — М. : Юрайт, 2004. — Т. 3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей / под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланова.
13. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части третьей (постатейный) / Р. И. Виноградова, Г. К. Дмитриева, В. С. Репин ; под ред. В. П. Мозолина. — М. : Инфра-М ; Норма, 2002.
14. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья : учебно-практический комментарий / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, В. В. Грачев [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2016.
15. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. Л. Маковского, Е. А. Суханова. — М. : Юристъ, 2002.
16. Макаров А. Н. Основные начала международного частного права. — М., 2005.
17. Малкин О. Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора. — М. : Изд-во СГУ, 2008.
18. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. — М. : Юристъ, 2002.

19. Международное частное право: современные проблемы. — М. : Теис, 1994.
20. Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Н. Н. Агафонова, С. В. Артеменков, В. В. Безбах [и др.] ; под ред. В. П. Мозолина, М. Н. Малеиной. — М. : Норма, 2004.
21. Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в условиях вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию : монография / под ред. Г. К. Дмитриевой. — М. : Норма ; Инфра-М, 2013.
22. Раапе Л. Международное частное право. — М. : Иностранная литература, 1960.
23. Решетникова Н. Д., Савинова А. О. Языки аналитические и синтетические // Молодой ученый. — 2013. — № 12. — С. — 873—877.
24. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / С. С. Алексеев, С. И. Архипов, В. М. Корельский [и др.] ; под ред. С. С. Алексеева. — М. : Норма, 2004.
25. Шулаков А. А. Взаимодействие институтов международного частного права // Журнал международного частного права. — 2014. — № 4 (86). — С. 18—43.
26. Шулаков А. А. Коллизионные нормы, как выражение принципа «наиболее тесной связи» в международном частном праве // Право и образование. — 2007. — № 10. — С. 145—156.
27. Шулаков А. А. Принципы голландской коллизионной доктрины и законодательство США и европейских стран по международному частному праву // Lex Russica. — 2016. — № 11 (120). — С. 117—125.
28. Kommentar zum § 6 IPRG Ulrike Christine Walter am 09.03.2012 // URL: <https://www.jusline.at/gesetzeskommentare/456476383> (дата обращения: 14.12.2017).
29. Pentzlin F. Der universelle Ordre Public im Wirtschaftsrecht als ein Ordnungsprinzip des innerstaatlichen Rechts. — Munchen : Florentz, 1985.
30. Savigny F. C. von. System des heutigen Römischen Rechts. — Bd. 8. — Berlin, 1849. — 562 S.

Материал поступил в редакцию 4 февраля 2018 г.

PUBLIC POLICY IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW AND PROBLEMS OF INTERPRETATION AND APPLICATION OF THE SUPER MANDATORY AND MANDATORY PROVISIONS

SHULAKOV Andrei Anatol'evich — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
docent-law@rambler.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

Abstract. *The analysis of domestic and foreign legal acts and doctrine leads to the conclusion that the distinction between super-mandatory and mandatory provisions is possible only based on separation of the spheres of public policy in the country (in the sense of private international law or the meaning of civil law). The definition of these areas and their constituent standards is possible through establishing public interests provided by these rules. The super-mandatory provisions (article 1192 of the Civil Code of the Russian Federation) and provisions applicable in the framework of the public policy exception (article 1193 of the Civil Code of the Russian Federation) make up a sphere of “public policy in private international law”. These provisions are based on public interest, which are constitutional meaningful values. Mandatory provisions, ensuring the safeguard clause provided for in paragraph 5 and paragraph 6 of article 1210 of the Civil Code of the Russian Federation and paragraph 2 of article 1123 of the Civil Code of the Russian Federation, cover the sphere in which the doctrine of private international law relates to “public policy in the sense of civil rights.” Mandatory provisions are based on public interest, not related to constitutionally significant values. It is established that a universal criterion for determining the need to use super-mandatory and mandatory provisions of foreign law protecting different areas of public policy from foreign law is the criterion of damage to the interests of public policy associated with negative consequences. It is concluded that in contrast to the established in the legislation concept of “norms of direct applicability” (article 1192 of the Civil Code of the Russian Federation), adopted in the national legal doctrine, the term “super-mandatory provisions” conforms to the rules of the Russian language and legal technique. The prefix “super” indicates not only the hierarchy but also the system of norms in the bunch of “super-mandatory provisions — mandatory provisions”. The term “norms of direct applicability” does not provide such a system of hierarchy.*

Keywords: private international law, public policy, public interest, constitutionally significant values, mandatory provisions, norms of direct applicability, public policy exception, mandatory provisions, criteria for damage assessment, legal technique.

REFERENCES

1. Abramova E. N., Averchenko N. N., Grachev V. V., et al. Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Chast' tret'ia: uchebno-prakticheskii kommentarii [Commentaries to the Civil Code of the Russian Federation. Part 3. Tutorial review]. Sergeev A. P. (ed.). Second edition, rev. and suppl. 2016. Moscow: Prospect.
2. Alekseev S. S., Arkhipov S. I., Korelskii V. M., et al. Teoriia gosudarstva i prava. Uchebnik dlia iuridicheskikh vuzov i fakul'tetov [Theory of State and Law. Textbook for law universities and faculties]. Alekseev S. S. (ed.). 2004. Moscow: Norma.
3. Asoskov A. V. Transgranichnye i vnutrennie kontrakty: predely avtonomii voli storon pri vybore primenimogo prava [Cross-border and domestic contracts: the limits of the autonomy of parties' will in choice of law]. Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]. 2011. Vol. 11. No. 4. P. 4—31.
4. Asoskov A. V. Kollizionnoe regulirovanie dogovornykh obiazatel'stv [Conflict regulation of contractual obligations]. 2012. Moscow: Infotropic Media. P. 640. Legal Reference Computer System Consultant Plus.
5. Asoskov A. V. Reforma razdela VI «Mezhdunarodnoe chastnoe pravo» Grazhdanskogo kodeksa RF [Reform of section VI "International private law" of the Civil Code of the Russian Federation]. Khoziaistvo i parvo [Economy and law]. 2014. Moscow. No. 2.
6. Belov V. A. Chto izmenilos' v Grazhdanskom kodekse?: Prakticheskoe posobie [What has changed in the Civil code?: A practical guide]. 2014. Moscow: Iurait. P. 183. Legal Reference Computer System Consultant Plus.
7. Brun M. I. Publichnyi poriadok v mezhdunarodnom chastnom prave [Public order in international private law]. 1916. Petrograd: Senate printing office.
8. Wolff M. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo [Private International law]. 1948. Moscow.
9. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Postateinyi kommentarii k razdelu VI [The Civil Code of the Russian Federation. Private International Law. Article-by-article commentary to section VI]. Boguslavsky M. M., Gongalo B. M., Demkina M. A., et al. in Krasheninnikov P.V. (ed.). 2014. Moscow: Statut.
10. Zhiltsov A. N. Novoe v rossiiskom mezhdunarodnom chastnom prave (o novellakh razdela VI chasti III Grazhdanskogo kodeksa RF)» (Podgotovlen dlia sistemy Konsul'tant Plius, 2002) [New in the Russian private international law (the novels of section VI of part III of the Civil code (Prepared for the system Consultant Plus, 2002)].
11. Ivakina N. N. Professional'naia rech' iurista: ucheb. posbie [Professional speech of the lawyer: Tutorial]. 2008. Moscow: Norma.
12. Kiselev O. A. O vidakh i klassifikatsionnykh osnovaniakh pravovykh otsenochnykh poniatii [On the types and classification of the legal bases of evaluative concepts]. Predprinimatel'stvo i parvo [Entrepreneurship and law]. Information analytical portal. Article publication date: 26.05.2015 URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=5868> (last visited December 14, 2017).
13. Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: v treh chastiakh [Commentary to the Civil Code of the Russian Federation: in three vol]. Abova T. E., Boguslavskii M. M., Svetlanova A. G. (eds.). Institute of state and law of RAN. 2004. Moscow: Iurait. Vol. 3.
14. Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii, chast'tri (postateinyi) [Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, part three (article-by-article)]. Vinogradova R. I., Dmitriev G. K., Repin V. S. in Mozolin V. P. (ed.). 2002. Moscow: INFRA-M-NORMA.
15. Kommentarii k chasti tret'ei Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii (postateinyi) [Commentary to part three of the Civil Code of the Russian Federation (article by article)]. Makovsky A.L., Sukhanova, E.A. (eds.). 2002. Moscow: Iurist.
16. Kommentarii k razdelu VI «Mezhdunarodnoe chastnoe pravo» chasti tret'ei Grazhdanskogo kodeksa RF (postateinyi) (Grigor'ev V.V.) (Podgotovlen dlia sistemy Konsul'tant Plius, 2014) [Commentary to section VI "Private International law" part three of the Civil Code of the Russian Federation (article-by-article). Grigoriev V. V. Prepared for the system Consultant Plus]. 2014.

17. *Makarov A. N.* Osnovnye nachala mezhdunarodnogo chastnogo prava [The basic principles of private international law]. 2005. Moscow.
18. *Malkin O. Iu.* Pravovoe regulirovanie vybora prava storonami dogovora [Legal regulation of choice of law by the parties to the contract]. 2008. Moscow: Izd-vo SGU.
19. *Matuzov N. I., Mal'ko A. V.* Teoriia gosudarstva i prava. Uchebnik [Theory of State and Law. Textbook]. 2002. Moscow: Iurist.
20. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: sovremennye problem* [Private international law: Current Issues]. 1994. Moscow: TEIS.
21. Nauchno-prakticheskii kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii, chasti pervoi (postateinyi) [Scientific and practical commentary to the Civil Code of the Russian Federation, first part (article-by-article)]. Agafonov N.N. Artemenkov S. V., Bezbakh V.V. et al. Mozolin V. P., Maleina M.N. (eds.). 2004. Moscow: NORMA.
22. Pravovoe regulirovanie vneshneekonomicheskoi deiatel'nosti v usloviiakh vstupleniia Rossiiskoi Federatsii vo Vsemirnuu torgovuuu organizatsiiu: Monografiia [Legal regulation of foreign economic activity in conditions of Russia's accession to the World Trade Organization: Monograph]. Dmitrieva G. K. 2013. Moscow: Norma, Infra-M.
23. *Raape L.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo [Private International Law]. 1960. Moscow: Publishing House "Inostrannaya Literatura".
24. *Reshetnikova N. D., Savinova A. O.* Iazyki analiticheskie i sinteticheskie [Analytical and synthetic Languages]. Molodoi uchenyi [Young scientist]. 2013. No. 12. P. 873—877.
25. *Shulakov A. A.* Kollizionnye normy, kak vyrazhenie printsipa «naibolee tesnoi sviazi» v mezhdunarodnom chastnom prave [Conflict rules, as an expression of the principle of the “closest connection” in private international law]. Pravo i obrazovanie [Law and education]. 2007. No. 10. P. 145—156.
26. *Shulakov A. A.* Vzaimodeistvie institutov mezhdunarodnogo chastnogo prava [Interaction of institutes of private international law]. Zhurnal mezhdunarodnogo chastnogo prava [Journal of private international law]. 2014. St. Petersburg. No. 4 (86). P. 18—43.
27. *Shulakov A. A.* Printsipy gollandskoi kollizionnoi doktriny i zakonodatel'stvo SShA i evropeiskikh stran po mezhdunarodnomu chastnomu pravu [The Dutch principles of conflict of laws doctrines and laws of the United States and European countries on private international law]. 2016. Moscow: LEX RUSSICA. No. 11 (120). P. 117—125.
28. Kommentar zum § 6 IPRG Ulrike Christine Walter am 09.03.2012 // <https://www.jusline.at/gesetzeskommentare/456476383> (last visited 14 December 2017).
29. *Pentzlin F.* Der universelle Ordre Public im Wirtschaftsrecht ein als Ordnungsprinzip des innerstaatlichen Rechts. Munchen: Florentz, 1985.
30. *Savigny, Friedrich Carl von:* System des heutigen Römischen Rechts. Bd. 8. Berlin, 1849.

КОЛЛЕГИАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ПО РАССМОТРЕНИЮ ВОПРОСОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Аннотация. Организация противодействия коррупции представляет собой взаимосвязанный и взаимообусловленный комплекс мероприятий правовой, социальной, организационной и иной направленности, охватывающий разнообразные сферы деятельности субъектов антикоррупционных отношений и имеющий своей целью создание необходимых условий для эффективного противодействия коррупции. Важнейшее значение в организации противодействия коррупции отводится особым коллегиальным органам, обладающим исключительной компетенцией по вопросам противодействия коррупции: установление факта наличия (отсутствия) конфликта интересов, нарушения требований к служебному (должностному) положению государственного (муниципального) служащего, принятие решения о возможности преодоления ограничения на занятие трудовой деятельностью, лицом, уволенным с государственной (муниципальной) службы, и др.

Специфика правового положения различных категорий субъектов антикоррупционных отношений (государственные гражданские служащие, муниципальные служащие, работники), а также особенности местных условий предопределили наличие дифференциации таких коллегиальных органов. Автор, выделяя позитивные моменты правового регулирования деятельности коллегиальных органов по рассмотрению вопросов противодействия коррупции посредством анализа и сравнения их полномочий, приходит и к выводу о наличии существенных недостатков в регламентации указанных отношений, негативно влияющих как на эффективность проводимых антикоррупционных мероприятий, так и на объективность и непредвзятость принимаемых такими коллегиальными органами решений. В статье акцентируется внимание на различия в компетенции коллегиальных органов по вопросам противодействия коррупции и процедуре принятия ими решений, обусловливаемые как особенностями правового статуса подконтрольных субъектов антикоррупционных отношений, так и необоснованным распределением полномочий между членами указанного коллегиального органа. Предлагаются пути совершенствования законодательства о противодействии коррупции.

Ключевые слова: противодействие коррупции, конфликт интересов, государственные органы, коллегиальные органы, комиссии, государственные служащие, работники, трудовой договор, гражданско-правовой договор, компетенция, голосование.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.098-107

Антикоррупционная деятельность — разнонаправленная, многоаспектная и взаимообусловленная деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, организаций, должностных лиц, иных субъектов антикоррупционной деятельности, име-

© Зайков Д. Е., 2018

* Зайков Денис Евгеньевич, кандидат юридических наук, начальник юридической службы 25-го ГосНИИ химмотологии Минобороны России

joburist@yandex.ru

121467, Россия, г. Москва, ул. Молодогвардейская, д. 10

ющая своей целью противодействие коррупции.

Важнейшая роль в осуществлении мер по противодействию коррупции, повышении их эффективности, обеспечении законности, обоснованности и беспристрастности при принятии решений в пределах компетенции принадлежит специальным коллегиальным органам — комиссиям по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов (далее — комиссии).

Изначально создание комиссий основывалось на ст. 19 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹ (далее — Закон о гражданской службе), содержащей общие требования к ним, и Положении о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов, утвержденном Указом Президента РФ от 3 марта 2007 г. № 269² (далее — Положение) и имело отношение только применительно к деятельности государственных гражданских служащих РФ (далее — гражданские служащие).

При этом в связи с отсутствием полноценного правового регулирования противодействия коррупции перед комиссиями ставились достаточно узкие задачи:

- содействие государственным органам в обеспечении соблюдения гражданскими служащими требований к служебному поведению;
- содействие государственным органам в урегулировании конфликта интересов, способного привести к причинению вреда законным интересам граждан, организаций, общества, субъекта РФ или Российской Федерации.

Указанные задачи определяли и крайне ограниченную компетенцию комиссий:

- рассмотрение полученной от правоохранительных, судебных или иных государственных органов, от организаций, должностных лиц или граждан информации о совершении гражданским служащим поступков,

порочащих его честь и достоинство, или иным нарушением гражданским служащим требований к служебному поведению;

- рассмотрение информации о наличии у гражданского служащего личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов.

В соответствии с п. 33 и 34 Положения при выявлении фактов нарушений гражданскими служащими требований Закона о гражданской службе решения комиссий заключались в выдаче представителю нанимателя следующих рекомендаций:

- указать гражданскому служащему на недопустимость нарушения требований к служебному поведению, а также провести в государственном органе мероприятия по разъяснению гражданским служащим необходимости соблюдения требований к служебному поведению;
- осуществить мероприятия, направленные на предотвращение или урегулирование выявленного конфликта интересов.

Безусловно, комиссии с такой компетенцией не могли играть важную роль в системе противодействия коррупции, а также осуществлять соответствующие контрольно-регулирующие функции.

Развитие правового регулирования антикоррупционной деятельности и потребность в создании органа, обладающего широкими полномочиями по осуществлению мероприятий по противодействию коррупции на основе принципов беспристрастности, объективности, обоснованности и законности, обусловили необходимость коренного изменения правового статуса комиссий. Указанные задачи в целом были решены Положением о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, утвержденном Указом Президента РФ от 1 июля 2010 г. № 821³ (далее — Положение о комиссиях).

В настоящее время анализ правового статуса комиссий позволяет сделать вывод о их самостоятельной и значительной роли в осуществлении мероприятий, имеющих своей

¹ СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

² СЗ РФ. 2007. № 11. Ст. 1280. Указ утратил силу с 15 июля 2010 г.

³ СЗ РФ. 2010. № 27. Ст. 3446.

В указанный правовой акт шесть раз вносились изменения, заключающиеся в основном в расширении компетенции комиссий и совершенствовании правового регулирования их деятельности.

целью противодействие коррупции⁴. При этом компетенция комиссий чрезвычайно расширилась⁵, а принимаемые ими решения, хоть и обладают в основном рекомендательным характером⁶, имеют для соответствующего руководителя государственного органа особое значение: он *обязан* рассмотреть протокол заседания комиссии и вправе учесть в пределах своей компетенции содержащиеся в нем рекомендации при принятии решения о применении к государственному служащему мер ответственности, предусмотренных нормативными правовыми актами РФ, а также по иным вопросам организации противодействия коррупции. При этом о рассмотрении рекомендаций комиссии и принятом решении руководитель государственного органа обязан в письменной форме уведомить комиссию в месячный срок со дня поступления к нему протокола заседания комиссии.

Вместе с тем в связи с расширением круга субъектов антикоррупционных отношений, а также необходимостью осуществления кон-

троля за служебным поведением и урегулированием конфликта интересов отдельных категорий лиц, в том числе государственных служащих и иных лиц, замещающих высшие должности⁷ (далее — лица, замещающие высшие должности), возникла потребность отдельного правового регулирования таких отношений.

Так, наравне с государственными служащими наиболее многочисленной категорией участников отношений по противодействию коррупции являются муниципальные служащие.

Несмотря на то обстоятельство, что ч. 1 и 2 ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁸ (далее — Закон о противодействии коррупции) фактически предусмотрели обязательность наличия комиссии в органах местного самоуправления (далее — ОМСУ), аппарате избирательной комиссии муниципального образования, ст. 14.1 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной

⁴ Согласно пп. «б» п. 2 Указа Президента РФ от 1 июля 2010 г. № 821 в отношении лиц, замещающих должности федеральной государственной службы иных видов (например, военной службы), функции комиссий возложены на соответствующие аттестационные комиссии. Подробно см.: Горновский А. А., Корякин В. М. Аттестационные комиссии как субъекты антикоррупционной деятельности в Вооруженных Силах // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2014. № 9. С. 2—6; Бараненков В. В. Организационно-правовые основы деятельности и функции аттестационных комиссий в сфере профилактики коррупции в воинских частях // Там же. 2015. № 4. С. 2—8.

⁵ См. п. 22—27 Положения о комиссиях.

⁶ Решение комиссии по результатам рассмотрения обращения гражданина, замещавшего в государственном органе должность государственной службы, включенную в перечень должностей, утвержденный нормативным правовым актом РФ, о даче согласия на замещение должности в коммерческой или некоммерческой организации либо на выполнение работы на условиях гражданско-правового договора в коммерческой или некоммерческой организации (далее — организация), если отдельные функции по государственному управлению организацией входили в его должностные (служебные) обязанности, до истечения двух лет со дня увольнения с государственной службы (далее — обращение о даче согласия на замещение должности в организации) является для руководителя государственного органа обязательным.

⁷ Указанные лица определены пп. «а» — «б» п. 1 Положения о порядке рассмотрения президиумом Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции вопросов, касающихся соблюдения требований к служебному (должностному) поведению лиц, замещающих государственные должности РФ и отдельные должности федеральной государственной службы, и урегулирования конфликта интересов, а также некоторых обращений граждан, утвержденным Указом Президента РФ от 25 февраля 2011 г. № 233 (далее — Положение о Президиуме). Так, к ним относятся: лица, замещающие государственные должности Российской Федерации: Председатель Правительства РФ, его заместитель, федеральный министр, Генеральный прокурор РФ, Председатель Следственного комитета РФ, Секретарь Совета Безопасности РФ и т.д., а также лица, замещающие должности члена Совета директоров Центрального банка РФ, заместителя Председателя Центрального банка РФ, должности в организациях, созданных на основании федерального закона, назначение на которые осуществляется Президентом РФ и Правительством РФ // СЗ РФ. 2011. № 9. Ст. 1223.

⁸ СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.

службе в Российской Федерации»⁹ лишь предусматривает возможность образования комиссии¹⁰.

При этом в п. 4 Указа Президента РФ от 1 июля 2010 г. № 821 ОМСУ рекомендовано: — разработать и утвердить положения о комиссиях; — руководствоваться настоящим Указом при разработке названных положений.

Вместе с тем обязательность наличия в ОМСУ комиссии в данном случае обуславливается необходимостью как создания механизма контроля за соблюдением гражданином, замещавшим должность муниципальной службы, включенную в перечень, установленный муниципальным правовым актом, в течение двух лет после его увольнения с муниципальной службы требований ч. 1 ст. 12 Закона о противодействии коррупции, так и обеспечения возможности реализации данным лицом своего конституционного права на труд с учетом установленного указанной нормой права ограничения.

Другое законодательное решение в части необходимости наличия комиссий и их участия в осуществлении мероприятий по противодействию коррупции закреплено в п. 20 Указа Президента РФ от 2 апреля 2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона “О противодействии коррупции”»¹¹, в силу которого вопросы, связанные с соблюдением требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов (да-

лее — вопросы противодействия коррупции), рассматриваются:

- а) президиумом Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции (далее — Президиум) — в отношении лиц, замещающих высшие должности;
- б) комиссией (комиссиями) по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов в отношении работников (служащих), замещающих коррупционно-опасные должности:
 - в Центральном банке РФ;
 - в Пенсионном фонде РФ, Фонде социального страхования РФ, Федеральном фонде обязательного медицинского страхования, государственных корпорациях (компаниях), иных организациях, созданных на основании федеральных законов¹²;
 - в организациях, создаваемых для выполнения задач, стоящих перед федеральными государственными органами (далее — подведомственные организации).

При этом в большинстве федеральных государственных органов создана единая комиссия¹³, рассматривающая вопросы противодействия коррупции как в отношении соответствующих государственных служащих, так и в отношении работников подведомственных организаций, замещающих коррупционно-опасные должности¹⁴, что обусловлено отсутствием необходимости создания самостоятельных коллегиальных органов для указанных работников по причине их незначительного количества¹⁵.

⁹ СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.

¹⁰ Ср. с ч. 5 ст. 19 Закона о государственной службе.

¹¹ СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1670.

¹² См., например: Положение о Комиссии Государственной корпорации «Ростех» по соблюдению требований к служебному поведению работников Государственной корпорации «Ростех» и урегулированию конфликта интересов, утвержденное приказом Государственной корпорации «Ростех» от 25 февраля 2015 г. № 46 // URL:<http://rostec.ru/content/files//anticorruption/Polojenie.pdf>.

¹³ См., например: Положение о комиссии Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации по соблюдению требований к служебному (должностному) поведению федеральных государственных гражданских служащих и работников организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, и урегулированию конфликта интересов, утвержденное приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 10 декабря 2013 г. № 724н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 7.

¹⁴ К указанным лицам, как правило, отнесены: руководитель, заместитель руководителя и главный бухгалтер.

¹⁵ См. подробно: Зайков Д. Е. Специфика ограничения правового статуса работников — субъектов антикоррупционных отношений // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 23—24.

Однако, например, число работников, замещающих коррупционно-опасные должности в подведомственных Министерству обороны РФ организациях, составляет более 80 000 человек¹⁶. Кроме того, принимая во внимание большое количество таких организаций и их разбросанность по территории Российской Федерации (и за рубежом), Положением о комиссиях организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны РФ, по соблюдению требований к служебному поведению работников и урегулированию конфликта интересов, утвержденным приказом Министра обороны РФ от 10 июня 2014 г. № 388¹⁷, предусмотрено создание комиссии в каждой подведомственной организации¹⁸.

Безусловно, такой подход, хотя и обусловленный объективными обстоятельствами, нельзя признать эффективным по причине наличия предпосылок для различных злоупотреблений и местничества.

Большой интерес вызывают полномочия Президиума по рассмотрению вопросов противодействия коррупции.

Само наличие такого коллегиального органа определено необходимостью выполнения мероприятий по противодействию коррупции в отношении лиц, замещающих высшие должности, которые в силу своего правового статуса не могут являться субъектами деятельности комиссий.

Указанная деятельность Президиума регулируется Положением о Президиуме.

Важным является сравнительный анализ Положения о комиссиях и Положения о Президиуме с точки зрения влияния на компетенцию Президиума особенностей статуса участников антикоррупционных отношений, являющихся объектами деятельности Президиума.

Так, Положение о Президиуме не предусматривает право лиц, замещающих высшие должности и планирующих свое увольнение с государственной службы, подать обращение о даче согласия на замещение должности в организации¹⁹. Такая позиция, вероятно, обусловлена специфическим правовым положением указанной категории лиц, выполнение которыми своих обязанностей является для государства исключительным приоритетом, не допускающим возможность отвлечения на осуществление планирования иной деятельности²⁰. Начало соответствующей процедуры реализации лицами, замещающими высшие должности, своего права на труд после увольнения с государственной службы может быть инициировано только после совершения такого юридического факта.

Также Президиум, в отличие от комиссий, не наделен полномочиями по осуществлению контроля за соблюдением гражданином, замещавшим высшую должность на государственной службе, включенную в перечень, установленный правовыми актами РФ, в течение двух лет после его увольнения с государственной службы требований ч. 1 ст. 12 Закона о противодействии коррупции²¹. Указанное обстоятельство свидетельствует об отсутствии органа, уполномоченного устанавливать факт нарушения лицом, замещавшим высшую должность на государственной службе, требований ч. 1 ст. 12 Закона о противодействии коррупции, в частности, определять факт того, что отдельные функции государственного управления соответствующей организацией входили в его должностные (служебные) обязанности.

Безусловно, указанная функция может быть выполнена прокуратурой или судом, однако выявление нарушений ч. 1 ст. 12 Закона о про-

¹⁶ См.: *Зайков Д. Е.* Руководители военных организаций как участники антикоррупционных отношений // *Право в Вооруженных Силах* — Военно-правовое обозрение. 2016. № 6. С. 7.

¹⁷ *Рос. газета*. 2014. 10 окт. № 232.

¹⁸ О пробелах правового регулирования указанных отношений подробно см.: *Зайков Д. Е.* О качестве проектов нормативных правовых актов по противодействию коррупции // *Право в Вооруженных Силах* — Военно-правовое обозрение. 2014. № 10. С. 119—125.

¹⁹ Ср. с п. 17.2 Положения о комиссиях.

²⁰ Однако такой подход противоречит ст. 7 Закона о противодействии коррупции, в силу которого основным направлением деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции является проведение единой государственной политики в области противодействия коррупции и унификация прав государственных и муниципальных служащих, лиц, замещающих государственные должности РФ, а также устанавливаемых для указанных служащих и лиц ограничений, запретов и обязанностей.

²¹ См.: п. 26.1 Положения о комиссиях.

тивоедействию коррупции в рассматриваемой ситуации будет фрагментарным и неэффективным.

В свете рассматриваемого вопроса интерес вызывает абз. 2 п. 3 Положения о Президиуме, который устанавливает сведения, подлежащие указанию в обращении о даче согласия на замещение должности в организации, к которым, в том числе, отнесены должностные (служебные) обязанности, исполняемые лицом, замещавшим высшую должность, в отношении организации.

С одной стороны, требование о предоставлении такой информации видится необоснованным и излишним, так как она имеется у соответствующего государственного органа. С другой стороны, такая информация не имеет правового значения для принятия решения по обращению о даче согласия на замещение должности в организации. Так, в силу ч. 1 ст. 12 Закона о противодействии коррупции гражданин, замещавший должность государственной службы, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами РФ, в течение двух лет после увольнения с государственной службы имеет право замещать на условиях трудового договора должности в организации и (или) выполнять в организации работы (оказывать организации услуги) в течение месяца стоимостью более 100 тыс. руб. на условиях гражданско-правового договора (гражданско-правовых договоров), если отдельные функции государственного управления организацией²² входили в должностные (служебные) обязанности государственного служащего, с согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов²³.

Учитывая изложенное, одним из условий применения данного ограничения права на труд является то, что его работодателем (заказчиком) лица, замещавшего высшую долж-

ность, выступает организация, в отношении которой *отдельные функции государственного управления входили в должностные (служебные) обязанности* указанного лица²⁴.

Таким образом, «должностные (служебные) обязанности» и «функции государственного управления организацией» не являются аналогичными по содержанию понятиями. При этом для применения ограничения, предусмотренного ч. 1 ст. 12 Закона о противодействии коррупции, достаточно лишь установления того обстоятельства, что отдельные функции государственного управления *входили* в должностные (служебные) обязанности соответствующего лица, т.е. существование лишь потенциальной возможности оказания влияния на организацию (даже в отсутствие факта реализации такой возможности).

Исходя из анализа абз. 2 п. 3 Положения о Президиуме, в обращении о даче согласия на замещение должности в организации необходимо представление сведений *о фактическом исполнении* лицом, замещавшим высшую должность, своих должностных (служебных) обязанностей. Данная позиция противоречит требованиям законодательства о противодействии коррупции и создает предпосылки для применения к лицам, замещавшим высшие должности, привилегированных условий для преодоления ограничения, установленного ч. 1 ст. 12 Закона о противодействии коррупции.

При этом сравнительный анализ аналогичного правового регулирования, закрепленного в Положении о комиссиях, позволяет сделать вывод об отсутствии единства в указанном вопросе применительно к различным категориям субъектов антикоррупционных отношений.

Так, согласно п. 17.1 Положения о комиссиях к сведениям, подлежащим указанию в соответствующем обращении, в частности, отнесены: должностные (служебные) обязанности, исполняемые бывшим государственным слу-

²² Согласно п. 4 ст. 1 Закона о противодействии коррупции функции государственного управления организацией — полномочия государственного служащего принимать обязательные для исполнения решения по кадровым, организационно-техническим, финансовым, материально-техническим или иным вопросам в отношении данной организации, в том числе решения, связанные с выдачей разрешений (лицензий) на осуществление определенного вида деятельности и (или) отдельных действий данной организацией, либо готовить проекты таких решений.

²³ В данном случае указанную функцию комиссии осуществляет Президиум.

²⁴ О проблемах практической реализации данного положения см.: Зайков Д. Е. Ограничения при заключении трудового или гражданско-правового договора как инструмент противодействия коррупции // Законодательство. 2016. № 3. С. 45—47.

жащим во время замещения им должности государственной службы, и функции по государственному управлению в отношении организации. Как представляется, именно такой подход соответствует требованиям законодательства о противодействии коррупции²⁵.

Одной из особенностей правового статуса Президиума является то, что он обладает безусловной компетенцией — принимаемые им решения не подлежат утверждению (рассмотрению) какими-либо органами или должностными лицами²⁶.

При этом Положение о Президиуме предусматривает весьма спорную норму права, устанавливающую возможность исключить применение важнейшего принципа деятельности Президиума — представительность (коллегальность), обеспечивающего объективность и беспристрастность принимаемых указанным органом решений.

Так, в соответствии с п. 4.1 Положения о Президиуме председатель Президиума²⁷ вправе единолично, без участия Президиума принять решение по поданным лицами, замещающими высшие должности, заявлениям о невозможности по объективным причинам представить сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, заявлениям о невозможности выполнить требования Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»²⁸ по обстоятельствам, не зависящим от его воли или воли его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, или уведомлением о воз-

никновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, если в них и в подготовленных по результатам их рассмотрения мотивированных заключениях²⁹ содержатся достаточные основания, позволяющие сделать вывод об их обоснованности.

Таким образом, вывод о наличии правовых и фактических обстоятельств, позволяющих положительно разрешить соответствующие заявления (уведомление) лиц, замещающих высшие должности, делается одним лицом — председателем Президиума на основании его личного убеждения о доказанности соответствующих обстоятельств.

При этом в соответствии с абз. 4 п. 4.1 Положения о Президиуме мотивированное заключение и принятое на его основании председателем Президиума решение доводятся до сведения членов Президиума на ближайшем заседании Президиума. Иными словами, члены Президиума не имеют возможности повлиять на принимаемое в указанном порядке решение.

Как представляется, такое нормотворческое решение является не только необоснованным, но и прямо противоречащим существу деятельности по противодействию коррупции — в угоду, вероятно, упрощения процедуры принятия решения Президиумом по заявлениям (уведомлениям) высших должностных лиц. Кроме того, нельзя допускать ситуации, при которой в Положении о Президиуме, утвержденном нормативным правовым актом Президента РФ, регулирующим антикоррупционные отношения, содержатся коррупциогенные факторы, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил: определение

²⁵ Необходимо еще раз подчеркнуть, что само по себе требование о представлении такой информации государственному органу, ею обладающей, является необоснованным и противоречащим проводимой государственной политике. См., например: распоряжение Правительства РФ от 19 апреля 2016 г. № 724-р // СЗ РФ. 2016. № 18. Ст. 2647.

²⁶ Ср. с п. 34 Положения о комиссиях.

²⁷ В соответствии с составом президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции, утвержденным Указом Президента РФ от 28 июля 2012 г. № 1060, председателем Президиума по должности является Руководитель Администрации Президента РФ // СЗ РФ. 2012. № 32. Ст. 4481.

²⁸ СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2306.

²⁹ Мотивированное заключение подготавливается Управлением Президента РФ по вопросам противодействия коррупции или подразделением Аппарата Правительства РФ по результатам предварительного рассмотрения соответствующего заявления (уведомления).

компетенции по формуле «вправе»³⁰ и широта дискреционных полномочий³¹ — установление возможности принятия председателем Президиума решения в интересах заявителя по его заявлению (уведомлению) в упрощенном порядке по своему усмотрению.

По нашему мнению, рассматриваемые полномочия председателя Президиума, позволяющие ему подменять собой Президиум, и выполняемые им функции подлежат исключению из компетенции председателя Президиума.

Согласно п. 19 Положения о Президиуме решения Президиума принимаются коллегиально простым большинством голосов присутствующих на заседании членов Президиума.

При этом в соответствии с п. 20.1 Положения о Президиуме в случае, если в обращениях, заявлениях, уведомлениях, поданных лицами, замещающими высшие должности, не содержится указания о намерении представивших их лиц лично присутствовать на заседании Президиума, по решению председателя Президиума голосование по соответствующим вопросам может проводиться заочно путем направления членам Президиума опросных листов, а также иных материалов. При заполнении опросного листа член Президиума *должен однозначно выразить свое мнение в отношении предлагаемого Президиумом решения, проголосовав за или против него.*

Тем самым использование указанного порядка проведения голосования исключает возможность реализации Президиумом права, предусмотренного п. 17 Положения о Президиуме, в силу которого указанный орган вправе принять иное, чем предусмотренное Положением о Президиуме, решение³², так как в силу буквального толкования п. 20.1 Положения о Президиуме члены Президиума будут связаны предложенными им вариантами решений³³.

В указанной ситуации председатель Президиума, определив заочную форму голосования и предложив, исходя из собственного усмотрения, членам Президиума возможные варианты решения по вопросам повестки заседания, ограничивает компетенцию Президиума и фактически предопределяет принимаемые им решения. Подобная концентрация полномочий председателя Президиума представляется необоснованной и не отвечающей целям противодействия коррупции.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о необходимости совершенствования законодательства в сфере противодействия коррупции в целях как повышения эффективности проводимых антикоррупционных мероприятий, в том числе соответствующими коллегиальными органами, так и обеспечения и защиты основных прав и свобод человека и гражданина.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бараненков В. В. Организационно-правовые основы деятельности и функции аттестационных комиссий в сфере профилактики коррупции в воинских частях // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2015. — № 4.
2. Горновский А. А., Корякин В. М. Аттестационные комиссии как субъекты антикоррупционной деятельности в Вооруженных Силах // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2014. — № 9.

³⁰ В соответствии с пп. «б» п. 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 (далее — Методика), определение компетенции по формуле «вправе» — диспозитивное установление возможности совершения государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций // СЗ РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.

³¹ Согласно пп. «а» п. 3 Методики широта дискреционных полномочий — отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц).

³² Основания и мотивы принятия такого решения должны быть отражены в протоколе заседания Президиума.

³³ В этом случае предусмотренное п. 22 Положения о Президиуме право члена Президиума, несогласного с принятым решением, в письменном виде изложить свое мнение выглядит не вполне корректно.

3. Зайков Д. Е. О качестве проектов нормативных правовых актов по противодействию коррупции // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2014. — № 10.
4. Зайков Д. Е. Ограничения при заключении трудового или гражданско-правового договора как инструмент противодействия коррупции // Законодательство. — 2016. — № 3.
5. Зайков Д. Е. Руководители военных организаций как участники антикоррупционных отношений // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2016. — № 6.
6. Зайков Д. Е. Специфика ограничения правового статуса работников — субъектов антикоррупционных отношений // Российская юстиция. — 2016. — № 2.

Материал поступил в редакцию 13 января 2018 г.

COLLEGIAL BODIES FOR ANTI-CORRUPTION ISSUES

ZAIKOV Denis Evgen'evich — PhD in Law, Head of Legal Service of the "25th State Research Institute of Chemmotology of the Ministry of Defense of the Russian Federation"
joburist@yandex.ru
121467, Russia, Moscow, ul. Molodogvardeyskaya, 10

Abstract. *The organization of anti-corruption events is an interrelated and interdependent set of measures of legal, social and organizational focus, covering diverse areas of activity of subjects of anti-corruption relationships with the goal of creating the necessary conditions for effective fight against corruption. Special collegial bodies play a crucial role in the organization of corruption counteraction as they have exclusive competence for considering anti-corruption issues: the establishment of the fact of presence (absence) of a conflict of interest, breach of requirements to office (official) status of state (municipal) employee, decision-making about the possibility of overcoming restrictions on labor activity by a person dismissed from state (municipal) services, etc.*

The specifics of the legal status of various categories of subjects of anti-corruption relations (state civil servants, municipal servants, workers), as well as the specific local conditions determined the presence of differentiation such collegial bodies. The author, highlighting the positive aspects of legal regulation of activities of collegial bodies for consideration of anti-corruption issues through the analysis and comparison of their powers, comes to the conclusion that there are significant shortcomings in the regulation of these relations, negatively influencing both the effectiveness of anti-corruption measures, and the objectivity and impartiality accepted by such collegial bodies decisions.

In addition, the article focuses on the differences in the competence of the collegial bodies dealing with corruption issues and the procedures for their decision-making, due to the peculiarities of the legal status of the entities of anti-corruption relations, and the unreasonable distribution of powers between the members of the said collegiate body. The author offers ways of improvement of legislation on anti-corruption measures.

Keywords: *anti-corruption measures, conflict of interests, public authorities, collegial bodies, commissions, governmental officials, workers, labor contract, civil contract, competence, voting.*

REFERENCES

1. Baranenkov V. V. Organizatsionno-pravovye osnovy deiatel'nosti i funktsii attestatsionnykh komissii v sfere profilaktiki korruptsii v voinskikh chastiakh [Legal framework for the activities and functions of the evaluation committees in the field of corruption prevention in the military units] Pravo v vooruzhennykh silakh. Voенно-правовое обозрение [Law in the Armed Forces. Military legal review]. 2015. No. 4.
2. Gornovskii A. A., Koriakin V. M. Attestatsionnye komissii kak sub"ekty antikorrupcionnoi deiatel'nosti v Vooruzhennykh Silakh [Certification fees as subjects of anti-corruption activities] Pravo v vooruzhennykh silakh. Voенно-правовое обозрение [Law in the Armed Forces. Military legal review]. 2014. No. 9.
3. Zaykov D. E. O kachestve proektov normativnykh pravovykh aktov po protivodeistviu korruptsii [The quality of draft regulatory legal acts on countering corruption] Pravo v vooruzhennykh silakh [Law in the Armed Forces]. 2014. No. 10.

4. Zaykov D. E. Spetsifika ogranicheniia pravovogo statusa rabotnikov — sub"ektov antikorrupsionnykh otnoshenii [Specificity of the restriction of the legal status of employees subject to anti-corruption relations]. Rossiiskaia iustitsiia [Russian justice]. 2016. No. 2.
5. Zaykov D. E. Ogranicheniia pri zakliuchenii trudovogo ili grazhdansko-pravovogo dogovora kak instrument protivodeistviia korrupsii [Restrictions when entering into an employment or civil-law contract as the tool of counteracting corruption]. Zakonodatel'stvo [Legislation]. 2016. No. 3.
6. Zaykov D. E. Rukovoditeli voennykh organizatsii kak uchastniki antikorrupsionnykh otnoshenii [The leaders of military organizations as members of the anti-corruption relationship] Pravo v vooruzhennykh silakh [Law in the Armed Forces]. 2016. No. 6.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

А. А. Гребеньков*

ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, МЕСТО В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И МЕСТО ПРИЗНАКОВ ИНФОРМАЦИИ В СТРУКТУРЕ ИХ СОСТАВА¹

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы противодействия новой форме преступности — информационной преступности. Данная категория преступлений является относительно новой для уголовного законодательства России и связана с тем, что именно в последнее десятилетие в связи с бурным развитием информационных технологий появились новые формы общественно опасных деяний в сфере информационного оборота, и даже давно известные преступные деяния (например, мошенничество) претерпели значительную трансформацию.

Автором рассмотрены некоторые из ранее предлагавшихся определений информационной преступности, выявлены их достоинства и недостатки. Делается вывод, что выделение информационных преступлений надо связывать не непосредственно с наличием в их составе признаков, относящихся к информации, а с тем, что их механизм предполагает использование информационных технологий и (или) информационно-телекоммуникационных сетей. Эти преступления имеют высокотехнологичный характер, что предопределяет значительную специфику их криминологической характеристики и криминалистической методики расследования. Были выделены следующие основные группы информационных преступлений: специфически информационные преступления; преступления общеуголовного характера, в которых применение информационных технологий и (или) ИТС существенно облегчает совершение преступного деяния или сокрытие его следов, дает возможность систематического и массового совершения преступных деяний; преступления общеуголовного характера, где применение указанных технологий не оказывает значимого влияния на преступный результат. Указывается на место, которое каждая из этих категорий занимает в уголовном законодательстве.

Помимо этого, исследован вопрос места признаков информации в структуре состава преступления на примере клеветы, компьютерного мошенничества и неправомерного доступа к компьютерной информации. Сделан вывод о нежелательности рассмотрения информации как предмета преступления в связи с ее нематериальным характером, предложены альтернативные варианты отнесения информации к другим признакам состава преступления.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ МК-6433.2016.6.

© Гребеньков А. А., 2018

* Гребеньков Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета
grebenkov@gmail.com.
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

Ключевые слова: информационные преступления, информационные технологии, клевета, компьютерное мошенничество, неправомерный доступ к компьютерной информации, предмет преступления.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.108-120

Нормы о преступлениях в сфере компьютерной информации были включены в законодательство в 1996 г. с принятием нового Уголовного кодекса РФ. За прошедшие с тех пор годы криминальная ситуация в данной сфере значительно изменилась².

С одной стороны, компьютерная преступность профессионализировалась: если раньше «хакингом» занимались одиночки-энтузиасты, то сейчас в России и в мире действует значительное число законспирированных организованных преступных групп, извлекающих значительный преступный доход из деятельности, связанной с посягательствами в информационной сфере. В распоряжении этих групп находятся так называемые «ботнеты» — сети из десятков или даже сотен тысяч компьютеров, над которыми установили контроль «хозяева» ботнета и которые скоординированно занимаются определенной деятельностью: подбором паролей, рассылкой рекламных сообщений либо атаками на другие компьютеры.

С другой стороны, массовое распространение компьютеров и компьютерных сетей, а также совершенствование программных инструментов для несанкционированного доступа привело к тому, что для совершения компьютерных преступлений перестало требоваться специальное образование: почти любой пользователь может освоить некоторые «хакерские» приемы; в итоге значительно расширился круг субъектов подобных деяний.

Компьютерная техника все чаще используется для совершения преступлений, посягающих на авторские права; на конституционные права и свободы человека; на экономические и государственные интересы. Имеются даже примеры использования информационных технологий для осуществления диверсий. В связи с этим назрела необходимость в комплексном анализе новой для уголовного за-

конодательства категории общественно опасных деяний: информационных преступлений.

Ввести понятие «информационные преступления» в оборот уголовно-правовой науки пытались многие исследователи.

Одно из наиболее ранних определений дал В. В. Крылов. Под информационными преступлениями он понимал «общественно опасные деяния, запрещенные уголовным законом под угрозой наказания, совершенные в области информационных правоотношений». Информационные правоотношения же определялись им как «отношения, возникающие при: формировании и использовании информационных ресурсов на основе создания, сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, распространения и предоставления потребителю документированной информации; создании и использовании информационных технологий и средств их обеспечения; защите информации, прав субъектов, участвующих в информационных процессах и информатизации»³.

Это была одна из первых попыток дать определение понятия «информационные преступления». Однако развития идеи данного автора не получили, а сам он концентрировал внимание на изучении компьютерных информационных преступлений. В целом можно отметить чрезмерную широту данного определения: как отмечает автор, под него подпадают такие разные по своей природе деяния, как, например, клевета, нарушение авторских прав и мошенничество. Вызывает сомнения целесообразность такой группировки совершенно разнородных деяний.

А. В. Суслопаров дает следующее определение: «Информационными преступлениями являются общественно опасные противоправные деяния, причиняющие вред общественным отношениям по обеспечению информационной безопасности, способом совершения которых является информаци-

² См. подробнее: Гребеньков А. А. Преступность в сфере высоких технологий: исторический аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2012. № 1-1. С. 184—188.

³ Крылов В. В. Основы криминологической теории расследования преступлений в сфере информации. М. : МГУ, 1998. 50 с.

ное воздействие или (и) предметом которых является информация как особый нематериальный объект»⁴.

Рассматривая это определение, нельзя не отметить, что оно имеет довольно существенные недостатки. Во-первых, оно избыточно. Согласно нормативно-техническому определению понятия «информационная безопасность», которое содержится в ГОСТ Р ИСО/МЭК 17799-2005, она представляет собой механизм защиты, обеспечивающий конфиденциальность, целостность и доступность информации. Соответственно, любое посягательство на информационную безопасность предполагает и воздействие на информацию, либо информационное воздействие. Во-вторых, рассматриваемое определение выходит за рамки традиционной концепции предмета преступления как вещи материального мира. Хотя в последнее время в литературе информация довольно часто называется в качестве предмета преступления, к данному подходу следует относиться критически, так как в этом случае многие преступления, ранее традиционно считавшиеся беспредметными (например, дача заведомо ложных показаний свидетелем), обретают предмет, который для них является сущностью лишней (поскольку без его наличия в данных составах и теории, и практики обходились много лет). Подробнее этот аспект проблемы будет рассмотрен далее.

А. А. Турышев дает еще более широкое определение: информационными преступлениями являются любые преступления, состав которых включает в себя информацию⁵. Данный автор не конкретизирует, к какому из признаков состава преступления эта информация должна относиться.

Недостатки этого определения очевидны: например, выступающая способом совершения изнасилования угроза применения насилия — это информационное воздействие. Вряд ли следует признавать информационным любое преступление, состав которого включает в себя угрозу совершения определенного действия.

Л. Г. Устьяев определяет информационные преступления как «виновно совершенные об-

щественно опасные деяния, запрещенные Уголовным кодексом, предметом или средством совершения которых является информация»⁶.

Относительно нежелательности расширения понятия «предмет преступления» уже было сказано. Сомнительна и необходимость включения информации как таковой в число средств совершения преступления: например, в таком случае придется средством совершения мошенничества считать заведомо ложную или неполную информацию, а само мошенничество относить к числу информационных преступлений, целесообразность чего не очевидна.

Таким образом, можно заключить, что несмотря на неоднократно предпринимаемые попытки в уголовно-правовой науке так и не удалось выработать общепринятого и не имеющего заметных недостатков определения понятия «информационные преступления». При этом обращает на себя внимание тот факт, что все рассмотренные определения в качестве своей опорной точки используют понятие «информация», которое является крайне широким, поскольку относится к любым сведениям, сообщениям и данным независимо от их носителя.

На что же можно опереться в определении понятия «информационные преступления», если не на понятие «информация»? Обратимся к Основам государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года, утвержденным Президентом РФ 24 июля 2013 г. Данный документ указывает, что основной угрозой в области международной информационной безопасности является использование информационных и коммуникационных технологий с вредоносными целями.

Представляется, что именно использование информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей может быть положено в основу при выделении информационных преступлений как особой группы уголовно наказуемых деяний.

Понятия «информационные технологии» и «информационно-телекоммуникационные сети» определяются Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, ин-

⁴ Сулопаров А. В. Информационные преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2008. С. 8.

⁵ Турышев А. А. Информация как признак составов преступлений в сфере экономической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 9.

⁶ Устьяев Л. Г. Уголовная ответственность за коррупционные информационные преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2010. С. 11.

формационных технологиях и защите информации». Информационные технологии — это процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. Информационно-телекоммуникационная сеть — это технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Исходя из этого, можно определить информационные преступления как запрещенные уголовным законодательством под угрозой наказания виновно совершенные общественно опасные деяния, механизм совершения которых предполагает использование информационных технологий и (или) информационно-телекоммуникационных сетей (далее — ИТС). Сразу же становится возможным выделить особенность таких преступлений, отличающую их от уголовно-наказуемых деяний иных видов. Данные преступления по своей природе являются высокотехнологичными, требующими наличия у преступника определенных знаний и опыта, специального оборудования и (или) компьютерных программ. Это позволяет говорить, что криминологическая характеристика такого вида преступлений будет существенно отличаться от общеуголовной. Кроме того, значительную специфику будет иметь криминалистическая методика их расследования.

Рассматривая через эту призму составы преступлений, уже закрепленные уголовным законодательством, можно выделить следующие группы информационных преступлений:

- 1) специфически информационные преступления — те деяния, которые могут быть совершены только с использованием информационных технологий и (или) ИТС. В первую очередь это компьютерные преступления, но к этой группе можно отнести и, например, компьютерное мошенничество;
- 2) преступления общеуголовного характера, в которых применение информационных технологий и (или) ИТС существенно облегчает совершение преступного деяния или сокрытие его следов, дает возможность систематического и массового совершения преступных деяний. Например, развратные действия могут быть совершены как при непосредственном контакте, так и через средства интернет-коммуникации, однако, несомненно, во втором случае преступник

избегает многих рисков и может воздействовать одновременно на значительное число малолетних. Еще один пример — получение взятки так называемыми «электронными деньгами» или даже денежными суррогатами, такими как криптовалюта Bitcoin. При таком способе совершения преступления исключается непосредственный контакт между взяткодателем и взяткополучателем, крайне затруднительным становится установление факта получения материальной выгоды взяткополучателем;

- 3) преступления общеуголовного характера, при совершении которых могут использоваться информационные технологии и (или) ИТС, однако значительного влияния на преступный результат это не оказывает. Например, замышляя убийство группой лиц по предварительному сговору, соучастники могут обмениваться сообщениями по сети Интернет, однако существенной роли в механизме преступления это не играет: того же результата и приблизительно с теми же рисками можно было бы достичь и при личном общении, и при использовании телефонной связи и т.д.

Исходя из такого деления на группы, можно определить и место, которое информационные преступления должны занимать в уголовном законодательстве.

Деяния первой группы можно рассматривать как посягающие на один объект: общественные отношения, связанные с использованием информационных технологий и ИТС в законных целях. Целесообразно выделение их в отдельную главу Уголовного кодекса РФ.

Для деяний второй группы применение информационных технологий и ИТС должно выступать признаком, дифференцирующим уголовную ответственность. В зависимости от того, насколько существенными являются особенности таких деяний при их совершении в информационной сфере, возможно выделение либо соответствующего квалифицирующего признака, либо специального состава преступления, совершенного с использованием информационных технологий и ИТС.

Для деяний третьей группы использование преступником или преступниками информационных технологий и ИТС является нейтральным признаком, который не должен влиять на уголовную ответственность.

Нами было определено понятие информационных преступлений и их место в структуре

уголовного законодательства России. Остается еще один неразрешенный и весьма дискуссионный вопрос: в рамках какого признака состава информационного преступления следует рассматривать непосредственно информацию.

Для этого рассмотрим три типичных информационных преступления: клевету (ст. 128.1 УК РФ — ее можно отнести к категории общеуголовных преступлений, в которых применение информационных технологий и (или) ИТС существенно облегчает совершение преступного деяния, дает возможность систематического и массового совершения преступных деяний), компьютерное мошенничество (ст. 159.6 УК РФ) и неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ).

Коротко характеризуя роль информации в каждом из названных составов, можно отметить, что в законодательной формулировке нормы ст. 128.1 УК РФ информация упоминается при характеристике преступного деяния («распространение информации»), ст. 159.6 УК РФ — способа совершения деяния («путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации»), ст. 272 УК РФ — как деяния (неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации), так и преступных последствий («повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации»). Однако довольно наивно было бы предполагать, что само по себе использование таких приемов законодательной техники дает достаточное основание для отнесения информации к соответствующим признакам данных составов преступлений. Поэтому обратимся к учебной и научной литературе.

Как легко убедиться, противоречивые мнения по данному вопросу могут встретиться даже на разных страницах одного и того же издания. Так, в одном из учебников по уголовному праву в главе, посвященной объекту преступления (автор — А. Н. Караханов), говорится: «Поскольку предмет преступления составляют объективно существующие материальные вещи, то его не имеют такие деяния, как клевета (ст. 128.1 УК РФ)...», а в разделе, посвященном непосредственно характеристике состава клеветы (автор — М. А. Кауфман), указывается совершенно противоположное: «Предметом клеветы являются сведения о потерпевшем, которые порочат его честь и достоинство или подрывают его репутацию»⁷. Предметом клеветы такие сведения называют и некоторые другие авторы⁸.

Есть и иные мнения: в монографии М. В. Демьянца, В. М. Елина и А. К. Жаровой указывается: «Как средство, то есть то, с помощью чего совершалось преступление, информация, к примеру, зафиксирована в составах ст. 128.1 “Клевета”...»⁹.

Многие издания вообще избегают отнесения информации к какому-либо конкретному признаку состава преступления, рассматривая характеристики информации в ходе анализа объективной стороны клеветы, переходя к их анализу после рассмотрения признака деяния¹⁰. В целом такой подход можно назвать наиболее типичным для комментариев и учебной литературы.

Аналогичным образом поступают и многие авторы, рассматривающие ст. 159.6 УК РФ (в том числе все рассматривающие данный состав ранее процитированные работы): призна-

⁷ Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / В. А. Блинников, А. В. Бриллиантов, О. А. Вагин [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015. 1184 с.

⁸ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : научно-практический (постатейный) / Н. И. Ветров, М. М. Дайшуттов, Г. В. Дашков [и др.] ; под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юриспруденция, 2013. 912 с.

⁹ Демьянец М. В., Елин В. М., Жарова А. К. Предпринимательская деятельность в сети Интернет : монография. М. : Юркомпани, 2014. 440 с.

¹⁰ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М. : Проспект, 2015. Т. 1. 792 с. ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Т. К. Агузаров, А. А. Ашин, П. В. Головненков [и др.] ; под ред. А. И. Чучаева. М. : Контракт, 2013. 672 с. ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г. Н. Борзенков, А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013. 1069 с. ; Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2008. Т. 2 : Преступления против личности. С. 448—452 ; Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М. : Спарк, 2002. С. 210—211.

ки информации при характеристике данного состава либо не раскрываются вообще (делается отсылка к характеристике компьютерных преступлений), либо описываются в рамках толкования общих понятий и определений, используемых в данной статье¹¹.

В то же время имеются и иные мнения. Так, М. А. Ефремова относит компьютерное мошенничество к группе преступлений, где информация является средством совершения преступления¹². А. Ю. Епихин указывает, что в данном составе «факт использования компьютерной информации — средство достижения корыстной цели»¹³.

Имеются разногласия и по поводу места информации в составе ст. 272 УК РФ. Так, уже упомянутый выше учебник, в своей общей части однозначно утверждающий, что предметом преступления могут быть только материальные вещи, при характеристике данного состава (автор главы — Г. Д. Долженкова) однозначно указывает: «Предметом преступления является компьютерная информация ограниченного доступа»¹⁴. Аналогичное представление об информации как предмете данного преступления содержится и в других изданиях¹⁵. Оно зафиксировано и в Соглашении о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе

с преступлениями в сфере компьютерной информации¹⁶.

Несмотря на то, что рассмотрение информации в качестве предмета компьютерных преступлений стало в некотором роде общим местом научных и учебных изданий по юриспруденции, имеются и иные мнения. Так, И. Г. Чекунов предлагает рассматривать информацию не как предмет состава преступления, а как предмет уголовно-правовой охраны¹⁷. Аналогичным образом информация рассматривается и в ряде других работ¹⁸. Интересным является также указание А. Я. Минина, который, хотя и признает информацию предметом преступления, указывает на то, что она представляет собой «благо особого рода»¹⁹.

Разберем сначала именно этот подход к поиску места признаков информации в составе преступления. Для этого необходимо рассмотреть признаки философской категории «информация» в ее соотношении с другими фундаментальными философскими категориями, а также понятие и значение категории «предмет преступления».

Понятие «информация» относится к числу базовых философских категорий и составляет основу предмета изучения кибернетики. Слово «информация» происходит от латинского слова «informatio», что означает «сведение, раз-

¹¹ См., например: Колоколов Н. А. Преступления против собственности: комментируем новеллы УК РФ // *Мировой судья*. 2013. № 1. С. 6—15.

¹² Ефремова М. А. Мошенничество с использованием электронной информации // *Информационное право*. 2013. № 4. С. 19—21.

¹³ Епихин А. Ю. Уголовно-правовые аспекты дополнения уголовного закона специальными видами мошенничества // *Современное право*. 2013. № 10. С. 134—137.

¹⁴ *Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник* / В. А. Блинников [и др.].

¹⁵ См., например: *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный)* / под ред. А. И. Чучаева; *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный)* / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова; *Уголовное право России. Особенная часть: учебник* / С. А. Балеев, Л. Л. Кругликов, А. П. Кузнецов [и др.]; под ред. Ф. Р. Сундунова, М. В. Талан. М.: Статут, 2012. 943 с.

¹⁶ *Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (заключено в г. Минске 01.06.2001)* // *СЗ РФ*. 2009. № 13. Ст. 1460.

¹⁷ Чекунов И. Г. Понятие и отличительные особенности киберпреступности // *Российский следователь*. 2014. № 18. С. 53—56.

¹⁸ См., например: Анин Б. *Защита компьютерной информации*. СПб.: БХВ Петербург, 2000. С. 7; Числин В. П. *Информация как объект уголовно-правовой защиты*. М.: Макс Пресс, 2004. С. 6—9; Лопатина Т. М. *Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности: дис. ... д-ра юрид. наук*. М., 2006. С. 4—5; Мешков В. М., Григорьев А. Н., Проценко Н. Ю. *Компьютерные преступления и защита компьютерной информации*. Калининград, 2003. С. 47—50.

¹⁹ Минин А. Я. *Кибербезопасность и защита информационных систем* // *Право и кибербезопасность*. 2013. № 2. С. 28—35.

яснение, ознакомление». Однако очевидно, что этим содержание данного понятия не исчерпывается. Более того, в современной философии и кибернетике четкое его определение отсутствует²⁰.

Информация как категория стала объектом внимания ученых в первой половине XX в. ввиду необходимости создания теоретической базы для разработки новых средств связи. Пионерами в данной области были Р. Хартли и К. Шеннон. Однако несмотря на разработку математического аппарата, позволяющего анализировать процессы информационного обмена, четкого определения информации данными авторами не было дано. Более того, К. Шеннон полагал информацию фундаментальным, нередуцируемым понятием²¹.

Такое понимание прослеживается и в современной специальной литературе: указывается, что данное понятие вообще не поддается определению в рамках кибернетики, так как является для нее первичным (как для философии материя и энергия)²².

Основоположник кибернетики Норберт Винер говорил об информации так: «Информация есть информация, а не материя и не энергия»²³. За этим тавтологичным определением кроется представление о том, что информация является понятием фундаментальным, содержание которого определить через более простые, по мнению Винера, не представляется возможным.

Интерпретируя данное определение, можно заключить, что информация обладает свойством, не характерным ни для материи, ни для энергии: для нее не действуют законы сохранения. Пояснить это свойство информации можно на следующем примере: если два объекта взаимодействуют, причем один объект передает другому некоторую субстанцию, но при этом сам ее не теряет, такое взаимодействие называется информационным, а передаваемая субстанция и является информацией.

Таким образом, фундаментальное свойство информации заключается в том, что любая «передача» информации на самом деле является ее копированием. Такое свойство информации делает неправомерными любые аналогии, связывающие информационное взаимодействие и отношения по поводу материальных объектов. Информацию нельзя украсть, в отношении нее не могут быть реализованы классические гражданско-правовые отношения купли-продажи и т.д. «Перемещение» информации (как законное, так и незаконное) представляет собой фикцию: оно представляет собой копирование информации с последующим ее уничтожением у передающего субъекта.

Можно выделить и другие признаки информации: самостоятельность сведений, возможность многократного использования, возможность математического анализа, системность и т.д.²⁴, однако, по нашему мнению, наиболее значимым является именно сохранение информации у передающего и принимающего субъекта.

Поскольку информация не является материей, она нематериальна. Данное логическое построение, хотя и является очевидным, имеет далеко идущие следствия. Нематериальные объекты не могут существовать сами по себе, в объективной реальности они всегда связаны с определенным материальным субстратом или носителем.носителем информации является материальный объект (бумага, компакт-диск) или среда (электромагнитные, звуковые или световые волны). Нелишним будет упомянуть, что мозг человека также является носителем информации.

Предмет преступления в упрощенном понимании — это «то, что непосредственно подвергается преступному воздействию для нанесения вреда объекту посягательства»²⁵. Если раньше общепринятым было понимание предмета исключительно как вещи материального мира, то в последнее время стало распростра-

²⁰ Белевская Ю. А. Информация как объект правового регулирования конституционных прав человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 12.

²¹ Гришкин И. И. Понятие информации: логико-методологический аспект. М. : Наука, 1973. С. 16—19.

²² Заморин А. П., Марков А. С. Толковый словарь по вычислительной технике и программированию : Основные термины. М. : Русский язык, 1988. С. 68.

²³ Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М. : Наука, 1983. С. 208.

²⁴ Рассолов М. М. Управление, информация, право. М. : Мысль, 1983. С. 94.

²⁵ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / Н. Н. Белокобыльский, Г. И. Богуш, Г. Н. Борзенков [и др.] ; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. 879 с.

няться более широкое понимание данной категории, которое включает неовещественные явления внешнего мира и даже субъективные права²⁶, любые доступные для восприятия, измерения, фиксации и оценки явления внешнего мира, путем воздействия на которые причиняется или может быть причинен вред объекту посягательства²⁷.

Возможно, с точки зрения чисто практической, такая упрощенная и расширенная точка зрения и является в определенной степени полезной, но с теоретической точки зрения она подвержена критике.

Следует вспомнить, что предмет преступления — это не любой объект (допустим даже, что не обязательно материального мира), на который воздействует преступник, а лишь тот, в котором «проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений (объекта преступления)»²⁸, что и позволяет причинить путем воздействия на него вред объекту уголовно-правовой охраны. Именно это свойство предмета является главным в его теоретической характеристике. Оно, в частности, позволяет отграничить предмет преступления от орудий и средств преступления²⁹, от иных объектов, с которыми взаимодействует преступник в ходе реализации преступного намерения. Особенности последних характеризуют механизм совершения преступления, а в уголовном праве их признаки раскрываются в рамках характеристики способа совершения преступления³⁰.

Поэтому предметом преступления может быть признано лишь то, что: а) не совпадает с объектом преступления (общественными отношениями), б) непосредственно выражает в себе свойства данного объекта, в) позволяет путем воздействия на него причинить вред объекту преступления.

Исходя из этого и из свойств информации, в качестве предмета (или скорее квазипредмета) преступления ее можно рассматривать только при наличии ее непосредственной связи с объектом посягательства и при условии, что именно информационное воздействие причиняет вред объекту уголовно-правовой охраны.

Рассмотрим с этих позиций характеристики информации в составе клеветы. Может ли она быть признана предметом посягательства? Для этого надо: а) чтобы эта информация непосредственно выражала свойства чести и достоинства как объекта посягательства; б) чтобы воздействие на эту информацию причиняло ущерб данному объекту. Однако честь и достоинство находят отражение не в заведомо ложной информации о человеке, а в его самосознании и оценке его другими людьми. Именно воздействие на них и причиняет вред объекту преступления. Если уж какую информацию и считать предметом посягательства при клевете — так это ту, которая содержится в сознании адресатов заведомо ложной информации. Именно в результате воздействия на нее причиняется вред чести и достоинству лица. Но выделение в качестве предмета преступления сознания людей лежит далеко за пределами отечественной уголовно-правовой традиции.

Ввиду отмеченного не следует рассматривать заведомо ложные сведения и как средство совершения клеветы. Иначе пришлось бы признать, что любая информация, используемая для воздействия на психику людей (например, при шантаже, угрозе насилием и т.п.), является средством совершения преступления. Опять же это выходит за рамки традиции российской науки уголовного права, которая рассматривает подобное воздействие в рамках характеристики способа. Вполне можно было бы

²⁶ См., например: Бикмурзин М. П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М. : Юрлитинформ, 2006. С. 50—51 ; Букалерева Л. А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления: законотворческие и правоприменительные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.

²⁷ См.: Калмыков Д. А. К вопросу о необходимости корректировки понятия «предмет преступления» // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : материалы III Российского конгресса уголовного права / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2008. С. 44.

²⁸ Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М. : Академия МВД СССР, 1980. С. 103.

²⁹ См.: Энциклопедия уголовного права. СПб. : Издание профессора Малинина, 2005. Т. 4 : Состав преступления. С. 194.

³⁰ См., например: Князьков А. С. Криминалистическая характеристика преступления в контексте его способа и механизма // Вестник Томского государственного университета. Серия «Право». 2011. № 1. С. 51—64.

без потери смысла переформулировать диспозицию ст. 128.1 УК РФ следующим образом: «Унижение чести и достоинства лица, подрыв его деловой репутации путем распространения заведомо ложных сведений». В такой форме становится совершенно очевидным, что в составе клеветы признаки распространяемых лицом сведений следует рассматривать при характеристике способа совершения преступления.

Аналогична ситуация и в ст. 159.6 УК РФ, где соответствующая юридическая конструкция в явном виде использована законодателем. Но здесь следует различать ситуации, когда компьютерная информация вводится в информационную систему и когда осуществляется воздействие уже на имеющуюся в данной системе компьютерную информацию. В первом случае компьютерная информация действительно может рассматриваться как средство совершения преступления, точно так же, как можно рассматривать в качестве средства совершения кражи «электронную отмычку», используемую для открытия кодового замка на входе в хранилище.

В случае же с неправомерным доступом к компьютерной информации данная информация действительно близка к предмету преступления. Преступник, осуществляя неправомерный доступ, получает возможность ознакомиться с информацией и совершить определенные действия с ней. И здесь гораздо больше, чем в предыдущих рассмотренных примерах, можно говорить о тесной связи информации и общественных отношений по ее охране, которые являются объектом данного преступления. Однако так ли необходимо в данной статье такое «опредмечивание» информации?

Обратим внимание на то, что информация в формулировке ст. 272 УК РФ фигурирует

дважды: при описании действия и последствия. Причем далеко не всегда фактически это будет одна и та же информация: неправомерный доступ (возможность получения информации и ее использования) может осуществляться к одной информации, а модифицироваться, блокироваться, уничтожаться или копироваться может и иная информация, обрабатываемая в той же информационной системе. Более того, указанные последствия вполне могут наступить в результате действий лица, получившего неправомерный доступ к информационной системе, но не к информации, в ней обрабатываемой. Например, путем ввода системных команд лицо может уничтожить или заблокировать информацию, при этом не имея возможности ознакомиться с ней или воспользоваться ею иным образом.

Ликвидировать этот пробел и избежать «опредмечивания» информации можно весьма просто, изменив формулировку ст. 272 УК РФ следующим образом: «Неправомерный доступ к информационной системе, повлекший уничтожение, блокирование, модификацию или копирование компьютерной информации». В такой формулировке характеристика информации будет отнесена к последствиям преступления, а предметом будет выступать информационная система (т.е. фактически конкретные средства компьютерной техники, обрабатывающие информацию).

Резюмируя изложенное, следует отметить, что проблематика информационных преступлений нуждается в дальнейших исследованиях. Особенное внимание следует уделить месту специфических для данных преступлений признаков состава преступления в его структуре. При этом следует избегать придания давно разработанным в теории уголовного права институтам не свойственных им функций.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анин Б. Защита компьютерной информации. — СПб. : БХВ Петербург, 2000. — 384 с.
2. Белевская Ю. А. Информация как объект правового регулирования конституционных прав человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. — 2007. — № 12. — С. 15—17.
3. Бикмурзин М. П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. — М. : Юрлитинформ, 2006. — 184 с.
4. Букалерева Л. А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления: законотворческие и правоприменительные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2007. — 66 с.
5. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. — М. : Наука, 1983. — 344 с.

6. Гребеньков А. А. Преступность в сфере высоких технологий: исторический аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. — Серия «История и право». — 2012. — № 1—1. — С. 184—188.
7. Гришкин И. И. Понятие информации : логико-методологический аспект. — М. : Наука, 1973. — 232 с.
8. Демьянец М. В., Елин В. М., Жарова А. К. Предпринимательская деятельность в сети Интернет : монография. — М. : Юркомпани, 2014. — 440 с.
9. Епихин А. Ю. Уголовно-правовые аспекты дополнения уголовного закона специальными видами мошенничества // Современное право. — 2013. — № 10. — С. 134—137.
10. Ефремова М. А. Мошенничество с использованием электронной информации // Информационное право. — 2013. — № 4. — С. 19—21.
11. Заморин А. П., Марков А. С. Толковый словарь по вычислительной технике и программированию: основные термины. — М. : Русский язык, 1988. — 224 с.
12. Князьков А. С. Криминалистическая характеристика преступления в контексте его способа и механизма // Вестник Томского государственного университета. — Серия «Право». — 2011. — № 1. — С. 51—64.
13. Колоколов Н. А. Преступления против собственности: комментируем новеллы УК РФ // Мировой судья. — 2013. — № 1. — С. 6—15.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Т. К. Агузаров, А. А. Ашин, П. В. Головненков [и др.] ; под ред. А. И. Чучаева. — М. : Контракт, 2013. — 672 с.
15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г. Н. Борзенков, А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. — 13-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2013. — 1069 с.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. — 2-е изд. — М. : Проспект, 2015. — Т. 1. — 792 с.
17. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / Н. И. Ветров, М. М. Дайшутов, Г. В. Дашков [и др.] ; под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юриспруденция, 2013. — 912 с.
18. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. — М. : Академия МВД СССР, 1980. — 250 с.
19. Крылов В. В. Основы криминологической теории расследования преступлений в сфере информации. — М. : МГУ, 1998. — 50 с.
20. Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. — М. : Спарк, 2002. — 1040 с.
21. Лопатина Т. М. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006. — 418 с.
22. Мешков В. М., Григорьев А. Н., Проценко Н. Ю. Компьютерные преступления и защита компьютерной информации. — Калининград, 2003. — 120 с.
23. Минин А. Я. Кибербезопасность и защита информационных систем // Право и кибербезопасность. — 2013. — № 2. — С. 28—35.
24. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2008. — Т. 2 : Преступления против личности. — 682 с.
25. Рассолов М. М. Управление, информация, право. — М. : Мысль, 1983. — 157 с.
26. Суслопаров А. В. Информационные преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Красноярск, 2008. — 24 с.
27. Турышев А. А. Информация как признак составов преступлений в сфере экономической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2006. — 19 с.
28. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / С. А. Балеев, Л. Л. Кругликов, А. П. Кузнецов [и др.] ; под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. — М. : Статут, 2012. — 943 с.
29. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / В. А. Блинников, А. В. Бриллиантов, О. А. Вагин [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2015. — 1184 с.

30. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / Н. Н. Белокобыльский, Г. И. Богуш, Г. Н. Борзенков [и др.] ; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. — М. : Статут, 2012. — 879 с.
31. Устьяев Л. Г. Уголовная ответственность за коррупционные информационные преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Тамбов, 2010. — 32 с.
32. Чекунов И. Г. Понятие и отличительные особенности киберпреступности // Российский следователь. — 2014. — № 18. — С. 53—56.
33. Числин В. П. Информация как объект уголовно-правовой защиты. — М. : Макс Пресс, 2004. — 27 с.
34. Энциклопедия уголовного права. — СПб. : Издание профессора Малинина, 2005. — Т. 4 : Состав преступления. — 798 с.

Материал поступил в редакцию 2 марта 2017 г.

THE CONCEPT OF COMPUTER CRIMES, PLACE IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA AND THE PLACE OF INFORMATION FEATURES IN THE STRUCTURE OF THE ELEMENTS³¹

GREBENKOV Aleksander Aleksandrovich — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law Department, Southwest State University
grebenkov@gmail.com
305040, Russia, Kursk, ul. 50 let Oktyabrya, d. 94

Abstract. *The article considers topical issues of fighting a new form of crime — cybercrime. This category of crime is relatively new to the criminal legislation of Russia, which is due to the fact that in the last decade, with the rapid development of information technologies there has appeared a new form of socially dangerous acts related to trafficking information, and even the long-known criminal acts (e.g. fraud) have undergone a significant transformation.*

The author considers some of the previously proposed definitions of cybercrime, identifies their strengths and weaknesses. The conclusion is that the separation of information crimes should not connect directly with the presence in their elements of features related to information, but due to the fact that their mechanism involves the use of information technologies and (or) information and telecommunication networks. These crimes are high-tech in nature, which leads to significant specific features of criminological and forensic investigation techniques. The following main groups of information crimes have been outlined: specific information crimes, crimes of general criminal nature where the application of information technologies significantly facilitates the commission of criminal acts or the concealment of its traces, provides for a systematic and widespread commission of criminal acts and also crimes of general criminal nature, where the use of such technologies has no significant impact on the criminal outcome. The author points out the place where each of these categories can be found in the criminal law.

In addition, the author investigates the question of the place of information features in the structure of an offense, following the examples of defamation, computer fraud and unlawful access to computer information. It is concluded that there is some undesirability of dealing with information as the subject of crime with regard to its intangible character; alternatives for referring the information to other elements of the crime are suggested.

Keywords: *computer crime, information technology, defamation, computer fraud, illegal access to computer information, the subject of crime.*

³¹ The work is carried out under the grant of the President of Russia MK-6433.2016.6.

REFERENCES

1. Anin B. Zashchita komp'yuternoi informatsii [Protection of computer information]. 2000. St. Petersburg: BHV Petersburg. 384 p.
2. Belevskaia Yu. A. Informatsiia kak ob'ekt pravovogo regulirovaniia konstitutsionnykh prav cheloveka i grazhdanina [Information as object of legal regulation of the constitutional rights of a man and citizen]. Konstitutsionnoe i munitsipal'noe parvo [Constitutional and municipal law]. 2007. No. 12. P. 15—17.
3. Bikmurzin M. P. Predmet prestupleniia: teoretiko-pravovoi analiz [Subject of the offense: theoretical legal analysis]. 2006. Moscow: LurLITinform. 184 p.
4. Bukaleroval L. A. Informatsionnye prestupleniia v sfere gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia: zakonotvorcheskie i pravoprimeritel'nye problem. Avtoref. dis. ... dokt. iurid. nauk [Computer crime in the sphere of state and municipal management: legislative and law-enforcement problems. Abstract of the Doctoral Degree Thesis]. 2007. Moscow. 66 p.
5. Viner N. Kibernetika, ili Upravlenie i sviaz' v zhivotnom i mashine [Cybernetics, or Control and communication in the animal and the machine]. 1983. Moscow: Nauka. 344 p.
6. Greben'kov A. A. Prestupnost' v sfere vysokikh tekhnologii: istoricheskii aspekt [Crime in the sphere of high technologies: the historical aspect]. Izvestiia Iugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Southwest State University]. Issue: History and the law. 2012. No. 1—1. P. 184—188.
7. Grishkin I. I. Poniatie informatsii: logiko-metodologicheskii aspekt [The concept of information: the logical and methodological aspect]. 1973. Moscow: Nauka. 232 p.
8. Dem'ianets M. V., Elin V. M., Zharova A. K. Predprinimatel'skaia deiatel'nost' v seti Internet: monografiia [Business activities on the Internet: monograph]. 2014. Moscow: Iurkompani. 440 p.
9. Epikhin A. Iu. Ugolovno-pravovye aspekty dopolneniia ugolovnogo zakona spetsial'nymi vidami moshennichestva [Criminal aspects of the criminal law supplement with special types of fraud]. Sovremennoe pravo [Modern law]. 2013. No. 10. Pp. 134—137.
10. Efremova M. A. Moshennichestvo s ispol'zovaniem elektronnoi informatsii [Fraud using electronic information]. Informatsionnoe parvo [Information law]. 2013. No. 4. P. 19—21.
11. Zamorin A. P., Markov A. S. Tolkovyi slovar' po vychislitel'noi tekhnike i programmirovaniuu. Osnovnye terminy [Dictionary of computer science. Key terms]. 1988. Moscow: Russkii lazyk. 224 p.
12. Kniaz'kov A. S. Kriminalisticheskaiia kharakteristika prestupleniia v kontekste ego sposoba i mekhanizma [Criminological characteristics of crime in the context of its method and mechanism]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Tomsk State University Journal. Law]. 2011. No. 1. P. 51—64.
13. Kolokolov N. A. Prestupleniia protiv sobstvennosti: kommentiruem novelty UK RF [Crimes against property: commentaries to novellas of the criminal code]. Mirovoi sud'ia [Magistrate Judge]. 2013. No. 1. P. 6—15.
14. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi) [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)]. Aguzarov T. K., Ashin A. A., Golovenkov P. V., et al. in Chuchayev A. I. (ed.) amended., suppl., rev. 2013. Moscow: Kontrakt. 672 p.
15. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi) [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)]. Borzenkov G. N., Brilliantov V. A., Galakhova A. V., et al. in Lebedev V. M. (ed.). 13th ed., rev. and suppl. 2013. Moscow: Iurait. 1069 p.
16. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: v dvukh chastiakh (postateinyi) [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 2 vol. (article-by-article)]. Brilliantov V. A., Dolzhenkova G. D., Zhevlakov E. N., et. al. in Brilliantov V. A. (ed.) 2nd edition. 2015. Moscow: Prospect. Vol. 1. 792 p.
17. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii: nauchno-prakticheskii (postateinyi) [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and practical (article-by-article)]. Vetrov N. I., Daishutov M. M., Dashkov G. V. et al. in D'iakov S. V., Kadnikov N. G. (eds.). 2nd edition. Rev. and suppl. 2013. Moscow: Iurisprudentsiia. 912 p.
18. Korzhanskii N. I. Ob'ekt i predmet ugolovno-pravovoi okhrany [The object and subject of criminal legal protection]. 1980. Moscow: Acad. MVD USSR. 250 p.
19. Krylov V. V. Osnovy kriminologicheskoi teorii rassledovaniia prestuplenii v sfere informatsii [The basics of criminological theory to the investigation of crimes in the sphere of information]. 1998. Moscow: MSU. 50 p.
20. Kurs rossiiskogo ugolovnogo prava. Osobennaia chast' [The course on Russian criminal law. Special part]. Kudriavtsev, A. V. Naumov (eds.). 2002. Moscow: Spark. 1040 p.

21. *Lopatina T. M.* Kriminologicheskie i ugovolno-pravovye osnovy protivodeistviia komp'yuternoï prestupnosti: Dis. ... d-ra iurid. Nauk [Criminological and criminal legal framework for combating computer crime: Doctoral Degree Thesis]. 2006. Moscow. 418 p.
22. *Meshkov V. M., Grigor'ev A. N., Protsenko N. Iu.* Komp'yuternye prestupleniia i zashchita komp'yuternoï informatsii [Computer crime and computer security]. 2003. Kaliningrad. 120 p.
23. *Minin A. Ia.* Kiberbezopasnost' i zashchita informatsionnykh sistem [Cybersecurity and protection of information systems]. Pravo i kiberbezopasnost'. [Law and cybersecurity]. 2013. No. 2. P. 28—35.
24. Polnyi kurs ugovolnogo prava: v 5 tomakh [Complete course on criminal law: in 5 volumes]. Tom 2: Prestupleniia protiv lichnosti [Vol. II: Crimes against the person]. Korobeev A. I. (ed.). 2008. St. Petersburg: Legal center Press. 682 p.
25. *Rassolov M. M.* Upravlenie, informatsiia, parvo [Management, information, law]. 1983. Moscow: Mysl'. 157 p.
26. *Susloparov A. V.* Informatsionnye prestupleniia. Avtoref. diss. ... kand. iurid. nauk [Information crimes. Abstract of the PhD Thesis]. 2008. Krasnoyarsk. 24 p.
27. *Turyshchov A. A.* Informatsiia kak priznak sostavov prestuplenii v sfere ekonomicheskoi deiatel'nosti. Avtoref. diss. ... kand. iurid. nauk [Information as a sign of crimes in the sphere of economic activity. Abstract of the PhD Thesis]. 2006. Omsk. 19 p.
28. Ugovolnoe pravo Rossii. Osobennaia chast': uchebnik [Criminal law of Russia. Special part: textbook]. Balaev S. A., Kruglikov L. L., Kuznetsov A. P. et al. in Sundurov F. R., Talan M. V. (eds.). 2012. Moscow: Statut. 943 p.
29. Ugovolnoe pravo Rossii. Chasti obshchaia i osobennaia: uchebnik [Criminal law of Russia. General and Special Parts: textbook]. Blinnikov V. A., Brilliantov A.V., Vagin O.A. et al. in Brilliantov A.V. (ed.). 2nd edition. Rev. and suppl. 2015. Moscow: Prospect. 1184 p.
30. Ugovolnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaia chast': uchebnik dlia vuzov [Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook for high schools]. Belokobylskii N. N., Bogush G.I., Borzenkov G. N., et al. in Komissarov V. S., Krylova N. E., Tiazhkova I. M. (eds.). 2012. Moscow: Statut. 879 p.
31. *Ust'ev L. G.* Ugolovnaia otvetstvennost' za korruptsionnye informatsionnye prestupleniia. Avtoref. diss. ... kand. iurid. Nauk [Criminal responsibility for corruption information crimes. Abstract of the PhD Thesis]. 2010. Tambov. 32 p.
32. *Chekunov I. G.* Poniatie i otlichitel'nye osobennosti kiberprestupnosti [The concept and distinguishing features of cybercrime]. Rossiiskii sledovatel' [Russian investigator]. 2014. No. 18. P. 53—56.
33. *Chislin V. P.* Informatsiia kak ob'ekt ugovolno-pravovoi zashchity [Information as an object of criminal legal protection]. 2004. Moscow: Maks Press. 27 p.
34. Entsiklopediia ugovolnogo prava. T. 4. Sostav prestupleniia [Encyclopedia of criminal law. Vol. 4. Elements of the crime]. 2005. St. Petersburg: Izdanie professora Malinina. 798 p.

Е. К. Волконская*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ, СВЯЗАННОЙ С КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИИ

Аннотация. В Российской Федерации в настоящее время особое внимание уделяется противодействию коррупции и, в частности, повышению уровня ответственности за коррупционные преступления и совершенствованию правоприменительной практики в указанной области (п. 46 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683). В связи с этим актуальность и практическую значимость представляет оценка результатов предпринимаемых мер борьбы и изменения под их воздействием криминальной ситуации в области коррупционной преступности.

Автором проанализировано и проиллюстрировано примерами судебной-следственной практики содержание перечня № 23 преступлений коррупционной направленности, утвержденного указанием Генпрокуратуры России № 65/11, МВД России № 1 от 01.02.2016. Охарактеризовано значение верного (юридически грамотного) понимания всеми должностными лицами органов государственной власти и местного самоуправления, а также гражданами круга коррупционных преступлений как совокупности противоправных деяний, не ограничиваемых лишь фактами взяточничества (ст. 290—291.1 УК РФ) в свете реализации актуальных направлений Национального плана противодействия коррупции на 2016—2017 гг., утвержденного Указом Президента РФ от 01.04.2016 № 147.

На основе изучения официальных статистических данных о состоянии коррупционной преступности и отдельных видов коррупционных преступлений, а также об осужденных в 2012—2015 гг. (а по ст. 290, 291 УК РФ — за 2001—2015 гг.) в России автором выявлены существенные изменения криминальной ситуации, связанной с коррупционной преступностью, на современном этапе: устойчивое снижение удельного веса преступлений коррупционной направленности в структуре общей преступности: с 2,15 % в 2012 г. до 1,36 % в 2015 г.; устойчивое и стремительное увеличение в структуре коррупционной преступности удельного веса взяточничества (ст. 290—291.1 УК РФ) (+109,3 %): с 20,5 % в 2012 г. до 42,9 % в 2015 г.; превышение впервые в 2015 г. (за последние 15 лет) количества зарегистрированных фактов дачи взятки над количеством зарегистрированных фактов получения взятки; на фоне ежегодного снижения количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности (– 34,5 %) наблюдается устойчивый рост количества осужденных за коррупционные преступления (+ 91,2 %).

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, статистика, преступление коррупционной направленности, коррупционная преступность, противодействие коррупции, дача взятки, получение взятки, тенденции, криминологические показатели.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.121-135

© Волконская Е. К., 2018

* Волконская Екатерина Константиновна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
ekaterina.volkonskaya2017@yandex.ru
117437, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации (далее — Стратегия)¹ коррупция названа «препятствием устойчивому развитию Российской Федерации и реализации стратегических национальных приоритетов». В связи с этим Президентом России особое внимание уделено «искоренению причин и условий, порождающих коррупцию», для чего «реализуются Национальная стратегия противодействия коррупции и национальные планы противодействия коррупции, в обществе формируется атмосфера неприемлемости данного явления, повышается уровень ответственности за коррупционные преступления, совершенствуется правоприменительная практика в указанной области» (п. 46 Стратегии).

Прежде чем рассмотреть статистические данные, характеризующие результаты противодействия коррупционным преступлениям, следует определить круг деяний, которые составляют данную группу преступлений. Нередко представители различных областей знаний (в том числе юридической) при ведении актуальных сегодня дискуссий на тему противодействия коррупции неверно трактуют, какие преступные деяния являются коррупционными (соответственно, формулируются малоэффективные меры противодействия коррупции). Чаще всего это проявляется в ограничении круга преступных проявлений коррупции только составами преступлений, охватываемыми понятием «взяточничество» (ст. 290 «Получение взятки», ст. 291 «Дача взятки» и ст. 291.1. «Пособничество во взяточничестве» Уголовного кодекса РФ). По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2015 г. в России преступления, предусмотренные ст. 290—291.1 УК РФ (взяточничество), составили 42,9 % от зарегистрированных преступлений коррупционной направленности (13 938 и 32 455 преступлений соответственно)², т.е. меньше половины зарегистрированных преступлений коррупционной направленности.

Проблема такого зауженного понимания круга противоправных деяний, составляющих преступления коррупционной направленности (наиболее общественно опасная форма про-

явления коррупции), состоит не столько в свидетельстве юридической неграмотности части должностных лиц и общественных деятелей, сколько в том, что это влечет ошибки в разрабатываемых ими мерах по основным направлениям реализации Стратегии, серьезную недооценку общественной опасности коррупции и сложности противодействия ей.

Во-первых, зауженное понимание совокупности коррупционных преступлений может снизить эффективность законотворческой деятельности в данной сфере, а также принимаемых антикоррупционных программ и планов по противодействию коррупции. В свою очередь, значение грамотной реализации данных направлений растет. Так, Национальным планом противодействия коррупции на 2016—2017 гг. (далее — План)³ рекомендовано высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и руководителям органов местного самоуправления обеспечить внесение в региональные антикоррупционные программы и антикоррупционные программы (планы по противодействию коррупции) органов государственной власти субъектов РФ, а также органов местного самоуправления, в которых такие планы имеются, изменений, направленных на достижение конкретных результатов в работе по предупреждению коррупции, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений, а также контроль за выполнением мероприятий, предусмотренных этими программами (планами) (п. 10 Плана).

Во-вторых, неверное понимание круга составов коррупционных преступлений может отразиться на эффективности создаваемой медиапродукции антикоррупционного просвещения. Данное направление актуально в связи с конкретной рекомендацией Плана заинтересованным общественным организациям «обеспечить создание художественных и документальных фильмов, радио- и телевизионных программ, интернет-роликов, иной медиапродукции, способствующих формированию в обществе активного неприятия всех форм коррупции, по-

¹ См.: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.06.2016).

² См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2015 года : сборник // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 09.06.2016).

³ Указ Президента РФ от 01.04.2016 № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016—2017 годы» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.06.2016).

вышению престижа государственной службы, а также пропагандирующих соблюдение всеми членами общества требований антикоррупционных стандартов» (пп. «б» п. 22 Плана).

В-третьих, под воздействием неэффективно реализуемых двух указанных выше направлений у населения формируются юридически неграмотная оценка деяний, которые в действительности являются преступными проявлениями коррупции, непонимание государственной политики в области противодействия коррупции, а отсюда — нежелание содействовать ее реализации. Значение учета общественного мнения в реализации антикоррупционной политики можно продемонстрировать следующим указанным в Планах предписанием Правительству РФ: «Продолжить работу по подготовке с участием экспертного, научного сообщества и институтов гражданского общества предложений о совершенствовании этических основ государственной и муниципальной службы в части, касающейся соблюдения государственными и муниципальными служащими запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции, а также об обеспечении повседневного контроля за соблюдением этических норм и правил» (пп. «д» п. 1 Плана).

Таким образом, неграмотное толкование круга противоправных деяний, образующих преступления коррупционной направленности (сужение лишь до фактов взяточничества), влечет низкую эффективность мер противодействия коррупции: государственным воздействием, с одной стороны, и поддержкой гражданского общества — с другой. Но противодействие именно такому, взаимовыгодному для обеих сторон коррупционных отношений явлению, как коррупция, требует сознательных усилий как от должностных лиц государственных органов и местного самоуправления, так и от граждан.

В основе понимания категории «коррупционные преступления» лежит значение термина «коррупция». Определение коррупции

закреплено в п. 1 ч. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 15.02.2016) и состоит в следующем: «а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица».

На основе данного определения Генеральной прокуратурой РФ совместно с МВД России разработано определение преступлений коррупционной направленности⁴. Так, п. 1 Перечня № 23 преступлений коррупционной направленности (далее — Перечень)⁵ установлено, что «к преступлениям коррупционной направленности относятся противоправные деяния, имеющие все перечисленные ниже признаки:

- наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ;
- связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;
- обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им

⁴ Группа деяний «преступления коррупционной направленности» определена во исполнение п. 1.3 постановления Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации от 06.10.2009 № 1 «О состоянии работы и первоочередных мерах по усилению борьбы с коррупцией в свете реализации Национального плана противодействия коррупции», утвержденного 31.07.2008 Президентом РФ.

⁵ Указание Генпрокуратуры России № 65/11, МВД России № 1 от 01.02.2016 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.06.2016). (Далее — Указание.)

имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);

— совершение преступления только с прямым умыслом».

Кроме того, в Перечне указаны составы преступлений, которые без дополнительных условий являются коррупционными. Это преступления, предусмотренные ст. 141.1, 184, п. «б» ч. 3 ст. 188, ст. 204, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст. 289—291.1 УК РФ. Ряд преступлений относятся к преступлениям коррупционной направленности при наличии указанных выше признаков. Актуально привести несколько примеров таких коррупционных преступлений, причем совершенных представителями государственной власти и местного самоуправления⁶ (так как нередко хищения бюджетных средств, совершенные должностными лицами, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, не рассматриваются как преступления коррупционной направленности, хотя таковыми являются):

1) мошенничество. Согласно Указанию преступления, предусмотренные ч. 3 и 4 ст. 159 УК РФ, относятся к Перечню при наличии в статистической карточке отметок о коррупционной направленности преступления, о совершении преступления должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации (далее — Должностным лицом), с использованием своего служебного положения.

Так, бывший глава Шуйского сельского поселения Прионежского муниципального района Качалкина признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, лицом с использованием своего служебного положения, в крупном размере) и ч. 1 ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств по гражданскому делу представителем лица, участвующего в деле)⁷. В данном случае мошенничество является коррупционным преступлением, поскольку совершено должностным лицом с использованием своего служебного положения. Следует отме-

тить, что и преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 303 УК РФ, в данном случае также является преступлением коррупционной направленности, поскольку совершено должностным лицом и, как видно из обстоятельств дела, с корыстным мотивом (согласно Указанию наличие в статистической карточке отметки о совершении преступления Должностным лицом и с корыстным мотивом является дополнительным условием для отнесения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ, к преступлениям коррупционной направленности). Следствием и судом установлено, что в 2013 г. Качалкина и трое подельников, действуя группой лиц по предварительному сговору, с использованием Качалкиной своего служебного положения, путем обмана завладели четырьмя земельными участками. Для этого обвиняемая, которая являлась главой Шуйского сельского поселения, фальсифицировала похозяйственные книги и изготавливала подложные выписки, которые стали основанием для оформления обвиняемыми в собственность земельных участков площадью от 600 кв. м до 2 305 кв. м., в связи с чем Прионежскому району причинен ущерб на сумму около 2 млн руб.;

2) присвоение. Согласно Указанию преступления, предусмотренные ч. 3 и 4 ст. 160 УК РФ, относятся к Перечню при наличии в статистической карточке отметок о коррупционной направленности преступления, о совершении преступления Должностным лицом, с использованием своего служебного положения. Так, Следственными органами Следственного комитета РФ по Республике Карелия завершено расследование уголовного дела в отношении бывшего директора муниципального унитарного предприятия Олонецкого района «Районный расчетный центр», обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ (присвоение, т.е. хищение чужого имущества, вверенного виновному, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере)⁸. В данном случае присвоение является преступлением коррупционной направленности, поскольку совершено должностным лицом с ис-

⁶ См. пп. «з» п. 9 Плана предписано каждый случай несоблюдения требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов предавать гласности.

⁷ Сайт Следственного комитета РФ : Новости : 26.05.2016. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1042314/> (дата обращения: 09.06.2016).

⁸ Сайт Следственного комитета РФ : Новости : 06.04.2016. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1028190/> (дата обращения: 09.06.2016).

пользованием своего служебного положения. По версии следствия, с января 2014 по октябрь 2015 г. обвиняемая, используя свое служебное положение и обладая организационно-распорядительными функциями, получала от подчиненных, которые занимались приемом платежей от населения, денежные средства, которые должна была внести в банк для зачисления на счет предприятия. Вместо этого обвиняемая разделяла полученные суммы и часть денежных средств вносила на счет предприятия, а часть присваивала себе. В результате она похитила более 1 млн 632 тыс. руб. Обвиняемая причинила предприятию материальный ущерб в особо крупном размере;

3) растрата. Согласно Указанию преступления, предусмотренные ч. 3 и 4 ст. 160 УК РФ, относятся к Перечню при наличии в статистической карточке отметок о коррупционной направленности преступления, о совершении преступления Должностным лицом, с использованием своего служебного положения. Так, управлением по расследованию особо важных дел Следственного комитета РФ в 2016 г. направлено в суд уголовное дело в отношении бывшего начальника ФГУП «ГУСС «Дальспецстрой» при Спецстрое России» Юрия Хризмана, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 285, ч. 4 ст. 160 УК РФ (всего по делу четыре фигуранта)⁹. В данном случае растрата является преступлением коррупционной направленности, поскольку совершена должностным лицом с использованием своего служебного положения. Кроме того, вменяемое Хризману злоупотребление должностными полномочиями также является коррупционным преступлением, поскольку, как видно из обстоятельств дела, оно было совершено с корыстным мотивом (согласно Указанию наличие в статистической карточке отметки о совершении преступления с корыстным мотивом является дополнительным условием для отнесения преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 285 УК РФ, к преступлениям коррупционной направленности). По версии следствия обвиняемые — бывший начальник ФГУП «ГУСС «Дальспецстрой» при Спецстрое России» Хризман и главный бухгалтер предприятия Ашихмин злоупотребили должностными полномочиями при использовании авансов по 11 государственным контрактам на цели, не

связанные со строительством объектов космодрома «Восточный», что повлекло причинение ущерба Российской Федерации в размере 5,2 млрд руб. Кроме того, Хризман, его сын Хризман и бывший Председатель Законодательной Думы Хабаровского края Чудов похитили денежные средства унитарного предприятия в сумме 105,9 млн руб. путем растраты при закупке строительных материалов и автомобильных шин для нужд предприятия по явно завышенным ценам через подконтрольные им коммерческие организации.

Следует отметить, что нередко совершение коррупционных преступлений, тем более в особо крупном размере, сопровождается организацией преступного сообщества (преступной организации) или участием в нем (ней), совершенных лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 210 УК РФ). В таких случаях преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 210 УК РФ, является преступлением коррупционной направленности, поскольку основное преступление является коррупционным (в статистической карточке основного преступления стоит отметка о его коррупционной направленности). Так, следственными органами Главного следственного управления Следственного комитета РФ по городу Москве завершены следственные действия по уголовному делу в отношении трех бывших сотрудников столичной полиции, а также пятерых их соучастников, не являвшихся государственными служащими. В зависимости от роли каждого они обвиняются в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное в особо крупном размере), ч. 1—3 ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества с использованием своего служебного положения и участие в нем), ч. 6 ст. 290 УК РФ (получение взятки в особо крупном размере) и ч. 3 ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении). По версии следствия, в 2011 г. под руководством бывшего старшего следователя по особо важным делам 1-го отдела СЧ ГСУ ГУ МВД России по городу Москве Анжелы Амзиной было создано преступное сообщество с целью совершения нескольких тяжких и особо тяжких преступлений. В качестве участников в данное сообщество вошли следователи СЧ ГСУ ГУ МВД

⁹ Сайт Следственного комитета РФ : Новости : 05.05.2016. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1034633/> (дата обращения: 09.06.2016).

России по городу Москве Сергей Кавун и Евгений Примаков. Активная деятельность сообщества позволила фигурантам уголовного дела присвоить жилые помещения, находившиеся в собственности города Москвы, которые предназначались для предоставления гражданам, пострадавшим от действий недобросовестного застройщика ЗАО «Энергостройкомплект-М». Следствием установлено, что соучастниками похищено 44 квартиры в городе Москве на общую сумму не менее 199 млн руб.¹⁰

Переходя к анализу статистических показателей результатов противодействия коррупционным преступлениям, следует отметить, что Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности впервые был закреплен в Указании Генпрокуратуры РФ № 187/86, МВД России № 2 от 30.04.2010¹¹, а отнесен к числу используемых при формировании статистических форм отчетности и введен в действие с 01.01.2011 Указанием Генпрокуратуры РФ № 450/85, МВД России № 3 от 28.12.2010¹². Статистические данные по категории «преступления коррупционной направленности»

опубликованы на сайтах Генпрокуратуры РФ (начиная с 2013 г.) и МВД России (с 2012 г.). В данной статье динамика преступлений коррупционной направленности рассмотрена за период 2012—2015 гг. Статистические данные об отдельных видах преступлений коррупционной направленности проанализированы и за более ранний период.

Динамика зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в России в 2012—2015 гг. характеризуется устойчивым снижением: с 49 513 коррупционных преступлений в 2012 г. до 32 037 в 2015 г. (–35,3 %) (табл. 1). Причем уменьшение количества зарегистрированных преступлений данной категории не связано с общим снижением зарегистрированных преступлений в стране в 2012—2014 гг. Темпы снижения преступлений коррупционной направленности за 2012—2014 гг. в семь раз выше темпов снижения всех зарегистрированных преступлений в стране (–35,2 % и –5,9 %, соответственно) (рис. 1). О не зависящем от общей динамики преступности снижении преступлений коррупционной

Таблица 1

Динамика преступлений коррупционной направленности в Российской Федерации в 2012—2015 гг.¹³

ПОКАЗАТЕЛЬ	ГОД			
	2012	2013	2014 (без КФО*)	2015 (без КФО)
Количество преступлений коррупционной направленности	49 513	42 506 (–14,2 %)**	32 060 (–24,6 %)	32 037 (–0,1 %)
Удельный вес в структуре общей преступности, %	2,15	1,93	1,48	1,36
Раскрываемость, %	96,3	96,5	96,2	97,0

* Статистические данные приведены без учета Крымского федерального округа (КФО), так как анализ динамики произведен автором в абсолютных величинах, и необходимо использовать объекты сравнения одинакового объема (состав Российской Федерации).

** Темпы прироста (снижения) к прошлому году.

¹⁰ Сайт Следственного комитета РФ : Новости : 13.05.2016. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1038905/> (дата обращения: 09.06.2016).

¹¹ Указание Генпрокуратуры РФ № 187/86, МВД РФ № 2 от 30.04.2010 «О внесении изменений в Перечни статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемые при формировании статистической отчетности» (утратило силу) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.06.2016).

¹² Указание Генпрокуратуры РФ № 450/85, МВД РФ № 3 от 28.12.2010 «О введении в действие Перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (утратило силу) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.06.2016).

¹³ Сайт МВД России : статистика и аналитика : состояние преступности. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 19.06.2016).

Рис. 1. Динамика зарегистрированных преступлений коррупционной направленности на фоне динамики всех зарегистрированных преступлений в Российской Федерации в 2012—2015 гг.

направленности также свидетельствует динамика удельного веса преступлений коррупционной направленности в структуре общей преступности: с 2,15 % в 2012 г. до 1,36 % в 2015 г. (см. табл. 1).

Коэффициент раскрываемости преступлений коррупционной направленности находится в обратной корреляционной зависимости от числа зарегистрированных преступлений данной категории (см. табл. 1). В 2012—2015 гг. на фоне снижения количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности зафиксирован рост коэффициента их раскрываемости: с 96,3 % в 2012 г. до 97,0 % в 2015 г. Это отражает ранее выявленную закономерность официальной статистической отчетности о состоянии преступности и результатах борьбы с ней, согласно которой снижение количества регистрируемых преступлений влечет рост коэффициента их раскрываемости¹⁴.

Анализ статистических данных о количестве зарегистрированных коррупционных преступлений с учетом Крымского федерального округа (далее — КФО) показал, что существенных изменений в статистическую картину распространенности коррупционной преступ-

ности в стране он не внес. В 2014 г. состояние коррупционной преступности в КФО было немного благоприятнее, чем в целом по стране, и его учет при определении доли коррупционной преступности в России повлиял на снижение общероссийского значения с 1,48 % (без КФО) до 1,47 % (с КФО). В 2015 г. удельный вес зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в структуре преступности страны с учетом и без учета КФО равны — 1,36 %. Это связано с небольшим (и даже наименьшим), по сравнению с остальными федеральными округами, удельным весом преступлений коррупционной направленности, зарегистрированных в КФО, от общего количества зарегистрированных коррупционных преступлений в стране — 1,5 % (рис. 2).

По видам преступлений структура зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в 2015 г. в России (здесь и далее — с учетом КФО) представлена следующим образом: 21,0 % — дача взятки (6 816 преступлений), 20,0 % (6 495) — получение взятки, 5,6 % (1 802) — коммерческий подкуп, 1,9 % (627) — пособничество во взяточничестве, 51,5 % (16 715) — остальные (в основном пре-

¹⁴ Волконская Е. К. Закономерности статистических показателей современной криминальной ситуации в России и их соотношение с факторами, влияющими на преступность // Российский следователь. 2014. № 13. С. 46.

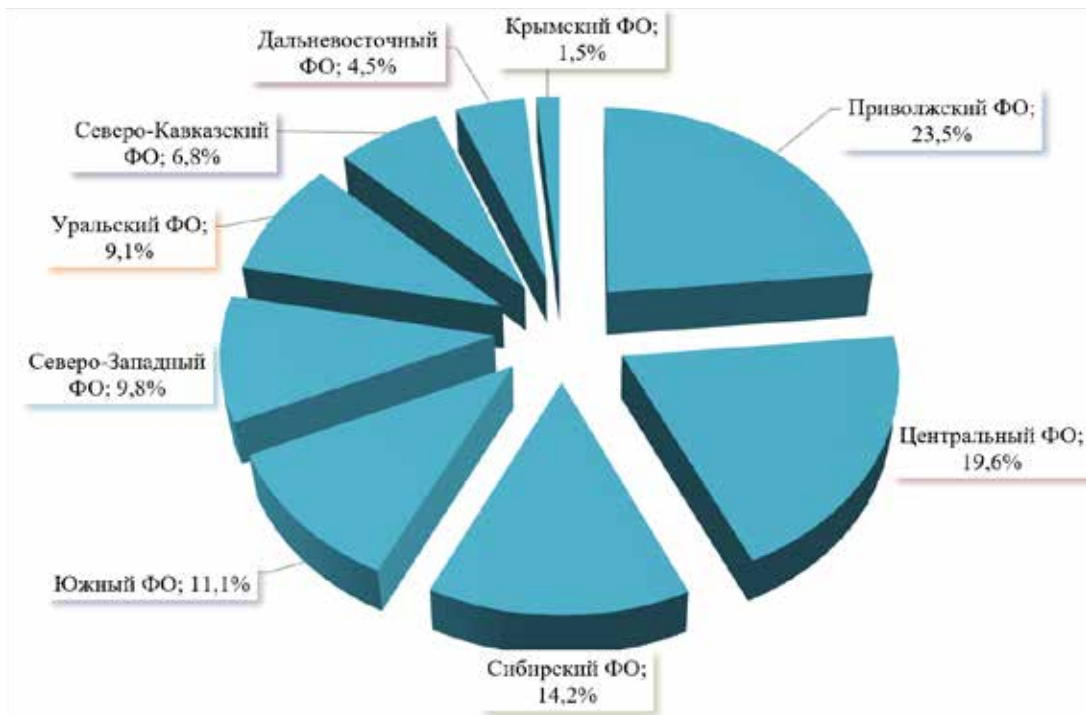

Рис. 2. Структура коррупционной преступности в Российской Федерации в 2015 г. по федеральным округам¹⁵

ступления, отнесенные к коррупционным по дополнительным условиям, а также предусмотренные ст. 141.1, ст. 184, п. «б» ч. 3 ст. 188, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст. 289 УК РФ, т.е. отнесенные к коррупционным без дополнительных условий, но они редко регистрируются).

Учитывая особое значение в рамках противодействия коррупции предупреждения взяточничества (ст. 290—291.1 УК РФ) как группы преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, рассмотрим результаты борьбы с ним подробнее (табл. 2).

Таблица 2

Динамика взяточничества (ст. 290—291.1 УК РФ) и его удельного веса в структуре преступлений коррупционной направленности в России в 2012—2015 гг.¹⁶

ПОКАЗАТЕЛЬ	ГОД			
	2012	2013	2014	2015
Количество преступлений, предусмотренных ст. 290—291.1 УК РФ	10 157	12 120	12 261	13 938
Количество преступлений коррупционной направленности	49 513	42 506	32 060	32 455
Удельный вес взяточничества в структуре преступлений коррупционной направленности, %	20,5	28,5	38,2	42,9

¹⁵ См.: Состояние преступности в России за январь — декабрь 2015 года : сборник. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 09.06.2016).

¹⁶ Статистические данные приведены с учетом КФО, поскольку анализ динамики произведен автором по относительным величинам (удельному весу), и объем объектов сравнения (состав Российской Федерации) не влияет на достоверность результатов.

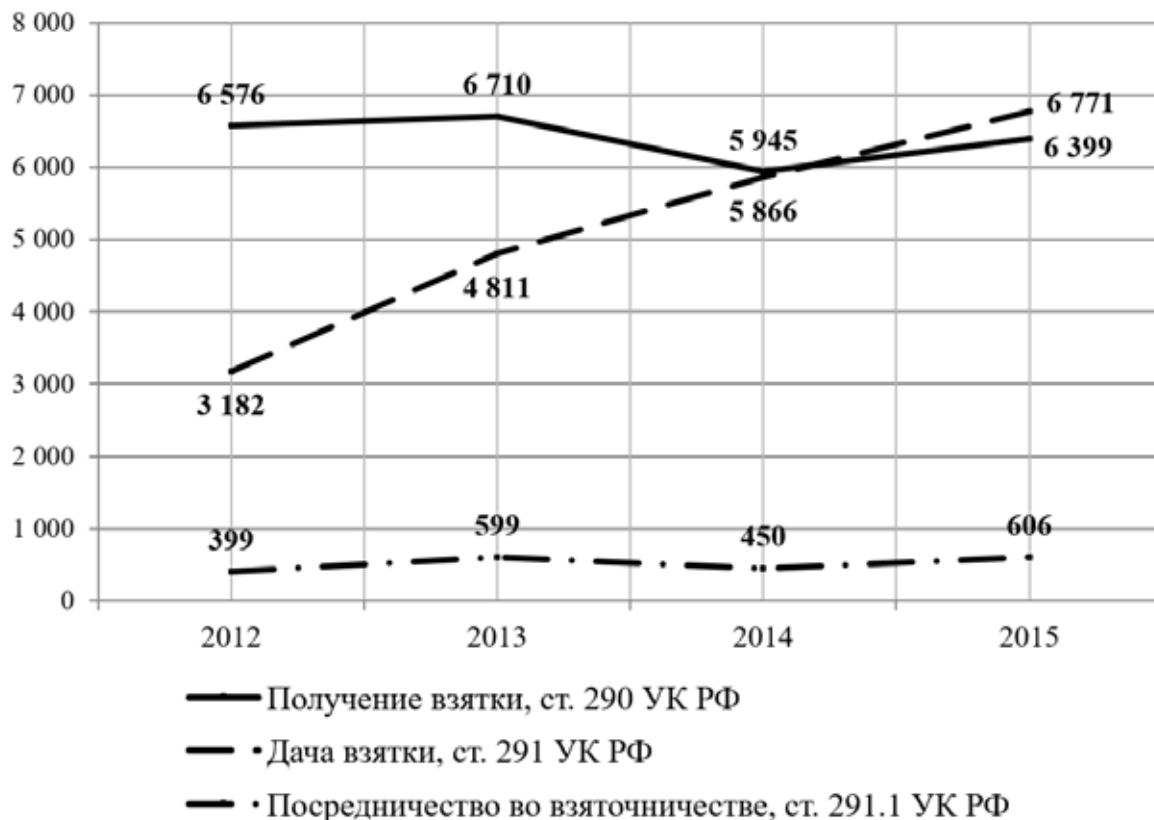

Рис. 3. Динамика зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 290—291.1 УК РФ, в Российской Федерации в 2012—2015 гг.

Как видно из данных табл. 2, в структуре зарегистрированных преступлений коррупционной направленности устойчиво и высоким темпом растет удельный вес взяточничества: с 20,5 % в 2012 г. до 42,9 % в 2015 г., т.е. в два раза (+109,3 %).

Рассмотрим динамику каждого из указанных видов преступлений: получение взятки, дача взятки и посредничество по взяточничестве (рис. 3).

Как видно из данных рис. 3, только динамика получения взятки коррелирует с общей динамикой преступлений коррупционной направленности: наблюдается тренд снижения. По остальным видам преступлений (ст. 291 и 291.1 УК РФ) прослеживается общая тенденция роста (с некоторыми колебаниями). Причем наибольшие темпы роста характерны для

дачи взятки. Количество зарегистрированных фактов дачи взятки настолько возросло, что в 2015 г. превысило количество фактов получения взятки (на 372 преступления), хотя в 2012 г., наоборот, количество фактов дачи взятки было в два раза ниже количества фактов получения взятки (3 182 и 6 576 преступлений, соответственно).

Если обратиться к динамике указанных видов преступлений за более ранний период, с 2001 г., то видно, что подобного соотношения (превышения) числа зарегистрированных фактов дачи взятки по сравнению с получением взятки за последние 15 лет не наблюдалось (рис. 4).

По данным судебной статистики, по делам коррупционной направленности¹⁷ в 2015 г. осуждено 11 746 человек, из которых по до-

¹⁷ См.: Результаты рассмотрения в 2012, 2013, 2014 и 2015 гг. уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановлениям (сведения формируются на основании данных разд. 7 формы № 10.4.1 «Отчет о результатах рассмотрения уголовных дел по отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановлениям, в том числе по преступлениям кор-

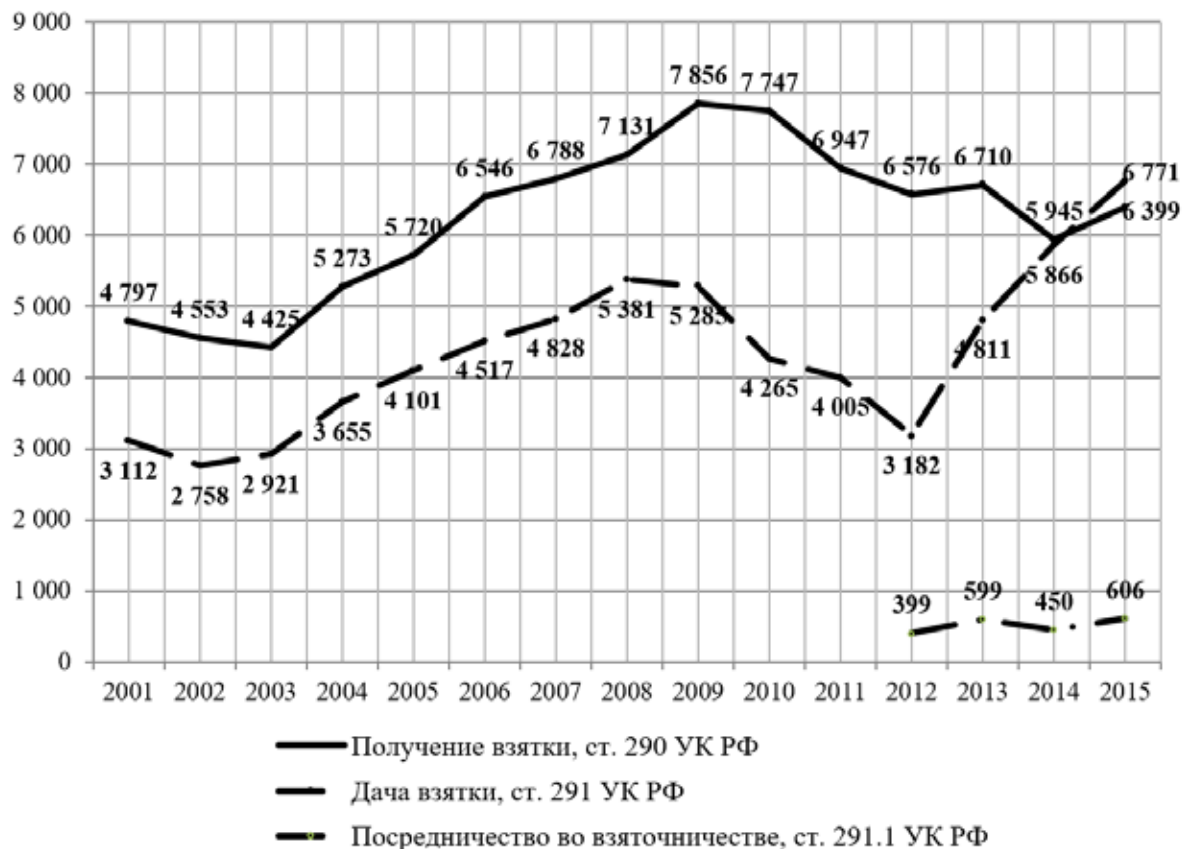

Рис. 4. Динамика зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 290—291.1¹⁸ УК РФ, в Российской Федерации в 2001—2015 гг.

полнительной квалификации по приговору осуждено 247 человек, т.е. 2,1 %. По данным за 2012 г. по основной квалификации по приговору за преступления коррупционной направленности, осуждено 6 014 человек, в 2013 г. — 8 607, в 2014 г. — 10 784. Таким образом, на протяжении 2012—2015 гг. в России наблюдается устойчивая тенденция роста количества осужденных за преступления коррупционной направленности (+91,2 %), в то время как происходит устойчивое снижение количества регистрируемых преступлений данной категории (–34,5 %) (рис. 5).

Соотношение количества осужденных за преступления коррупционной направленности к количеству зарегистрированных преступлений данной категории составило (число осужденных к преступлениям коррупционной

направленности): в 2012 г. 1 : 8,2; в 2013 г. — 1 : 4,9; в 2014 г. — 1 : 3,0; в 2015 г. — 1 : 2,8. Таким образом, количество преступлений коррупционной направленности, приходящихся на одного осужденного, за последние четыре года сократилось в три раза: с 8 преступлений на одного осужденного до 3.

По видам преступлений коррупционной направленности, которые совершены осужденными (по основной квалификации в судебном акте), структура осужденных в России в 2015 г. характеризуется следующим образом: 65,4 % (7 517 человек) — осужденные по ст. 204, 290—291.1 УК РФ; 34,58 % (3 976 человек) — осужденные по составам преступлений, относящимся к преступлениям коррупционной направленности при наличии дополнительных условий; 0,05 % (6 человек) — осужденные по

рупционной направленности» по основной квалификации в судебном акте) // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 01.06.2016).

¹⁸ Статья 291.1 УК РФ введена в Кодекс в 2011 г. в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции (см. Федеральный закон от 04.05.2011 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об

Рис. 5. Динамика осужденных за преступления коррупционной направленности на фоне динамики зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в Российской Федерации в 2012—2015 гг.

остальным составам, относящимся к перечню преступлений коррупционной направленности без дополнительных условий (из них по ст. 226.1 — 3 человека и по ст. 289 — 3 человека)¹⁹ (рис. 6).

Как видно из представленных на рис. 3 и 6 данных, в 2015 г., несмотря на превышение доли зарегистрированных фактов дачи взятки по сравнению с фактами получения взятки на 1 %, удельный вес лиц, осужденных за дачу взятки, превысил удельный вес осужденных за получение взятки на 30 %. Соответственно, в 2015 г. соотношение осужденных за получение взятки и зарегистрированных фактов получения взятки составило 1 : 3,76 (1 702 осужденных к 6 399 преступлений); соотношение осужденных за дачу взятки и зарегистрированных фактов дачи взятки составило 1 : 1,3 (5 216

осужденных к 6 771 преступлению). Таким образом, в 2015 г. каждому осужденному за получение взятки в среднем вменено 4 факта данного преступления, а каждому осужденному за дачу взятки — 1.

Анализ динамики количества осужденных за отдельные виды преступлений коррупционной направленности (по ст. 290—291.1 УК РФ) показал, что на протяжении 2012—2015 гг. произошел устойчивый рост количества осужденных, причем по большинству составов высокими темпами (рис. 7). Так, за 4 года количество осужденных по ст. 291 УК РФ увеличилось на 149,9 % (т.е. в 2,5 раза), по ст. 291.1 УК РФ — на 120,6 % (т.е. в 2,2 раза), по ст. 290 УК РФ — на 18,6 %.

Темпы роста количества осужденных за дачу взятки значительно опережают темпы роста зарегистрированных фактов дачи взятки

административных правонарушений в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» (ред. от 04.06.2014) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.06.2016)).

¹⁹ Результаты рассмотрения в 2015 г. уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановлениям (сведения формируются на основании данных разд. 7 формы № 10.4.1 «Отчет о результатах рассмотрения уголовных дел по отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановлениям, в том числе по преступлениям коррупционной направленности» по основной квалификации в судебном акте) // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150&item=3420> (дата обращения: 01.06.2016).

Рис. 6. Структура осужденных за преступления коррупционной направленности в Российской Федерации в 2015 г. (по основной квалификации в судебном акте)

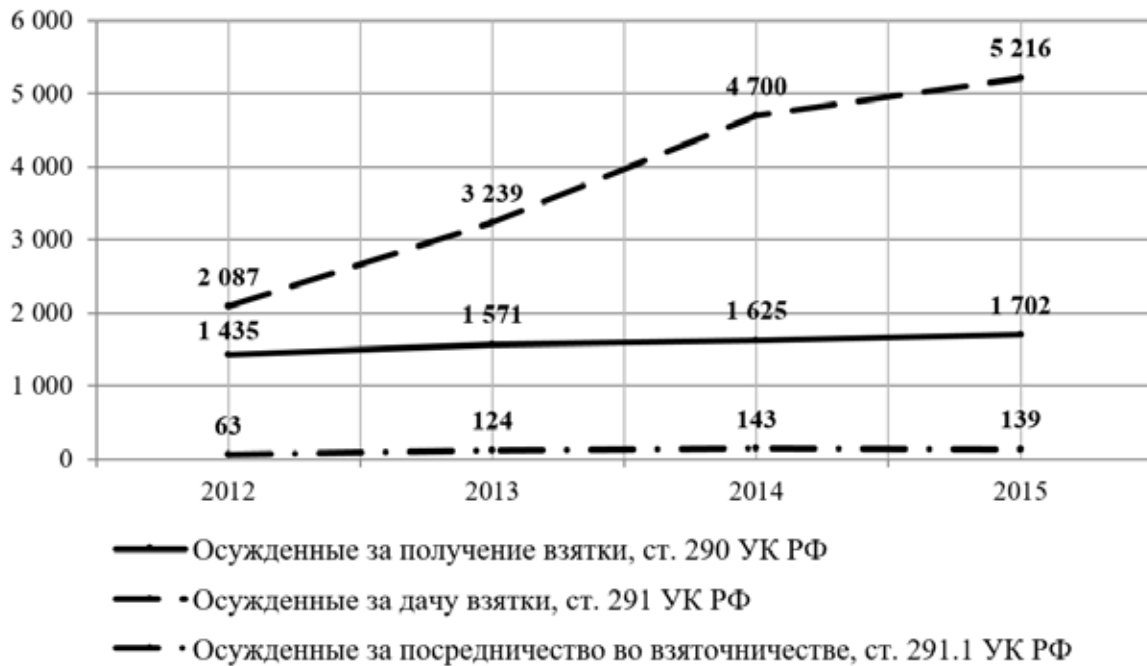

Рис. 7. Динамика осужденных за отдельные виды преступлений коррупционной направленности в России в 2012—2015 гг.

Рис. 8. Динамика осужденных за дачу взятки на фоне динамики зарегистрированных фактов дачи взятки в Российской Федерации в 2012—2015 гг.

(на 32,9 %) (рис. 8). Так, за 2012—2015 гг. темп роста количества осужденных по ст. 291 УК РФ составил 149,9 %, темп роста количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ — 112,8 %.

В заключение выделим основные тенденции криминальной ситуации, связанной с коррупционной преступностью, в России в 2012—2015 гг.:

- устойчивое и стремительное снижение количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности (–34,5 %): с 49 513 коррупционных преступлений в 2012 г. до 32 455 в 2015 г. (без учета КФО — 35,3 %);
- устойчивое снижение удельного веса преступлений коррупционной направленности в структуре общей преступности: с 2,15 % в 2012 г. до 1,36 % в 2015 г.;
- удельный вес коррупционных преступлений в структуре общей преступности в КФО аналогичен общероссийскому значению (1,36 % в 2015 г.);
- устойчивое и стремительное увеличение удельного веса взяточничества (ст. 290—

291.1 УК РФ) в структуре коррупционной преступности (+109,3 %): с 20,5 % в 2012 г. до 42,9 % в 2015 г.;

- превышение впервые в 2015 г. (за последние 15 лет) количества зарегистрированных фактов дачи взятки над количеством зарегистрированных фактов получения взятки;
- на фоне ежегодного снижения количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности (–34,5 %) устойчивый рост количества осужденных за коррупционные преступления (+91,2 %);
- сокращение в три раза количества преступлений коррупционной направленности, приходящихся на одного осужденного: с восьми преступлений в 2012 г. до трех — в 2015 г. При этом на каждого осужденного за получение взятки в среднем приходится четыре факта получения взятки, а на каждого осужденного за дачу взятки — один факт;
- темпы роста количества осужденных за дачу взятки (+149,9 %) значительно опережают темпы роста зарегистрированных фактов дачи взятки (+112,8 %).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волконская Е. К. Закономерности статистических показателей современной криминальной ситуации в России и их соотношение с факторами, влияющими на преступность // Российский следователь. — 2014. — № 13.
2. Ищук Я. Г. Закон о полиции как гарант антикоррупционного стандарта // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2013. — № 3. — С. 11—14.
3. Капралова Ю. Г. Контроль исполнительных органов государственной власти за соблюдением трудового законодательства в деятельности бюджетных учреждений // Lex Russica. — 2015. — № 1. — С. 121—129.
4. Качалов В. В. Общественная антикоррупционная экспертиза законодательства как элемент системы защиты прав граждан от коррупции // Безопасность бизнеса. — 2012. — № 3.
5. Уткин В. А., Уткина Е. В. Коррупция и информационные технологии // Безопасность бизнеса. — 2016. — № 1. — С. 45—48.

Материал поступил в редакцию 19 июня 2016 г.

CRIMINOLOGICAL ASSESSMENT OF THE CURRENT STATE OF CORRUPTION IN RUSSIA

VOLKONSKAIA Ekaterina Konstantinovna — PhD in Law, Lecturer of the Department of Criminology, Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V. Ia. Kikot
volkonskayaek@mail.ru
117437, Russia, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12

Abstract. *In the Russian Federation special attention is given to combating corruption and, in particular, increase of level of responsibility for corruption crimes and improvement of law enforcement practice in this area (p. 46 of the National Security Strategy of the Russian Federation approved by the decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683). In this regard, the relevance and practical importance is the evaluation of the results of anti-corruption measures and their influence on the state of corruption.*

The author analyzes and illustrates with judicial and investigation practices the contents of the list No. 23 for the corruption-related crimes, approved by the Directive of the Prosecutor General of Russia No. 65/11, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 of 01.02.2016. The author characterizes the meaning of a true (legally competent) understanding of all officials of public authorities and local self-government and citizens of the circle of corruption crimes as unlawful acts, not limited only to bribery (articles 290-291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) in the light of the implementation of the urgent directions of the National Anti-Corruption Plan for 2016/2017, approved by the Decree of the President of the Russian Federation No. 147 of 01.04.2016.

Based on the study of official stats on the state of corruption and certain types of corruption crimes, and on convicted in 2012-2015 (under articles 290 and 291 of the Criminal Code of the Russian Federation in 2001-2015) in Russia, the author reveals significant changes of the criminal situation related to corruption crimes at the present stage. Among them:

- steady decrease in the percentage of corruption crimes in the overall number of general crimes: from 2.15% in 2012 to 1.36% in 2015;
- steady and rapid increase in the percentage of bribery in the overall number of corruption crimes (articles 290-291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) (+109,3%): from 20.5% in 2012 to 42.9% in 2015;
- the number of the recorded facts of bribery has exceeded the number of registered facts of bribery for the first time in 2015 (for the past 15 years);
- with the annual decline in the number of registered corruption crimes (34.5%) there have been a steady increase in the number of convicted persons for corruption crimes (+ 91,2%).

Keywords: *corruption, bribery, stats, corruption crime, anti-corruption measures, bribe, trends, criminological indicators.*

REFERENCES

1. *Volkonskaia E. K. Zakonomernosti statisticheskikh pokazatelei sovremennoi kriminal'noi situatsii v Rossii i ikh sootnoshenie s faktorami, vliiaushchimi na prestupnost'* [Patterns of statistical indicators of modern criminal situation in Russia and their correlation with the factors influencing the crime]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator]. 2014. No. 13.
2. *Ishchuk Ia. G. Zakon o politsii kak garant antikorrupcionnogo standarta* [The Police Act as the guarantor of anti-corruption standard]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice]. 2013. No. 3. P. 11–14.
3. *Kapralova Iu. G. Kontrol' ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti za sobliudeniem trudovogo zakonodatel'stva v deiatel'nosti biudzhетnykh uchrezhdenii* [The Executive bodies of state authorities supervision over the observance of labour legislation in the activity of budgetary institutions]. *Lex Russica*. 2015. No. 1. P. 121–129.
4. *Kachalov V. V. Obshchestvennaia antikorrupcionnaia ekspertiza zakonodatel'stva kak element sistemy zashchity prav grazhdan ot korruptsii* [Public anti-corruption expertise of legislation as part of the system of protection of the rights of citizens against corruption]. *Bezopasnost' biznesa* [Business Security]. 2012. No. 3. P. 2–3.
5. *Utkin V. A., Utkina E. V. Korruptsiia i informatsionnye tekhnologii* [Corruption and information technology]. *Bezopasnost' biznesa* [Business Security]. 2016. No. 1. P. 45-48.

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1881—1917 гг.)

Аннотация. Для распространения и утверждения в Закаспийской области российской власти использовались различные способы приобщения туркменского населения к государственной и военной службе: 1) обучение детей в российских учебных заведениях; 2) вверение ближайшей исполнительной власти представителям национальной элиты; 3) внедрение русского языка в делопроизводство местных административных и судебных органов; 4) присвоение чинов, дарование исключительных прав, награждение российскими медалями и орденами; 5) создание привилегированных национальных военных формирований (иррегулярных частей, конвоя, милиции, охранной стражи). При этом этнорелигиозная принадлежность не служила в Российской империи критерием для продвижения подданных по карьерной лестнице.

Эти направления государственной деятельности свидетельствуют о том, что имперское правительство на территории Закаспийских владений, как и во всей Средней Азии, не проводило политику насильственной русификации, а лишь стремилось к закреплению Закаспия в составе империи, распространению общегосударственных установлений с учетом экономических интересов не только пришлого, но и местного населения. Такой подход дает все основания утверждать, что Закаспийская область как административная единица представляла собой развивавшуюся часть Российской империи.

Несмотря на консолидирующий характер отношения России к туркменскому этносу, стремление цивилизационно объединить регион с остальными частями Российского государства, Закаспийской области, которая стала одним из последних территориальных приобретений, было не суждено интегрироваться с империей. После начала Первой мировой войны Закаспийский край, как и другие районы расселения туркмен, вслед за всей Российской империей вступил в полосу конфликтов, кризисов, восстаний и революций. Вместе с тем присоединение туркменских племен к Российской империи ускорило сплочение туркменского общества и заложило основы современной туркменской государственности, окрепшей в советское время.

Ключевые слова: Российская империя, российско-туркменские отношения, правовые ограничения, инородцы, коренное население, языковой барьер, национальная элита, коренная администрация, привилегии, милицейские подразделения, национальные воинские формирования, тыловые работы, туркменское восстание.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.136-151

© Аминов И. И., 2018

* Аминов Илья Исакович, кандидат юридических наук, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

aminovii@mail.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

В ходе территориального расширения границ и вхождения в состав России польских, финских, прибалтийских народов в течение XVIII—XX вв. последовательно наращивалась разнородность социокультурного и этноправового пространства империи. Последующее завоевание Кавказа примкнуло к России многоликий этнический мир, включавший в себя десятки царств и княжеств, враждующих между собой на протяжении сотен лет и не оставлявших своих соседей в покое. Покорение Средней Азии включило в состав Российской империи территории суверенных государственных образований исламской цивилизации (Кокандского и Хивинского ханств, Бухарского эмирата), имевших собственную систему ценностей, норм, традиций, центры суннитской учености и восточной культуры. Кроме того, в имперский период практически две трети России составляли территории жизнедеятельности кочевых народов — наименее исламизированных общностей, что позволило ей без преувеличения стать величайшей кочевой державой того времени.

Для достижения главной цели, стоявшей перед имперским правительством, — распространения и утверждения на вновь присоединенных территориях российской государственности — использовались разнообразные способы формирования у коренного населения верноподданнических чувств и преданности российскому престолу.

Формально по национальным и расовым признакам российское законодательство практически не знало правовых ограничений. Законами ограничивались в некоторых правах евреи, а с 1864 г. поляки-католики. Несмотря на то, что размежевание шло в основном по сословному и конфессиональному признакам, инородцы на основании Устава духовных дел иностранных исповеданий могли и без принятия православия пользоваться всеми правами государственной и военной службы, всеми сословными привилегиями, если изъявляли готовность честно служить Российской империи и императору¹. Данный подход делал их со-

циальное положение намного предпочтительнее, чем статус коренного населения колоний Западной Европы.

О «служилости» инородцев как частом явлении беспристрастно свидетельствует статистика. В 1730 г. 30 % чиновников в Российской империи были нерусского происхождения. В 1894—1914 гг. доля неправославных в Государственном Совете составляла 21,5 % его членов. В 1825 г. в составе высшей имперской бюрократии служило 11,1 % инородцев, в 1853 г. — 32,7 %, в 1917 г. — 11,8 %. В эпоху Великих (Александровских) реформ в русской армии среди офицеров 23 % были неправославного вероисповедования². Эта закономерность позволила современному российскому ученому С. И. Каспэ связать стабильность Российской империи с тем, в какой мере и какими способами государство могло урегулировать собственные и частные интересы своих подданных, в том числе представителей национальных окраин³. Анализ законодательства, архивных материалов и научной литературы позволил выделить в такой деятельности несколько направлений.

1. Обучение детей коренного населения окраин в российских учебных заведениях. Просвещенная империя предоставляла право на образование своим подданным независимо от их национальной и религиозной принадлежности. Так, ст. 30 Положения об инородцах гласила: «Инородцы имеют право отдавать детей своих для учения в учрежденные от правительства учебные заведения. Они имеют право заводить и собственные школы, но не иначе, как с позволения начальников губерний или областей»⁴.

Этот метод в целом использовался достаточно часто и раньше, однако отметим, что в Средней Азии он применялся не только в политических, но и утилитарно-практических целях. Обучавшихся в Императорском пажеском корпусе, имевшем статус военного университета, и в других учебных заведениях России выходцев из Средней Азии было немного, и, как правило, все они являлись детьми высокопоставленных лиц. Закаспийская область⁵, где основное насе-

¹ О состоянии инородцев. // Собрание законов Российской империи (далее — СЗРИ). Кн. 3. Т. 9. СПб., 1912. Гл. 1. С. 88 ; Положение об инородцах // СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1897. С. 315.

² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 1. С. 32—34.

³ Каспэ С. И. Империя: генезис, структура, функции // Политические исследования. 1997. № 5. С. 45.

⁴ СЗРИ. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1897. С. 322.

⁵ Закаспийская область — административная единица Российской империи (центр — г. Асхабад), учрежденная 6 (18) мая 1881 г. Область располагалась между восточными берегами Каспийского моря и за-

ление составляли туркменские племенные группы, в этом отношении не стала исключением.

Как отмечали русские путешественники, до утверждения на этих землях русского правления, образование туркмен ограничивалось начальными правилами религии. По причине «крайней бедности большинства» им было чуждо светское образование⁶. В то же время эти же лица не могли не отметить наличие «любви к приобретению знаний и к чтению тех книг, которые случайно попадают им в руки»⁷.

В пору налаживания российско-туркменских отношений в учебных заведениях Российской империи стали обучаться Хасанмухаммед, Аннамухаммед и Назармухаммед — внуки Кият-хана — наиболее последовательного сторонника перехода западных туркмен йомудского племени в российское подданство. В 1844 г. они были отправлены в Петербург, где были определены в Константиновский кадетский корпус. О них известно очень мало: Хасанмухаммед умер 12 апреля 1847 г. «в полковом лазарете от водяной болезни»⁸, Назармухаммед, дослужившийся до чина штабс-ротмистра уланского полка, — в Белгороде в июне 1856 г. Аннамухаммед достойно служил в том же полку, участвовал в русско-турецкой войне (1877—1878 гг.), дослужился до чина полковника, умер в 1886 г. в Красноводске⁹.

Среди наиболее известных внуков Кият-хана — Николай Николаевич Йомудский (1868—1928), окончивший Псковский кадетский корпус (по некоторым сведениям, Павловское военное училище). Начиная военную службу в 1-м Закаспийском стрелковом батальоне (г. Мерв), затем был назначен приставом в Тохтамышское отде-

ление (Мервский уезд), Дурунское приставство (Асхабадский уезд). В чине полковника в 1910 г. вышел в отставку. Как внук Кият-хана добился права носить ханский титул (Караш-хан-оглы)¹⁰. Будучи приставом в Дуруне, Йомудский активно содействовал отправке детей в Оренбургский кадетский корпус, был активным сторонником европеизации туркмен. О прочих потомках Кият-хана известно, что некоторые из них получили образование в Тифлисской гимназии¹¹.

К просвещению стремились и другие представители известных туркменских родов. Старшина Мангышлакских туркмен-игдыров Мамед Сафа Кулиев просил воспитать своего девятилетнего сына Мамед Салиха в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. В ответ на эту просьбу ему сообщили, что Россия «готова содействовать исполнению похвального его намерения дать образование своим детям» и рекомендовали отправить сына через коменданта Александровского форта за казенный счет¹².

Обучение детей коренного населения в российских учебных заведениях продолжилось и после окончательного оформления Закаспийской области в составе Российской империи в 1890 г. Глава мервской элиты Майли-хан — капитан имперской милиции, просил об определении своего брата в Николаевское юнкерское кавалерийское училище¹³. В Пажеский корпус Его Императорского Величества был определен Ораз-Берды — сын Тыкма-Сердара — предводителя туркмен текинского племени, оборонявших геоктепинскую крепость. Такие просьбы, как правило, охотно выполнялись, и текинские наездники украшали императорский конвой¹⁴.

падными окраинами Бухарского эмирата и Хивинского ханства. На севере доходила до Уральской области, а на юге граничила с Персией и Афганистаном.

⁶ Галкин М. Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868. С. 4, 22.

⁷ Наши соседи в Средней Азии. Хива и Туркмения. СПб., 1873. С. 45.

⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 8. Д. 521. Л. 30.

⁹ Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII—XIX вв. / отв. ред. А. А. Росляков. Ашхабад : АН Туркменской ССР, 1982. С. 194.

¹⁰ Кадыров Ш. Х. Российско-туркменский исторический словарь : в 2 т. / Библиотека альманаха «Туркмены». Берген, 2001. Т. 1. С. 170.

¹¹ Кадыров Ш. Х. Указ. соч.

¹² Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. (до присоединения Туркмении к России) : сборник архивных документов. Ашхабад : Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1963. С. 497.

¹³ ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7366. Л. 1.

¹⁴ Соегов М. «Белый» генерал Ораз-сердар в истории и литературе // Jazyk a kultúra. 2013. № 16. С. 3.

¹⁵ См.: Россия и Туркмения в XIX в. : К вхождению Туркмении в состав России : сборник архивных документов / ред. Г. И. Карпов, А. Г. Соловьев, Д. Ф. Масловец ; сост. А. Г. Соловьев, А. А. Сенников, Д. Ф. Масловец. Ашхабад : Туркменгосиздат, 1946. С. 264.

Получив разностороннее образование в военных учебных заведениях Российской империи, пройдя службу бок о бок с представителями различных народов, и в первую очередь русского народа, Ораз-Берды и другие представители туркменской элиты были приобщены к русской и мировой культуре, к новому образу жизни, наиболее соответствующему духу времени. Впоследствии многие офицеры из туркменской среды, даже в случае оторванности от родины, проявляли большой интерес к истории, быту и традициям своего народа, просвещению и улучшению его социального положения.

В июле 1885 г. командующий войсками Закаспийской области генерал-лейтенант А. В. Комаров поднял вопрос о создании системы подготовки офицерских кадров из местных жителей края независимо от их социального происхождения. Из Азиатской части Главного штаба Военного министерства, откликнувшись на это предложение, запросили мнение руководства Кавказского военного округа и Главного управления военно-учебных заведений. Командующий округом генерал-адъютант А. Дондуков-Корсаков в ответе начальнику Главного штаба писал: «Практиковавшаяся на Кавказе мера воспитания детей туземцев в военно-учебных заведениях империи всегда давала отличные результаты. Офицеры из туземцев, воспитанные в кадетских корпусах, выходили самые лучшие, преданнейшие нашему правительству и государственным интересам»¹⁵.

Несмотря на то, что в военном ведомстве было стремление обучать детей коренных жителей в русских учебных заведениях, оно неизменно наталкивалось на недостаточный уровень начальной подготовки у обучающихся. Так, начальник Главного управления военно-учебных заведений генерал от инфантерии Н. А. Махотин привел статистические сведения, согласно которым до 1875 г. немалая часть уроженцев Кавказа, обучавшаяся в кадетских корпусах страны, едва достигала 3-го или 4-го класса. Общее число «успешно» окончивших курс в вузах империи не превышало 5 %. В связи с этим было признано целесообразным не направлять уроженцев Кавказа для обучения

во внутренние губернии империи, а обучать в открытой в г. Тифлисе военной гимназии. После этого отмеченный выше показатель поднялся до 60 %.

Исторический опыт обучения детей горцев Кавказа в определенной мере повлиял на обучение туркменских детей Закаспийской области. И хотя администрация области со всей ответственностью понимала, что нужно строить местную систему образования, отсутствие значительных материальных средств у органов военно-народного управления затрудняло реализацию этих планов. В этой связи было решено мальчиков до 9 лет, «умеющих говорить и немного знающих русское письмо», направлять во Владикавказский кадетский корпус, а предварительное обучение кандидатов осуществлять в Асхабадском 2-классном училище¹⁶.

«Сближению азиатцев с русскими», «доставлению отдаленным краям просвещенных чиновников» помогали учебные заведения Оренбуржья, а именно 1-й и 2-й Оренбургские кадетские корпуса. В марте 1991 г. был издан указ о порядке отправления пяти малолетних воспитанников из Закаспийской области «к определению в подготовительный класс 2-го Оренбургского кадетского корпуса» под надзором офицера, командировавшегося распоряжением командующего войсками Туркестанского военного округа¹⁷.

Таким образом, проблема подготовки офицерских кадров из числа местных жителей Туркестанского края не исчерпывалась одними политическими мотивами, как пишут некоторые современные историки¹⁸. Обучение в русских учебных заведениях для туркмен, как и других инородцев, не было принижением их «национального» достоинства или обузой, а, напротив, служило привилегией, преимуществом.

2. Вверение ближайшей исполнительной власти представителям национальной элиты. На определенном этапе общественного развития такой механизм вполне удовлетворял потребности туркменских обществ и поддерживал в них порядок благодаря авторитету сердаров, ханов, старейшин.

Наиболее именитому представителю туркменской элиты Махтум-Кули-хану, осуществив-

¹⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1013. Л. 35—37. Дело о принятии в кадетские корпуса мальчиков-туземцев.

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3 (далее — ПСЗРИ-3). СПб., 1994. Т. 11 (1891 г.). № 7401. С. 33. Ст. II.

¹⁸ Ходжакулиев Б. А. Народное просвещение в Туркменистане в колониальный период (1881—1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ашхабад, 1995.

шему еще в годы присоединения туркменских земель к России (1882—1884 гг.) ряд дипломатических акций, направленных на оказание помощи в мирном завершении присоединения Южного Туркменистана, была доверена должность исполняющего обязанности начальника Тедженского уезда в чине старшего офицера имперской милиции. Впоследствии он окажется в числе приглашенных в Москву на священное коронование Николая II¹⁹, будет избран депутатом II Государственной думы от населения Закаспийской области.

После присоединения Мерва в 1884 г. управление населением оазисов было возложено на четырех ханов родовых подразделений текинцев. Каждому был установлен оклад в 1 200 руб. в год. Управление Серахским районом было сохранено за Теке-ханом, Иолотанским — за Сары-ханом (оба подчинялись начальнику Мервского уезда). После образований в Серахсе и Иолотани приставств Теке-хан и Сары-хан были оставлены в должности заместителей русского пристава, каждый в чине капитана милиции с сохранением прежних высоких окладов²⁰.

Однако столь широкое привлечение в управление краем местной элиты не позволило преодолеть проблему кадрового дефицита, свойственного всей Средней Азии. Загруженные обязанностями по командованию войсками, военные начальники не всегда уделяли достаточного внимания административной деятельности и контролю над подчиненными из местных элит, а иногда и проявляли снисходительность к их недозволенным либо противоправным действиям, связанным, как правило, с захватом общинных земель. Однако по сведениям, почерпнутым из работы А. Ломакина, администрация края, уведомленная о подобных злоупотреблениях влиятельных лиц, отбирала как орошаемые земли, так и арыки, кяризы с последующей сдачей их в аренду (*карендю*). Вырученные от аренды средства направлялись на общественные нужды²¹.

3. Внедрение русского языка в делопроизводство местных административных и судебных органов. С переходом в состав Российской империи Закаспийского края делопроизвод-

ство стало осуществляться на русском языке. Однако коренная аульная администрация и «народный суд» длительное время находились вне этого процесса. Лишь после Андиганского восстания (1898) туркестанский генерал-губернатор С. М. Духовской (1838—1901) поставил вопрос об обязательном введении русского языка в официальной переписке органов местной администрации с русскими властями, что имело прямое отношение и к Закаспийской области. Развитие этой идеи взяла на себя первая российская еженедельная газета в Туркестане на русском языке «Туркестанские ведомости», которая выступила с предложением издать постановление о введении русского языка в делопроизводство, а также установить сроки, в течение которых эта мера должна быть реализована. В связи с этим органы краевого управления усилили внимание к курсам русского языка для взрослого коренного населения, были проведены мероприятия по привлечению коренных жителей и набору слушателей на эти курсы, материально поощрялось также обучение детей в русских школах²². До этих событий вопрос о минимизации языкового барьера между русскими и туркменами решался только усилиями энтузиастов. Так, например, подпоручиком Плиевым совместно с сотником Драповским и поручиком Маргания было составлено и издано «Руководство для обучения туркмен русскому языку» (Асхабад, 1893).

Финансирование курсов за счет государственной казны, индивидуальный подход к слушателям, свобода в методике и программах преподавания стали действенным средством сближения туркмен с русской школой и русскими людьми. При этом распространение среди инородцев русского языка осуществлялось не в качестве языка «господствующего народа», а в качестве государственного языка центральных органов власти, без чего инородцы не могли изменить свой статус отстающих народов присоединенных окраин. Кроме того, языковой барьер стал главной причиной лишения как туркмен, так и других народов Туркестана избирательного права и, как следствие, невозможности участвовать

¹⁹ РГВИА. Ф. 400. Д. 27. 1883. Л. 28.

²⁰ Хайтмиев А. А. Уголовное обычное право туркмен / под ред. П. Ф. Повелицыной. Ашхабад : Ылым, 1986. С. 63.

²¹ Ломакин А. Обычное право туркмен (адат). Репринт издания 1897 г. ЕЕ Медиа, 2015. С. 141.

²² См.: Туркестанские ведомости. 1911. № 150. С. 3.

в системе реального законотворчества, войти в состав депутатов Государственной думы III и IV созывов²³. Известно, что из-за недостаточного знания русского языка подполковник милиции Махтум-Кули-хан (Нурбердыханов), хоть и участвовал во II Государственной думе в качестве представителя от коренного населения Закаспийской области, но в думских комиссиях не состоял²⁴.

В целом вплоть до 1917 г., несмотря на существенные усилия по внедрению русского языка в целях устройства государственного порядка в волостях и аулах Закаспийской области, делопроизводство так и не удалось перевести на русский язык. При этом туркмены, в отличие, например, от народов, которых покорило британское оружие, сохранили свою культуру и, соответственно, свой язык. Однако согласно объективной позиции М. А. Фадеичевой историческое совпадение языка русского народа и православной веры с официальной религией и «державным языком Российской империи» по сей день создает стойкую иллюзию у мировой общественности о русских как о народе, стремящемся к беспредельному господству²⁵.

4. Присвоение чинов, дарование исключительных, в том числе дворянских, прав, награждение орденами и медалями, специально установленными для мусульманских подданных империи. Еще в первой трети XIX в. при формировании Россией среднеазиатского политического курса за оказание помощи экспедиции Карелина наиболее активные туркменские старшины — Ярмамбет-бек Кутлугулатов, Акмамбет-бек Бердыбакиев, Халмамбет-бек Ильдурдибеков, Халмамбет-бек Байназаров были награждены орденами на Аннинских лентах и оружием из личной коллекции императора²⁶.

В дальнейшем для формирования лояльных чиновников местных национальностей

еще в марте 1866 г. в Военном министерстве был установлен порядок награждения жителей азиатских окраин империи. Награждение происходило в обычной форме, через решение Комитета министров и утверждение императора. В остальных случаях администрация получала право награждать подданных различными подарками — часами, оружием, халатами по своему усмотрению. Для закупки подарков, угощений, организации встреч и приемов местной элиты выделялись специальные средства²⁷. Так, начальнику Закаспийской области, согласно смете расходов, на экстраординарные нужды, прием и угощение коренных жителей ежегодно отпускалось 8 тыс. руб. — немалая для того времени сумма²⁸.

К началу XX столетия в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел действовал особый отдел по составлению специального реестра «подарочных вещей», который прослеживал их отправление и сохранность в пути. Появление такого отдела было вполне логичным, принимая во внимание количество посылаемых в центральноазиатский регион подарков²⁹.

Имперское правительство не скупилось награждать даже в недавнем прошлом непримиримых противников русского вторжения. Так, в мае 1881 г. после того, как депутация текинских старшин была принята в Петергофе, им были вручены награды (см. табл.). Тыкма-Сердар — бывший начальник вооруженных сил текинцев, будучи главой туркменской депутации, в своей речи отметил, что текинцев, которые приняли русское подданство, насчитывается 400 тыс. семейств и они могут доказать свою верность и преданность «Белому царю»³⁰. Майору милиции Овез-Мурад-Тыкма-Сердару было назначено постоянное усиленное содержание в размере 660 руб. в год³¹ и пожаловано дворянство. Однако согласно

²³ Самодержавие и избирательные права в национальных областях России (публикация И. Ковалева) // Красный архив. 1936. Т. 6 (79). С. 20—23.

²⁴ Боиович М. М. Члены Государственной думы (портреты и биографии). Второй созыв. М.: Тип. Товарищества И. Д. Сытина, 1907. С. 496.

²⁵ См.: Фадеичева М. А. Этническая политика в Российской империи // URL: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshagodnik/2003/19.pdf> (дата обращения: 19.12.2017).

²⁶ АВПРИ. Ф. 161. II-21. Оп. 66. Д. 1 (1833—1835 гг.). Л. 26.

²⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 56. Л. 1—9.

²⁸ Штаты и табели к № 6576—1890. 6 февраля 1890 г. // ПСЗРИ-3. СПб., 1993. Т. 10. Отд. 1 (1890 г.). С. 86.

²⁹ АВПРИ. Ф. 161/4. Оп. 729/2. Д. 74. Л. 1—3 об.

³⁰ Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 60.

³¹ РГВИА. Ф. 400. Д. 40 (1881 г.). Л. 85—86.

переписи 1897 г. процент дворян среди коренного населения Закаспийской области, как и во всей Средней Азии, был самым низким,

что особенно становится очевидным при сравнении с Кавказом, где количество дворян было выше в 12 раз³².

Список награжденных представителей от текинцев³³

№	ИМЕНА ДЕПУТАТОВ	НАГРАДЫ
1	Овез Мурад-Тыкма-Сердар, главный защитник Геок-Тепе в недавнем прошлом, глава текинского рода и наиболее влиятельное лицо в Ахалтекинском оазисе	Чин майора милиции, шашка с портупей и золотые часы
2	Магомед-Овез-Сеид-Гельдыев, родственник Тыкма-Сердара	Большая золотая медаль на Аннинской ленте, золотые часы
3	Хан-Магомед-Риза-оглы, родственник Тыкма-Сердара	Большая серебряная медаль на Станиславской ленте, золотые часы
4	Халли Хан-Бердиев, родственник Тыкма-Сердара	Большая золотая медаль на Аннинской ленте, золотые часы
5	Ораз-Берды, десятилетний сын Тыкма-Сердара	Золотые часы с цепочкой

По списку 7 марта 1883 г. были представлены к наградам старшины селений Арчман, Бахарден, Нохур, Келята, Коршов и Кеши³⁴.

Главная сторонница присоединения Мерва к России — Гюль-Джемал³⁵ — получила в награду дары, присланные ей из Кабинета его величества со специальным посыльным, что подчеркивало их значение. Ей были жалованы два массивных золотых браслета с драгоценными камнями, золотой пояс и соболий халат, крытый золотой парчой. Кроме того, ей была назначена пожизненная пенсия в 2 тыс. руб. ежегодно. Как наиболее влиятельным текинцам пасынку и сыну Гюль-Джемал — Махтум-Кули-хану и Юсуф-хану — также была назначена пенсия. Махтум-Кули-хану за лояльность к имперскому правительству в июле 1883 г. возвратили саблю и револьвер, чему был придан характер особой «монаршей милости»³⁶.

Несмотря на то, что вооружение вместе с хорошим конем было неодолимой страстью любого туркмена, не всем племенам была оказана «равная милость». Так, ни одному другому племени туркмен или народу Центральной

Азии, кроме текинцев, не была дана привилегия носить холодное оружие. В целом со стороны монарха племенная элита теке была причислена к высшему этническому сословию, а бывшая элита туркмен-йомудов предана опале³⁷.

Интересные сведения о текинских ханах содержатся в списке лиц, представленных к наградам по случаю 25-летия присоединения Мерва к России (1909). В него вошли ханы и их сыновья, которые содействовали этому событию и за 25 лет продвинулись по службе. Юсуф-хан, сын Нурберды-хана и Гюль-Джемал, стал майором милиции и получил ордена Анны и Станислава 3-й степени. Сары-Батыр-хан, имевший чин капитана милиции, был награжден теми же орденами. В числе представленных к наградам также были сын Юсуф-хана, внук Мурад-хана, племянник Майли-хана. Кроме чинов и орденов многих одарили «часами из Кабинета его величества» и почетными халатами³⁸.

Анализ имперского законодательства приводит к выводу, что получить чин, преимуще-

³² Общий свод по империи результатов обработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 67.

³³ РГВИА. Ф. 400. Д. 20 (1881 г.). Л. 20—21.

³⁴ ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 6483. Л. 38—41.

³⁵ ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5087. Л. 9—11.

³⁶ Россия и Туркмения в XIX в. С. 222.

³⁷ См.: *Кадыров Ш. Х.* Становление и эволюция этнополитической организации у туркмен : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. С. 74.

³⁸ ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5087. Л. 19—24 (26 ноября 1884 г.).

ства от военной службы, быть удостоенным знаками орденов за боевое отличие туркмены могли и не входя в круг национальной элиты. Для этого требовалось на общих основаниях пройти отбор и поступить на службу переводчиком или проводником в полки Закаспийской конной казачьей бригады³⁹ или стать конником национального воинского формирования.

5. Создание воинских формирований на национальной основе. Данный способ воспитания у туркмен верноподданнических чувств и преданности российскому престолу применялся и ранее. Сохранились сведения о том, что туркмены и их потомки, переселившиеся в Ставрополь, Астрахань и на Северный Кавказ в XVIII в., принимали участие на стороне России в наполеоновских войнах. Во время Отечественной войны 1812 г. «общество туркменских татар вызвалось добровольно из единого усердия к службе его императорского величества поставить 200 человек конновооруженных туркмен на службу против французов...»⁴⁰.

Поскольку с 1870 по 1890 г. Закаспийский край в административном отношении был подчинен Кавказскому военному округу, туркмены оказались вне тех ограничений, что распространялись на остальные народы Туркестана. В частности, им не воспрещалось служить в рядах Российской императорской армии. Известно, что во время хивинского похода в отряде подполковника Скобелева в одной из рекогносцировок из шести человек трое — Назар, Непес и Дурды — были туркменами⁴¹. В ахалтекинской экспедиции приняла участие конная милиция, набранная из туркмен. Она состояла из 5 сотен в составе 5 офицеров, 20 урядников, 480 всадников, под командованием подполковника князя Бебутова⁴².

Для рядовых всадников этого подразделения стало возможным не только получение материального достатка, но и «в порядке постепенности» стать обладателями: 1) серебряных медалей («за храбрость», «за усердие и полезное»); 2) чина юнкера с правом ношения

на шашке серебряного офицерского темляка; 3) знаков отличия воинского ордена четырех степеней; 4) чина прапорщика⁴³.

Вскоре после взятия Геок-Тепе в целях ликвидации грабительских набегов (*аламанства*) в Ахалтекинском округе с учетом кавказской практики создания милицейских подразделений была организована местная охранная стража из 160 стражников (*фераджиев*) и четырех начальников (*сердаров*), выбранных жителями при ручательстве старшин. Среди туркмен, привыкших к кочевому образу жизни, служить в таких подразделениях оказалось немало желающих. Об этом просили целые аулы, в том числе и такие крупные, как Бами и Каахка. Например, со стороны каахкинских старшин поступило прошение принять на службу 40 человек конных джигитов⁴⁴. Возглавлял стражников с мая 1881 г. по февраль 1885 г. абхазский князь, вахмистр М. К. Маргания (*Мерген-ага*)⁴⁵.

Охранная стража позволила не только освободить местные власти от необходимости содержать дополнительные полицейские силы⁴⁶ за казенный счет, но и решить важнейшую задачу по обеспечению общественного порядка и спокойствия в регионе. Кроме того, для враждебно настроенных сил посягательство на жизнь туркменских конников стало бы вдвойне опасно, поскольку никакие компенсации с их стороны не смогли бы сдержать кровную месть (*ган алмак*). Многие из членов стражи получили государственные награды, чины, а впоследствии достойно служили в составе иррегулярных войск в ходе военных кампаний конца XIX — начала XX в. На вновь завоеванных территориях в их лице Российская империя получила сильнейшую опору в своей государственно-правовой политике.

Многие российские военачальники (М. Д. Скобелев, М. Г. Черняев, Г. А. Колпаковский и др.) считали важным создание в крае национального подразделения на постоянной основе. При этом предпочтение отдавалось

³⁹ См.: ПСЗРИ-3. Т. 10. Отд. 1 (1890 г.). № 7154. С. 724—725.

⁴⁰ Дурдыев М., Кадыров Ш. Туркмены мира (историко-демографический обзор). Ашхабад, 1991. С. 39.

⁴¹ Терентьев М. А. Хивинские походы русской армии. 2-е изд. М., 2016. С. 415—416.

⁴² Архив Гродекова. Папка № 1. Журнал занятий и военных действий Ахал-Текинского экспедиционного отряда (1879 г.).

⁴³ ПСЗРИ. Собр. 2 (далее — ПСЗРИ-2). СПб., 1835. Т. 33. Отд. 2 (1858 г.). № 33367. С. 12. § 1.

⁴⁴ ЦГАТ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 69. Л. 28.

⁴⁵ ЦГАТ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 50. Л. 1, 2.

⁴⁶ См.: ПСЗРИ-3. СПб., 1889. Т. 7 (1887 г.). № 4790. С. 294, 453.

текинцам как наиболее способным к военной службе. В начале 1880-х гг. в Военном министерстве даже планировалось формирование кавалерийских полков из туркмен для отправки служить на границу с Германией. Однако было признано целесообразным создать в первую очередь такое подразделение в Закаспийском крае⁴⁷.

В феврале 1885 г. Александр III утвердил штат постоянной конной милиции Закаспийской области, куда вошли лучшие джигиты Ахала и Мерва. Согласно приказу Военного министерства целью учреждения милиции стала «служба на постах по границам Закаспийской области и выполнение других служебных обязанностей»⁴⁸. Конные посты туркмен, отличавшиеся особой мобильностью, привлекались также для охраны Закаспийской военной железной дороги, почтовой и административно-полицейской службы, поддерживали постоянное сообщение между аулами, удаленными от железнодорожных станций⁴⁹.

По штату в этом подразделении полагалось иметь 5 офицеров, 1 вахмистра, 8 урядников и 300 всадников. Милиционеры подчинялись Главному управлению казачьих войск, а в порядке службы — непосредственно начальнику штаба Закаспийской области. Комплектовалась милиция добровольцами из всех туркменских племен, а также уроженцами Кавказа. Оружие им выдавалось от казны. Все остальное они должны были приобретать самостоятельно. Содержание всадников составляло 300 руб. в год, и имело тенденцию к неуклонному росту. С января 1911 г. для строевых нижних чинов оклады в год каждому составили: юнкерам милиции по 660 руб.; вахмистрам — 600 руб.; старшим урядникам — 540 руб.; младшим урядникам — 480 руб.; всадникам — 360 руб.⁵⁰

Милиционерам этого подразделения был дарован ряд привилегий. Прослужившие беспорочно не менее 10 лет освобождались государством от всех податей и повинностей⁵¹. Раз в год им полагался отпуск в 10 суток, а с февраля 1902 г. — «право на сохранение содержания при увольнении в отпуск на срок не более 2 месяцев»⁵².

Все милиционеры пользовались бесплатными медицинскими услугами. В случае потери лошади при исполнении служебных обязанностей воинам выдавались средства на покупку новой. При этом всем милиционерам из туркмен разрешалось вместо военной формы носить обычную национальную одежду. Программа их обучения предусматривала изучение русского языка, кавалерийскую подготовку, стрельбу, физические и строевые упражнения⁵³.

Юнкера и урядники этого подразделения, все прослужившие в нем не менее четырех лет⁵⁴, а также аульные старшины, волостные управители, народные судьи, их кандидаты, все туркмены, имевшие классные чины, почетные халаты, медали и иные знаки отличия, в случае совершения преступлений и проступков освобождались от телесных наказаний⁵⁵.

Несмотря на привилегированное положение туркменских конников по сравнению с другими окраинами империи (Кавказа, Финляндии, Царства Польского) участие населения Закаспийской области, как и всей Средней Азии, в обеспечении обороноспособности империи было более чем скромным. Еще в большей степени это различие просматривалось при сопоставлении Туркестана с Британской Индией, где численность «туземных» войск по сравнению с английскими частями составляла в отдельные периоды до $\frac{2}{3}$ ⁵⁶.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 400. Д. 43 (1881 г.). Л. 1.

⁴⁸ Отчет о состоянии войск Закаспийской области со времени окончания Ахал-Текинской экспедиции по 1895 г. включительно. Асхабад, 1897. С. 22—23.

⁴⁹ ПСЗРИ-3. СПб., 1887. Т. 5. Отд. 2. № 2747. С. 30, 63—64.

⁵⁰ ПСЗРИ-3. СПб., 1913. Т. 30 (1910 г.). Отд. 1. № 34109. С. 1031.

⁵¹ ПСЗРИ-3. СПб., 1901. Т. 18. Отд. 1 (1898 г.). № 15312. С. 270.

⁵² ПСЗРИ-3. СПб., 1904. Т. 22. Отд. 1 (1902 г.). № 21150. С. 116.

⁵³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1459. Л. 17.

⁵⁴ Срок в четыре года был назначен применительно к сроку действительной службы, установленному в русской армии.

⁵⁵ ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3795. Л. 98.

⁵⁶ В 1871—1872 гг. общая численность индо-британской армии составляла 191 241 человек, из которых 127 224 человека представляли туземные войска (См.: Венюков М. Современное военно-политическое положение Индии // Военный сборник. 1873. № 12. С. 351).

В 1892 г. на основе милиционного подразделения был сформирован *Туркменский конно-иррегулярный дивизион*, которым продолжил командовать П. П. Калитин, произведенный в 1890 г. в подполковники. Воспользовавшись опытом создания соответствующих подразделений на Кавказе, в Крыму, Башкирии, где личный состав формировался по призыву, органы военного управления в туркменском дивизионе сохранили добровольный принцип комплектования. Отличительной особенностью нового формирования стало установление специальных требований при отборе на службу: возрастные (от 19 до 30 лет), физические (здоровое телосложение) и специальные (джигитовка). Как правило, одна сотня кавалерии несла службу на постах, а другая находилась на учебных сборах в Асхабаде (с. Кеши).

В декабре 1895 г. по высочайшему повелению, объявленному военным министром, было установлено, наряду со специальным снаряжением и знаками отличия, обмундирование чинам конного дивизиона: офицерам — форма кавказских казачьих войск, но с желтым приборным сукном; строевым военнослужащим — форма национального (текинскогo) образца (папахa из черного длинного меха, ермолка вышитая, халат красного цвета с черными и желтыми полосками, шаровары из темной ткани); погоны — желтые с красными литерами «Трк» (Туркменский)⁵⁷.

В начале XX столетия командование приняло ряд организационных мер, нацеленных не только на повышение обученности и боеспособности этого дивизиона (штатное увеличение офицеров, вахмистров и урядников⁵⁸, учреждение при нем специальной учебной команды⁵⁹), но и на укрепление среди личного состава верности монарху и всей царствующей династии Романовых. 26 апреля 1910 г. для Туркменского конно-иррегулярного дивизиона по велению государя императора

был установлен «праздник на 6 Мая — День рождения Его Императорского Величества»⁶⁰.

В 1911 г. Туркменский конно-иррегулярный дивизион был преобразован в *Туркменский конный дивизион*⁶¹, чем подчеркивались организационное единство и устойчивость этого подразделения, твердость системы комплектования, обязательность обучения для всего личного состава. В соответствии со своим вероисповеданием и «законом», т.е. обычаем, все чины дивизиона присягали на верность престолу, т.е. царской службе. Но поскольку эта часть комплектовалась представителями иной религиозной принадлежности — мусульманами суннитского толка, на их полковом знамени был только государственный герб и отсутствовала надпись «С нами Бог»⁶². Так, религиозно-нравственные установки воинов дивизиона бесконфликтно сочетались с воинскими традициями и преданностью монархической власти.

В первый месяц Первой мировой войны (июль 1914 г.) по распоряжению Николая II это подразделение было реорганизовано в добровольческий *Туркменский конный полк*, сформированный на средства коренного населения⁶³. Страницы российских газет описали героические подвиги текинцев: участие в битве под г. Лодзь (Польша, 16 ноября 1914 г.), возле деревни Дуплице-Дуже (Австро-Венгрия, 23 ноября 1914 г.) и т.д. Всего за два с половиной месяца участия в боевых действиях в полку, насчитывающем 627 бойцов, 67 человек было награждено Георгиевскими крестами, свыше 70 человек — медалями «За храбрость», орденами Святого Станислава и Святой Анны. Полк заслужил славу непобедимого⁶⁴, а его штандарт хранится в Государственном Эрмитаже⁶⁵.

Поскольку это подразделение состояло в основном из текинцев Ахала и Мерва, 31 марта 1916 г. оно стало именоваться *Текинским конным полком*. С новым именем и новым командиром, полковником С. П. Зыковым, текинцы

⁵⁷ ПСЗРИ-З. СПб., 1899. Т. 15 (1895 г.). № 12298. С. 729.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 140. Л. 46—48.

⁵⁹ ПСЗРИ-З. СПб., 1909. Т. 26 (1906 г.). Отд. 1. № 28196. С. 782.

⁶⁰ ПСЗРИ-З. Т. 30 (1910 г.). Отд. 1. № 33400. С. 549.

⁶¹ ПСЗРИ-З. СПб., 1914. Т. 31. Отд. 1 (1911 г.). № 34725. С. 43—44.

⁶² Шевяков Т. Н., Пархаев О. Н. Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX — начала XX в. М., 2002. С. 32.

⁶³ См.: Кузьмин Н. Генерал Корнилов. М., 1997. С. 14.

⁶⁴ Гундогдыев О. Ратные традиции туркмен // Туркменистан. Апрель. 2005. № 3.

⁶⁵ Андреев А. А. Туркмены в Первой мировой войне: текинский конный полк // Политическая экспертиза : Политэкс. 2014. Т. 10. № 2. С. 161—169.

прославились своими героическими атаками против австрийских пехотных дивизий⁶⁶. Так, в крупнейшем Доброноуцком сражении полк в 600 сабель, который в самый опасный и ответственный момент возглавил командир 1-го эскадрона Ораз-Сердар, уничтожил 2 тыс. и взял в плен более 3 тыс. австрийцев, захватил артиллерийские орудия, пулеметы, винтовки, боеприпасы, лошадей⁶⁷. Джигиты этого полка сыграли не последнюю роль и в белогвардейском движении в 1917—1918 гг., а первому туркменскому генералу Ораз-Сердару со стороны Британской короны был присужден почетный титул «Sir Oraz Sirdar K. C. M. G.»⁶⁸.

«Кто поверит, — писал будущий генерал М. Д. Свечин, — что туркмены, отважные и доблестные наши противники, борьба с которыми действительно была, что называется насмерть, которые не признавали пленных... пойдут на это»⁶⁹.

Туркмены оправдали оказанное им доверие со стороны российской власти и до последней минуты существования Российской империи служили ей, проявляя доблесть на фронтах Первой мировой войны, преданность воинскому долгу, верховному командованию в условиях тотального разложения армии под натиском большевистской пропаганды. Даже восстание в 1916 г. йомудов — одного из могущественных туркменских племен — против российской власти в определенной мере было вызвано отказом предоставить им полное право воевать за Россию, которым обладали текинцы.

Несмотря на подлинный героизм туркмен, события Первой мировой войны не способствовали укреплению российско-туркменских отношений. Затянувшаяся война истощила экономику и финансовые ресурсы России, однако фронт по-прежнему нуждался в боеприпасах, вооружении, провианте, людях. Для нужд сражающейся армии реквизировались кибитки, юрты, кошмы, повозки, лошади, верблюды и т.д. Поскольку коренное население Закаспий-

ской области, как и всего Туркестана, согласно указу Александра II о введении «Устава о воинской повинности» (п. I)⁷⁰, освобождалось от воинской службы, с января 1915 г. оно подверглось дополнительному 21 %-му военному налогу⁷¹. Кроме того, в связи с мобилизацией в армию русских крестьян-переселенцев призывного возраста их земельные наделы предписывалось обрабатывать местному населению.

К имеющимся экономическим трудностям добавился значительный приток в край военнопленных (немцев, австрийцев, венгров, чехов) и беженцев из западных губерний, оккупированных немецкими войсками (белорусов, поляков). Около 200 тыс. военнопленных, состоявших прежде в рядах австро-венгерской армии, были размещены в лагерях Туркестана, в том числе Асхабаде и Красноводске. Этим совершенно посторонним людям потребовалась помощь и администрации, и постоянных жителей.

В связи с тем, что в рядах воюющей армии воевали преимущественно русские, возникла необходимость призыва инородцев на нестроевую службу. Несмотря на освобождение их от воинской повинности на момент принятия упомянутого выше Устава, этот призыв был вполне обоснован. Подпунктом 1 п. I этого же Устава предусматривалось, что в Туркестане и других регионах порядок этой повинности «будет определен впоследствии особыми положениями сообразно с местными особенностями»⁷².

В 1915 г. и начале 1916 г. тема призыва инородцев не раз обсуждалась в правительстве и Думе. Однако многократное обращение к туркестанскому руководству приводило к твердому возражению с его стороны: коренное население не способно к воинской службе, поскольку не владеет русским языком и ненадежно. Позиция туркестанских чиновников до определенного времени учитывалась высшими кругами империи. Однако

⁶⁶ Лужбин А. В. Действия русской конницы в сражениях Первой мировой войны. М., 2014. С. 243.

⁶⁷ Текинский полк — страница истории воинской славы России // URL: <http://asgabat.net/stati/nauka/istorija-turkmenistana/tekinskii-polk-stranica-istori-voinskoi-slavy-rosi.html> (дата обращения: 02.12.17).

⁶⁸ Sargent M. British Military Involvement in Transcaspia (1918—1919) // Conflict Studies Research Centre. 02/04. April 2004. P. 19.

⁶⁹ Свечин М. Д. Записки старого генерала. Ницца, 1964. С. 26.

⁷⁰ ПСЗРИ-2. СПб., 1876. Т. 49. Отд. 1 (январь 1874 г.). № 52983. С. 27.

⁷¹ Глуценко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М. : Центрполиграф, 2010. С. 542. (Серия «Россия забытая и неизвестная»).

⁷² ПСЗРИ-2. Т. 49. Отд. 1 (1874 г.). № 52983. С. 27.

положение на фронтах ухудшалось, русские войска испытывали нехватку в боеприпасах, вооружении, провианте, а главное — в людях. В газетах и агитационных призывах вновь звучали важные для текущего момента слова бывшего министра внутренних дел Н. П. Игнатьева о том, что, «если азиатский подданный... не может ни платить, ни управляться наравне с европейскими, то нести личную воинскую повинность он вполне в состоянии. Единственно, о чем следовало позаботиться и определиться, так это со способами призыва на службу и ее прохождения»⁷³. Наряду с улучшением положения дел на фронте, предполагалось, что совместная служба русских с азиатами будет способствовать «укреплению связей покоренного народа с державным прочнее всяких политических мер»⁷⁴.

В 1916 г. в Думе был поднят вопрос о привлечении коренного населения национальных окраин к службе, если не на фронте, то хотя бы в тылу. Согласившись с предложением своих министров, самодержец 25 июня 1916 г. подписал Указ «О привлечении мужского инородческого населения империи для работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ»⁷⁵. Согласно его тексту, Туркестану предстояло направить в прифронтную полосу 250 тыс. мужчин в возрасте от 19 до 43 лет. В Закаспийской области имперское правительство полагало набрать свыше 15 000 человек⁷⁶: в Мервском уезде — 5 000, Тедженском — 3 000, Асхабадском — 2 500, Красноводском — 1 960 и Мангышлакском — 3 240 человек⁷⁷.

Такое решение, не подкрепленное необходимыми организационными мерами, у коренных жителей вызвало всплеск возмущения. В результате Государственная дума потребовала отложить проведение призыва до завершения хлопкоуборочной страды. После некоторых колебаний был издан новый указ от 30 июля 1916 г., объявивший отсрочку набора рабочих для фронта до 15 сентября⁷⁸. В октябре высочайше утверждается правительственное решение о праве инородцев в период войны вместо окопных работ вступать рядовыми «охотниками» в казачьи части⁷⁹. Однако вспыхнувшие волнения уже невозможно было остановить. Недовольство охватило подавляющее большинство местного населения Туркестанского края.

Всюду в аулах происходили сходы и принимались решения: людей на окопные работы не давать, из аулов не выпускать. В архивах сохранились документы, содержащие факты открытой агитации против призыва, демонстративно враждебного поведения населения по отношению к власти, сопротивления масс действиям администрации и требований об уничтожении списков призывников и т.д.⁸⁰

Пользуясь отсутствием у большинства местного населения метрических документов, волостные управители и аульные старшины, составляя списки призывников, организовали целую систему всевозможных злоупотреблений. Представители состоятельных семейств из списков за взятки исключались, а лица, не имевшие ни связей, ни денежных средств, попадали в эти списки, причем без соблюдения возрастного ценза. Более того, коренная администрация в целях наживы стала распространять среди местного населения слухи, что брать будут не на работы, а в солдаты⁸¹.

⁷³ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1657. Л. 3.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1657. Л. 11.

⁷⁵ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане : сб. документов. М., 1960. С. 25—26.

⁷⁶ Несмотря на сопротивление крестьян — переселенцев Туркестана, из этой среды в действующую армию к началу 1915 г. было мобилизовано 70 тыс. человек. Из Закаспийской области призвано 4 916 человек (см.: История Узбекской ССР. Ташкент, 1968. Т. 2. С. 513).

⁷⁷ Восстание 1916 г. в Туркмении : документы и материалы / отв. ред. Н. В. Литвиненко. Ашхабад, 1938. С. 55.

⁷⁸ Центральная Азия в составе Российской империи / С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова [и др.]. М. : Новое литературное обозрение, 2008. С. 128.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1374. Л. 17.

⁸⁰ См., например: РГИА. Ф. 1202. Оп. 1. Д. 1933. Л. 8 ; Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 105 ; Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 283, 450 ; Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 24—25.

⁸¹ Доклад А. Н. Куропаткина 4 января 1917 г. военному министру Д. С. Шувалову // Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане : сборник документов. М., 1960. С. 81—82.

Через неделю после подписания высочайшего указа восстание охватило территорию от Амударьи до Урала с многонациональным, преимущественно мусульманским, населением в 10 млн человек. Формы протеста восставших были различны — от массового бегства с предприятий в степи, горы, за границу до вооруженных нападений на войска, полицию, чиновников, русских поселенцев⁸².

Наиболее уважаемая в текинской среде ханша Гюль-Джемал, выразив в целом покорность исполнить монаршую волю, в июле 1916 г. обратилась к начальнику Мервского уезда с просьбой об освобождении 5 тыс. текинцев от мобилизации «на тыловые работы». Выражая заботу о государственной пользе, ею были приведены следующие доводы:

- унижительность для текинцев выполнения земляных работ (постройка дорог, рытье траншей и т.д.), поскольку для этого по обычаю всегда приглашались наемные рабочие из Персии и Афганистана;
- губительность для здоровья и работоспособности текинцев сурового климата северных и юго-западных губерний России;
- беспомощность туркменских женщин, воспитанных в шариатском духе, вести хозяйство и заботиться о детях без поддержки ушедших на тыловые работы мужей;
- острая нехватка в Мервском оазисе рабочей силы во время предстоящего осенью сбора хлопка, имеющего важнейшее стратегическое значение для страны;
- невозможность убедить текинцев в том, что договор, согласно которому текинцы навсегда освобождены от всех личных повинностей, подписанный во время добровольного присоединения туркмен тохтамьского племени к России, отменяется.

В конце своего прошения Гюль-Джемал предлагала заменить работы в далеком тылу армии другими работами для нужд государственной обороны в пределах области или натуральной повинностью: доставкой скота для организации транспорта, снабжением армии продовольствием⁸³.

Согласно данным Сыскного отделения при Асхабадском уездном управлении⁸⁴, с целью повлиять на отмену набора ханша предложила негласно произвести денежный сбор по аулам из расчета по 2 руб. 50 коп. с кибитки, а с богатых туркмен дополнительный сбор для передачи государю императору на военные нужды. Собранные же наскоро несколько тысяч Гюль-Джемал передала на воздушный флот в виде аванса. Но поскольку данный сбор производился без разрешения администрации и не подлежал контролю, начальник области предложил ханше немедленно прекратить сбор денег⁸⁵.

Время показало, что при распределении количества мобилизуемых коренных жителей по регионам, районы, специализирующиеся на выращивании хлопка, получили значительные послабления. Согласно инструкции от воинского призыва были освобождены представители местных элит, которые интегрировались в российские социальные структуры: должностные лица органов местного управления; чины национальной милиции; служители религиозного культа; учащиеся высших и средних учебных заведений; «туземцы», пользовавшиеся правами дворян, потомственные почетные граждане, классные чины; родственники (до трех человек) по мужской линии тех, кто служил в Текинском конном полку или другом воинском подразделении.

Кроме того, любой инородец мог откупиться и нанять за себя другого инородца при условии его принадлежности исключительно к русскому подданству. Иностранцы — хивинцы, персы, бухарцы, афганцы, а также среднеазиатские евреи, русские не могли быть назначены в наряд на тыловые работы вместо откупившихся инородцев⁸⁶. Однако реализация этой инструкции на практике происходила в соответствии с «вольными» толкованиями на местах. Возможность нанять за себя другого фактически привела к найму имущими коренными жителями (не без участия местной администрации, т.е. за взятку) неимущих.

Следует отметить, что большая часть туркмен Ахала и Мерва, у которых на фронте к тому

⁸² Ланда Р. Г. Ислам и история России. М., 1995. С. 176.

⁸³ РГИА. Ф. ДП. IV д-во. Д. 130. Ч. 1. Т. 2 (1916 г.). Л. 64.

⁸⁴ ПСЗРИ-3. Т. 31. Отд. 1 (1911 г.). № 35443. С. 520.

⁸⁵ Начало революционного движения в Туркмении в 1908—1917 гг. / сост. А. Г. Соловьев. Ашхабад-М., 1946. Кн. IV. Д. 102. С. 117.

⁸⁶ Рыскулов Т. Р. Восстание киргизов и казахов в 1916 году. Бишкек, 1991. С. 4—5.

времени воевали родственники в Текинском конном полку, подчинилась высочайшему указу и стала отдавать своих соплеменников для нужд фронта. Исключение составили йомуды и казахи, ведшие преимущественно кочевой образ жизни. Не случайно центром восстания в Закаспии стали пограничные с Персией местности Красноводского уезда⁸⁷, где наиболее беспокойные и наименее подверженные влиянию русских туркмены-йомуды были разнообразны по подданству (русские, хивинские, персидские), двуданники, кочующие то в Россию, то в Персию и связанные друг с другом кровными узами⁸⁸. Однако в это восстание было втянуто также население Чарджуйского и Керкинского бекств Бухарского эмирата, Тедженского и Серахского оазисов Закаспийской области.

Восставшими под руководством Бабаклыча, Шихи-хана Диведжи, Эсен-хана, Мерген-хана были разгромлены постройки русских поселенцев, рыбные промыслы Лианозовых, пограничные заставы с Ираном, убито и ранено свыше 100 русских поселенцев, солдат и офицеров, нанесен ущерб в 300 тыс. руб.⁸⁹ Причиной внушительных жертв среди русского населения стало отсутствие в крае, за исключением городов, полиции⁹⁰, а также отсутствие у русских поселенцев вооружения⁹¹.

Масштабность туркменского восстания, охватившего в наибольшей степени Астрабадскую провинцию⁹² и Красноводский уезд, способного, с одной стороны, осложнить положение России в северной Персии, а с другой — поднять против правительства революционно настроенные военные части Закаспия, заста-

вила генерал-губернатора Туркестанского края А. Н. Куропаткина приказать Сыр-Дарьинскому военному губернатору А. С. Мадритову выступить с отрядом для решительного подавления туркменского мятежа. Несмотря на то, что Мадритову предписывалось не допускать жестокостей, воевать только с мужчинами, не позволять жечь имущество, особенно кошмы и кибитки, карательные войска против восставших и их семей применили орудия и пулеметы⁹³. Восстание 1916 г., жестоко подавленное войсками, породило в дальнейшем национальное движение местной элиты, получившее название «басмачество».

Таким образом, несмотря на разнообразие способов формирования у местного населения верноподданнических чувств и преданности российскому престолу, в начале XX столетия Закаспийский край, как и весь Туркестан, был далек от окончательной интеграции с общеимперским пространством России. Острота этноконфессиональных вопросов на национальных окраинах Российского государства существовала в той степени, в какой происходило их объединение с империей в целом. Закаспийская область была одним из последних имперских приобретений, а потому не успела интегрироваться с Россией. Восстание 1916 г. и его подавление создали барьер между коренными народами и властью, превратив их в два враждебных лагеря. В то же время оно способствовало усилению национального самосознания, сплочению туркмен, независимо от племенной принадлежности, легитимации национальной государственности в советское и постсоветское время.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аннанпесов М.* Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII—XIX вв. / отв. ред. А. А. Росляков. — Ашхабад : АН Туркменской ССР, 1982. — 268 с.

⁸⁷ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933. Л. 8.

⁸⁸ Начало революционного движения в Туркмении в 1908—1917 гг. Кн. IV. Д. 99. С. 114.

⁸⁹ *Куропаткин А. Н.* Рапорт на имя Николая Романова // Красный архив. Т. 34. 1929. С. 82—83 ; *Тарасов Ю. М.* Движение 1916 г. в Закаспийской области. Ашхабад, 1955 ; *Кадыров Ш. Х.* Российско-туркменский исторический словарь. Т. 1. С. 142.

⁹⁰ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане : сборник документов. М., 1960. С. 84.

⁹¹ *Галузо П. Г.* Вооружение русских переселенцев в Средней Азии. Ташкент, 1926. С. 70.

⁹² Астрабатская провинция находилась частью в пользовании Персии и частью — туркменов-йомудов, гокленов.

⁹³ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 151. Ч. 1. Л. 15 об. — 16.

2. Глущенко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. — М. : Центрполиграф, 2010. — 378 с. — (Серия «Россия забытая и неизвестная»).
3. Кадыров Ш. Х. Российско-туркменский исторический словарь : в 2 т. — Берген, 2001. — Т. 1. — 456 с. — (Библиотека альманаха «Туркмены»).
4. Кадыров Ш. Х. Становление и эволюция этнополитической организации у туркмен : дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2004. — 370 с.
5. Ломакин А. Обычное право туркмен (адат). — Репринт изд. Ашхабад, 1897 г. — ЕЕ Медиа, 2015. — 90 с.
6. Максимович Ф. К. Социально-экономический строй закаспийских туркмен накануне присоединения к России. — Ашхабад : Туркменское государственное издательство, 1960. — 244 с.
7. Начало революционного движения в Туркмении в 1908—1917 гг. / сост. А. Г. Соловьев. — Ашхабад, 1046. — Кн. IV. — 322 с.
8. Россия и Туркмения в XIX в. : К вхождению Туркмении в состав России : сборник архивных документов / ред. Г. И. Карпов, А. Г. Соловьев, Д. Ф. Масловец ; сост. А. Г. Соловьев, А. А. Сенников, Д. Ф. Масловец. — Ашхабад : Туркменгосиздат, 1946. — 590 с.
9. Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. (до присоединения Туркмении к России) : сборник архивных документов. — Ашхабад : Издательство АН Туркменской ССР, 1963. — 784 с.
10. Рыскулов Т. Р. Восстание киргизов и казахов в 1916 году. — Бишкек, 1991. — 112 с.
11. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. — М. : Издательство восточной литературы, 1960. — 240 с.
12. Хайтлиев А. Уголовное обычное право туркмен / под ред. П. Ф. Повелицыной. — Ашхабад : Ылым, 1986. — 236 с.
13. Ходжакулиев Б. А. Народное просвещение в Туркменистане в колониальный период (1881—1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ашхабад, 1995. — 23 с.
14. Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. — М. : Новое литературное обозрение, 2008. — 464 с.

Материал поступил в редакцию 2 января 2018 г.

INDIGENOUS POPULATION OF THE TRANS-CASPIAN REGION IN CIVILIAN AND MILITARY SERVICE IN THE RUSSIAN EMPIRE (1881-1917)

AMINOV Il'ia Isakovich — PhD in Law, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminology and Penal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
aminovii@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. For expansion and establishment of the Russian authorities in the Trans-Caspian region, different methods of involving the Turkmen population into civilian and military service were used: 1) education of children in Russian schools; 2) delegation of immediate executive power to the representatives of the national elite; 3) introduction of the Russian language in clerical work of local administrative and judicial bodies; 4) assignment of ranks, grant of exclusive rights, awarding of Russian medals and orders; 5) creation of privileged national military forces (irregular parts, escort, police, security guards). Still, the ethno religious affiliation did not serve in the Russian Empire as the criterion for the promotion of subjects in the career.

These areas of state activity prove that the Imperial government on the territory of the Trans-Caspian region, as well as throughout Central Asia, did not pursue a policy of forced russification, but only sought to perpetuate the Trans-Caspian part of the Empire, the spread of national regulations, taking into account the economic interests of not only newcomers, but also the local population. This approach gives every reason to believe that Trans-Caspian region, as an administrative unit, was a developed part of the Russian Empire.

Despite consolidating the nature of Russia's relationship to the Turkmen ethnic group, the pursuit of civilization to unite the region with other parts of the Russian state, the Trans-Caspian region, being one of the last territorial acquisitions was not meant to integrate with the Empire. After the outbreak of the First world war the Trans-Caspian region, as well as other areas of settlement of the Turkmen, followed the Russian Empire in entering

a period of conflicts, crises, rebellions and revolutions. However, the inclusion of the Turkmen tribes to the Russian Empire accelerated the consolidation of the Turkmen society and laid the foundations of modern Turkmen statehood, having strengthened during the Soviet era.

Keywords: *Russian Empire, Russian-Turkmen relations, legal restrictions, foreigners, indigenous population, language barrier, national elite, radical administration, privileges, police units, national military units, rear works, Turkmen rebellion.*

REFERENCES

1. *Annanepesov M.* Ukreplenie russko-turkmenskikh vzaimootnoshenii v XVIII–XIX vv. [Strengthening of Russian-Turkmen relations in the XVIII–XIX centuries]. A. Rosliakov (ed.). 1982. Ashkhabad: AN TSSR. 268 p.
2. *Glushchenko E. A.* Rossiia v Srednei Azii. Zavoevaniia i preobrazovaniia. Seriia: «Rossiia zabytaia i neizvestnaia» [Russia in Central Asia. Conquest and Conversion. Issue: Russia Lost and Unknown]. 2010. Moscow: Tsentrpoligraf. 378 p.
3. *Kadyrov Sh. Kh.* Rossiisko-turkmenskii istoricheskii slovar': v 2 t. [The Russian-Turkmen historical dictionary: In 2 Vol.]. 2001. Bergen: Biblioteka al'manakha "Turkmeny". Vol. 1. 456 p.
4. *Kadyrov Sh. Kh.* Stanovlenie i evoliutsiia etnopoliticheskoi organizatsii u turkmen: Dis.... dokt. ist. Nauk [Formation and Evolution of Ethnopolitical Turkmens Organization: Doctoral Degree Thesis]. 2004. Moscow. 370 p.
5. *Lomakin A.* Obychnoe pravo turkmen (adat). Reprint s izdaniia 1897 g. [The common law of Turkmens. (Adat). Reprint from the edition of 1897]. 2015. EE Media. 90 p.
6. *Maksimovich F. K.* Sotsial'no-ekonomicheskii stroi zakaspiiskikh turkmen nakanune prisoedineniia k Rossii [Socio-economic structure of the Trans-Caspian Turkmens on the eve of accession to Russia]. 1960. Ashkhabad: Turkmenskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 244 p.
7. Nachalo revoliutsionnogo dvizheniia v Turkmenii v 1908–1917 gg. [The beginning of the revolutionary movement in Turkmenistan in 1908–1917]. Soloviev A. G. (ed.). Book IV. 322 p.
8. Rossiia i Turkmeniia v XIX v.: k vkhozheniiu Turkmenii v sostav Rossii: sbornik arkhivnykh dokumentov [Russia and Turkmenistan in the nineteenth century: to Accession of Turkmenistan to Russia: the collection of archival documents]. G. I. Karpov, A. G. Solov'ev, D. F. Maslovets (eds.). Compiled by A. G. Solov'ev, A. A. Sennikov, D. F. Maslovets. 1946. Ashkhabad: Turkmengosizdat. 590 p.
9. Russko-turkmenskie otnosheniia v XVIII–XIX vv. (do prisoedineniia Turkmenii k Rossii). Sbornik arkhivnykh dokumentov [Russian-Turkmen relations in the XVIII–XIX centuries (before the accession of Turkmenistan to Russia). The collection of archival documents]. 1963. Ashkhabad: Izdatel'stvo Akademii nauk Turkmenskoi SSR. 784 p.
10. *Ryskulov T. R.* Vosstanie kirgizov i kazakhov v 1916 godu [Rebellion of the Kyrgyzs and Kazakhs in 1916]. 1991. Bishkek. 112 p.
11. *Tikhomirov M. N.* Prisoedinenie Merva k Rossii [The annexation of Merv to Russia]. 1960. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 240 p.
12. *Khaitliev A.* Ugolovnoe obychnoe pravo Turkmen [Criminal Customary Law of the Turkmen]. Povelitsyna P. F. (Ed.). 1986. Ashkhabad: Ylym. 236 p.
13. *Khodzhaikuliev B. A.* Narodnoe prosveshchenie v Turkmenistane v kolonial'nyi period (1881–1917 gg.). Avtoref. dis.... kand. ist. Nauk [Public education in Turkmenistan during the colonial period (1881–1917). Abstract of the PhD Thesis]. 1995. Ashkhabad. 23 p.
14. Tsentral'naia Aziia v sostave Rossiiskoi imperii [Central Asia in the Russian Empire]. Abashin S. N, Arapov D. lu., Bekmakhanova N. E. (eds.). 2008. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 464 p.

В. Г. Тур*

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЫМУ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация. Вследствие присоединения Крыма к России в 1783 г. возникла проблема мирной интеграции населения в правовое поле империи. Учитывая, что для полуострова конца XVIII — первой половины XIX в. характерно доминирование общин так называемых религий «иностранныго вероисповедания», от поиска удачных законодательных решений в области государственно-конфессиональных отношений во многом зависели мир и благополучие на полуострове.

В числе первых актов 1783 г., заложивших основу межэтнического и межконфессионального мира, были Манифест Екатерины II «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны, под Российскую державу» и Указ именной, данный Новороссийскому генерал-губернатору князю Потемкину «О принятии крымских жителей и прочих татарских народов в российское подданство». Фактически все дальнейшие акты были направлены на выполнение данных гарантий, совершенствование государственно-конфессиональных отношений на полуострове. Важным документом, систематизировавшим различные акты, касающиеся деятельности неправославных религиозных организаций в России, стали «Уставы духовных дел иностранных исповеданий» Николая I.

В итоге через религиозно-общинные органы самоуправления, действовавшие в контакте и под контролем губернских структур управления, сохранение традиций и обычаев, целый ряд мероприятий, направленных на экономическое и культурное развитие полуострова, властям империи удалось добиться в Крыму не только мира и согласия, но и преданного служения подданных престолу.

Статья посвящена исследованию государственно-конфессиональных отношений в Таврической губернии.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, религиозные организации, правовое положение, общины иностранного вероисповедания, законодательство.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.152-167

В отечественной научной литературе вопросу государственно-конфессиональных отношений в России XVIII — XIX вв. посвящено немало исследований. Однако большинство из них ограничены характеристикой правового положения православной церкви. Что касается религиозных общин «иностранныго исповедания», то их правовой статус в лучшем случае иллюстрируется в рамках исследований истории многочисленных народов

империи. Если в период Средневековья формирование государств шло по этническому признаку и во многом было взаимосвязано с установлением доминирования той или иной религиозной конфессии в регионе, то XVII — XIX вв., т.е. период начала буржуазных преобразований, непосредственно связанных с экономическими интересами, поставили вопрос конфессиональный в прямую зависимость от государственных интересов. В итоге между

© Тур В. Г., 2018

* Тур Виктор Григорьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заслуженный работник образования Республики Крым, доцент кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия
vgtur@mail.ru

295006, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, д. 5, кв. 310

странами Западной Европы и Россией исторически оформились существенные различия в государственно-конфессиональной сфере деятельности. В настоящей статье мы предполагаем исследовать на материалах Крыма конца XVIII — первой половины XIX в. один из аспектов проблемы формирования государственно-конфессиональных отношений в условиях доминирования религиозных общин «иностранный исповедания». При этом следует отметить, что данная проблема достижения межэтнического и межконфессионального мира на полуострове не потеряла своей актуальности и в настоящее время.

Западноевропейские государства, сформировавшиеся в рамках надгосударственного религиозного образования — католической церкви, столкнулись с внутренними межконфессиональными проблемами не ранее XVI в., когда стремление освободиться от папской опеки совпадало с укреплением влияния светских институтов, новых элит, часто опиравшихся идеологически на религиозные противоречия, приведшие к возникновению и расширению влияния протестантских направлений и серьезным революционным потрясениям в XVII—XIX вв. Осознание неизбежности того, что католической церкви придется пересмотреть свое отношение к вопросам государственно-конфессиональных отношений, послужило причиной возникновения идей веротерпимости, идей, впервые оформленных в трудах Джона Локка, получивших продолжение в произведениях Ф. М. Вольтера и других «вольнодумцев» XVII—XIX вв.¹

В то же время конкордат Наполеона с папой Пием VII 1801 г., по которому католицизм был объявлен религией большинства во Франции, усиление влияния католицизма и активизация униатской церкви в Польше, превращение лютеранства и кальвинизма в доминирующие религии Германии XIX в. подчеркивало, что идея единства государства, нации и церкви не потеряла своего значения. В частности, даже к последователям достаточно распространенного в Европе иудаизма отношение европейцев XVIII—XIX вв. оставалось предосуди-

тельным. Фактически религиозные общины официально сохранились только в Англии, Голландии, Польше и отдельных землях Германии. Во многих странах иудеи оказались в положении гонимых. Оставалось терпимым отношение к православию, которое не имело существенного влияния в Западной Европе. Что же касается ислама, религиозных общин национальных меньшинств, неорелигий, то в XIX в. их права на свободное вероисповедание вообще игнорировались. Традиционно вопрос о веротерпимости европейцев в отношении нехристиан возникал только в связи с ростом колониального господства в регионах Ближнего Востока, Индии, Африки, где открытая борьба с исторически сложившимися традиционными религиями не позволила бы выстроить отношения с местными национальными элитами и закрепить свое политическое и экономическое влияние.

В то же время Российское государство унаследовало от средневековой Византии не только православие как цементирующий идеологический фактор, но и принципы построения многоэтничного, многоконфессионального государства, для которого религиозная терпимость являлась основой целостности и могущества². У России, находящейся в центре Евразии, на пересечении культур Запада и Востока, не существовало иного пути развития. В отличие от Западной Европы, где государства были замкнуты в рамках одного или нескольких близких по культуре этносов, расширение границ России в XVIII—XIX вв. требовало не только формирования веротерпимости как мировоззрения в обществе, но и закрепления ее законодательно. Российская империя изначально, с момента своего формирования, рассматривала вновь присоединенные окраинные территории как единое целое в государстве, а не отдаленные покоренные колонии. Следовательно, и выстраивала здесь долговременные отношения, приспособив работу управленческого аппарата, законодательство к особенностям быта, культуры многочисленных народов, включая национальные меньшинства. Наиболее показательным в части государ-

¹ Локк Дж. Послание о веротерпимости. 1686 // Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. 668 с. С. 91—134 ; Вольтер Ф. М. Трактат о терпимости. М. : Эксмо-Пресс, 2016. 128 с. ; Он же. Статьи из «Философского словаря» // Вольтер. Философские сочинения. / пер. с фр. ; Ин-т философии. М. : Наука, 1996. 560 с.

² Нетерпимость на рубеже XVIII—XIX вв. в силу ряда политических особенностей проявлялась только в отношении раскольнических общин, противопоставлявших себя государственной православной церкви — молокан, хлыстов, духоборцев, жидовствующих, адвентистов и пр.

ственно-конфессиональных отношений стал Крымский полуостров, вошедший в состав Российской империи в 1783 г.

Конфессиональная структура Крыма рубежа XVIII—XIX вв., т.е. времени юридического оформления полуострова в составе русского православного государства, остается малоизученной темой. В этот период закладываются основы особенностей государственно-конфессиональных отношений на территории приобретенного края. Причем, в отличие от исторических территорий России, в Крыму конфессиональная структура накладывалась на этническую.

К 1783 г. и в последующие десятилетия на полуострове сформировалось десять основных этноконфессиональных общин, а том числе наиболее крупные и влиятельные мусульманская и грекоправославная Константинопольского патриархата. Причем обе данные общины по составу, несмотря на некоторую этническую окраску, отражавшую исторические условия их формирования, в силу особенностей вероучения включали в себя представителей многочисленных народов, населявших полуостров.

Православная церковь в Крыму была представлена первоначально греческим населением, в меньшей степени потомками готов, болгарями и выкрестами, перешедшими в православие из других религий. Канонически была связана через Константинопольский патриархат с Русской православной церковью. Потери христианского населения, связанные с выселением в 1778 г., постепенно возмещались в результате поощряемой греческой и болгарской эмиграции и расселения добровольцев, участвовавших в русско-турецких войнах на стороне Российской империи³.

После ликвидации Готской епархии Константинопольского патриархата православные общины вошли в структуру Московской патриархии. Единство религиозных догматов и правил литургии беспрепятственно обеспе-

чили религиозным общинам преимущества и защиту государства. Русская православная церковь подчеркивала свое единство с православным миром, крещение в Херсонесе и, как следствие, обосновывала историческую справедливость присоединения полуострова к России⁴. Если в 1783 г. численность православных христиан составляла 27 412 чел, то к 1897 г. выросла до 269 487 человек (49,3 %) ⁵.

Одновременно, выделяется ряд религиозных организаций, имеющих четко выраженную этническую принадлежность. К их числу можно отнести Мусульманскую умму, Армянскую Апостольскую церковь, Армяно-Католическую, Иудейскую, Караимскую и Крымчакскую⁶ общины. Католическая община была представлена преимущественно немцами, австрийцами, поляками и представителями других европейских народов. В связи с политикой активного переселения в Крым немцев и швейцарцев весомую долю в конфессиональной структуре составили протестанты, представленные евангельско-лютеранской общиной и реформаторами. Представители иных более мелких религиозных течений в исследуемый период, были столь малочисленны, что не влияли на культурное развитие края.

Первые статистические сведения по Крыму позволяют охарактеризовать соотношение населения по конфессиональному признаку. В городах и уездах Крымского полуострова, входившего в состав Таврической губернии, в 1803 г. насчитывалось около 188 тыс. жителей обо-его пола, в том числе иноверцев — 88,8 %. Из их числа — большинство мусульмане (80,5 %). В 1849 г. численность населения, включая жителей г. Севастополя, как мы уже отмечали, несколько выросла за счет переселенцев и естественного прироста, составив 339 644 человека без учета военнотружущих гарнизонов⁷. Процент иноверцев в соотношении снизился до 70,8 %. Из них по-прежнему доминирование (66,7 %) сохраняется за мусульманами. Римско-католики (включая армяно-римско-католиков)

³ Сафонов С. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы : исторический очерк // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. С. 205—236.

⁴ Тур В. Г. Крымские православные монастыри XIX — начала XX в. Киев : Сталос, 2006. С. 85—86.

⁵ Родионов М. Статистико-хронологическое описание Таврической епархии : общий и частный обзор. Симферополь, 1872. С. 70 ; Таврическая губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. СПб., 1897. Т. 41. С. 5.

⁶ При переписях населения крымчаков считали вместе с иудеями.

⁷ Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1849. Т. 11. Ч. 2. Таврическая губерния. С. 92—110.

составляли 0,6 %, лютеране и реформаторы из числа переселенцев-колонистов — 0,75 %, армяно-григориане — 1 %, караимы — 1 %. Последователи иудаизма, включая крымчаков, составляли 0,7 % населения⁸.

Существенные изменения в соотношении конфессионального состава Крыма произошли после эмиграции мусульманского населения в 1860-1863 гг. и потерь в результате Крымской войны. На 1 января 1866 г. численность населения Крыма сократилась до 225,5 тыс. человек⁹. В численности и процентном соотношении религиозных общин иностранного исповедания также произошли изменения. Процент иноверцев в целом снизился до 60,2 %. При этом римско-католики (включая армяно-католиков) составляли уже 1,9 %, лютеране и реформаторы — 2,9 %, армяно-григориане — 1,7 %, караимы — 3,3 % и последователи иудаизма, включая крымчаков, — 2,9 % населения. Число мусульман снизилось до 48,5 %¹⁰.

В условиях численного преобладания верующих «иностранного исповедания» в Крыму важной задачей российских властей было юридическое урегулирование отношений с влиятельными общинами «иноверцев». От разрешения данной проблемы зависела дальнейшая политическая ситуация и историческая судьба вновь приобретенной стратегически важной территории Таврики.

Первый шаг по урегулированию проблемы государственно-конфессиональных отношений в Крыму был сделан Екатериной II, которая в Манифесте от 8 апреля 1783 г. гарантировала народам полуострова «...охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную

веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно...»¹¹. С предоставлением льгот связан и именной Указ Новороссийскому генерал-губернатору князю Г. А. Потемкину, в котором сказано: «Мы обыкли спокойствие и благоденствие подвластных нам народов поставлять в главный долг Царствования и верховное Наше утешение, не преминем стараться распространить оные в пользу сих подчиненных ныне скипетру Нашему Императорскому народов, при соблюдении неприкосновенно целости их природной веры. Между начальнейшими распоряжениями возлагаем Мы на вас о доходах учредить таким образом, чтоб в сих новоприкосновенных землях надлежащая подати в казну на нужные по тому краю издержки собираемы были, как то: таможенные, с соли с озер продаваемой, с земли вместо поголовных и десятинных с произрастений, наблюдая оные отнюдь не были в тягость народную. Из сих доходов повелеваем определить надлежащее и нескудное содержание мечетям и служащим в оных, школам их и на другия тому подобные полезные дела; на разныя нужныя публичныя здания и особливо на фонтаны для выгоды народной... В службу воинскую сих новых наших подданных никого без собственной его доброй воли и желания не брать и не принуждать...»¹²

Все последующие императоры продолжали веротерпимую политику на полуострове. Многочисленные акты, регулирующие государственно-конфессиональные отношения, изданные в XVIII — первой половине XIX в., были собраны и систематизированы в отдель-

⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 11. Ч. 2. С. 215—216; Государственный архив Республики Крым. Ф. 26. Канцелярия Таврического губернатора. 1803—1917 гг. Оп. 1. Д. 15040. О доставлении в Министерство внутренних дел ведомости о магометанах за 1845 год. Л. 5, 7.

⁹ Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом. Симферополь, 1867. Вып. 1. С. 270, 352.

¹⁰ Памятная книга Таврической губернии. С. 356.

Приведенные нами цифры, основанные на материалах «Памятной книги...», несколько разнятся с данными Р. А. Старченко (см.: Старченко Р. А. Динамика численности и расселения русских Крыма в XVIII—XIX веках // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2013. Вып. 6. Т. 19. С. 38—41). Это связано с использованием разных источников, а главное, что в его работе в основу положен анализ соотношения по этническому признаку, мы же провели расчеты по конфессиональному.

¹¹ Манифест Екатерины II «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны под Российскую державу» 1783 г. // ПСЗРИ. Собр. 1 (далее — ПСЗРИ-1). Т. 21 (1781—1783 гг.). № 15708.

¹² Указ именной от 28 июля 1783 г., данный Новороссийскому генерал-губернатору князю Потемкину, «О принятии крымских жителей и прочих татарских народов в российское подданство» // ПСЗРИ-1. Т. 21 (1781—1783 гг.). № 15798.

ном томе Свода законов Российской империи в период правления Николая I¹³. В Своде учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных подчеркивается, что «в Российском государстве свобода веры присваивается не только христианам иностранных исповеданий, но и евреям, и магометанам, и язычникам»¹⁴.

Одним из первых документов, регламентирующих устройство, например, мусульманской общины и ее отношение с государственной администрацией, становится Указ от 23 января 1794 г. «О бытии в Таврической области магометанскому духовному правлению, под предводительством муфтия»¹⁵. Указом устанавливалось содержание духовных лиц из государственной казны, утверждался в должности муфтий, однако подробная регламентация деятельности Магометанского духовного правления отсутствовала. В то же время муфтият сохранял право на вакуфы, обеспечивающие средства на содержание духовных учреждений. Только 23 декабря 1831 г. Николай I утвердил «Положение о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащем ведению его делах», где подробно излагались функции Таврического магометанского духовного правления, его деятельность в рамках законов России и штат¹⁶. В структуре мусульманской общины сохранились суды кади, функции которых теперь ограничивались лишь решениями споров внутри общины (уммы) и решением дел в области брачно-семейных отношений и наследования.

Необходимо отметить, что данным актом деятельность муфтия и иных духовных лиц была полностью поставлена под контроль Главного управления духовных дел иностранных исповеданий и губернской администрации. Ярким примером являются сам принцип из-

брания духовных лиц и их права. В частности, для избрания высших лиц из числа мусульманского духовенства в г. Симферополе по распоряжению губернского начальства проводилось собрание, в котором принимали участие лица из числа высшего духовенства (муфтий или кади-эскер), приходские чины (хатибы, имамы и муллы), головы волостей мусульманского вероисповедания или депутаты-мусульмане от волостей, мурзы. Одновременно в собрании принимали участие губернский предводитель дворянства, Таврический гражданский губернатор, один член губернского правления и губернский прокурор. Впрочем, последним, если они не являлись мусульманами, предписывалось только наблюдать за ходом и порядком собрания, не вмешиваясь в сам процесс. В соответствии с Положением на место муфтия или кади-эскера избиралось три кандидата из числа наиболее достойных из мусульман, по традиции. Все они проходили проверку на лояльность государству Российскому: «Губернское правительство собирает верные о сих кандидатах сведения, утверждая и представляя с своей стороны лишь тех, кои по происхождению своему, нравственным своим качеством, поведению и несомненной преданности и престолу и закону будут признаны совершенно благонадежными»¹⁷.

С результатами выборов трех кандидатов на должность муфтия, прилагаемыми послужными списками и мнением губернского начальства, главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий знакомил императора. Только после этого один из кандидатов утверждался в звании Высочайшим именованным указом. Аналогично под контролем чиновников более низкого ранга проходили выборы на иные духовные должности. Учитывая, что постоянный и непосредственный контакт с прихожанами осуществляли муллы, имперские

¹³ Собрание законов Российской империи (далее — СЗРИ). Т. 11. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857. 264 с.

¹⁴ Уставы духовных дел иностранных исповеданий // СЗРИ. Т. 11. Ч. 1. СПб., 1857. Ст. 3.

¹⁵ Указ от 23 января 1794 г. «О бытии в Таврической области магометанскому духовному правлению, под предводительством муфтия» // ПСЗРИ-1. Т. 23 (1789 — 6 ноября 1796 г.). № 17174.

¹⁶ Положение о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащем ведению его делах // ПСЗРИ. Собр. 2 (далее — ПСЗРИ-2). СПб., 1832. Т. 6. Ч. 2 (1831 г.). № 5033 ; О защите и охране лиц и имущества древних обитателей Тавриды (татар и др. наций) и об учреждении комиссии для разбора старинных земельных дел. 15 сентября 1796 — 15 января 1800 // Канцелярия Таврического областного правления. Ф. 799. Оп. 1. Д. 445. Л. 3.

¹⁷ Об учреждении Таврического магометанского духовного правления // Государственный архив Республики Крым. Ф. 26. Оп. 1. Д. № 7376. Л. 9.

власти наиболее внимательно контролировали их деятельность. Кроме выборов и утверждения в должности на уровне губернатора, обязательной присяги на верность императору, оговаривалось, что муллами могли быть только выходцы из Таврического магометанского духовенства, «по происхождению из его сосояния», что не позволяло проникнуть в данную среду лицам из соседних кавказских регионов или Османского государства¹⁸. Особо оговаривалась численность мулл при мечетях из расчета один мулла на 200—1 500 верующих мужского пола, имеющих образование не ниже гимназии и в возрасте не моложе 22 лет¹⁹.

Таким образом, в состав мусульманского духовенства попадали только лица, лояльные российской власти. В целом же Положение обеспечивало законность полицейского контроля деятельности мусульманской общины со стороны губернских чиновников. Следует предположить, что данный контроль осуществлялся через ряд должностных лиц муфтията. Например, секретарь Таврического магометанского духовного правления, должность которого не была связана с духовным званием, избирался губернским правительством, по представлению губернатора и утверждается Главным управлением духовных дел иностранных исповеданий. Иные чиновники и служащие канцелярии назначались и увольнялись губернским правительством по представлению духовного правления. На секретаря возлагались функции контроля за соблюдением законов и данного Положения. Таким образом, судя по обязанностям, секретарь Магометанского духовного правления фактически являлся государственным чиновником.

В более поздних вариантах Положений 1857 и 1897 гг. принципиальных изменений в части выборов не последовало, за исключением дополнительного требования к кандидатам — знание русского языка.

Контроль за деятельностью духовных мусульманских учреждений, который мог вызвать недовольство, компенсировался их содержанием, включая довольно крупные должностные оклады священнослужителей

из государственной казны, освобождение от налогов и существенные льготы в области налогообложения в целом всех «таврических мусульман». Одновременно в Положении, как мы отмечаем, широко оговаривались права мусульманского духовенства. Им принадлежало неограниченное право определять порядок богослужения, проведения обрядов, управление мечетями, текие, медресе и вакуфными землями. Соответственно, в вопросах, касающихся религии и культа, они также оставались независимы.

Само Положение, если учесть, что речь идет о первой половине XIX в., бесспорно, было прогрессивным даже для Европы. Уникальным, на наш взгляд, было то, что в нем оговаривалось сохранение таких традиционных мусульманских институтов, как суды кадията, предусматривались должности кадия и регулировалась деятельность мусульманских судов параллельно со светской судебной системой Российской империи.

В частности, в § 4 отмечается, что «Таврическое магометанское духовенство имеет право также рассматривать и решать по своему закону дела о частной собственности, возникающие по завещаниям, или при разделе имений между наследниками, но тогда только, когда участвующие в сих делах магометане просят о сем и примут беспрекословно объявленное им решение. Разделы, в сем случае совершаемые, утверждаются в надлежащем присутственном месте». В § 14 и 17 среди высшего духовенства упоминаются не только муфтий и кади-эскер, но и кадии Симферопольского, Феодосийского, Перекопского, Евпаторийского и Ногайского уездов. «Уездные кадии рассматривают и решают все возникающие в порученных им уездах или округах дела по определенному в сем положении порядку, на основании духовных магометанских законов». Основные направления духовно-юридической практики Правления нашли отражение и в Уставах 1857, 1896 и 1913 гг.²⁰ В соответствии с ними в ведении Духовного правления находились дела о заключении и расторжении браков, о неповиновении детей родителям,

¹⁸ Тур В. Г. Привилегии мусульман Таврической губернии (по архивным материалам XIX в.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь : КО ИВ НАНУ, 2007. № 13. С. 504—506.

¹⁹ Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX в. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 103.

²⁰ Хутько Т. В. Магометанский духовный суд в Таврической губернии (конец XVIII — первая половина XIX ст.) // Проблемы законности. 2013. № 124.

о спорах по завещаниям и разделе наследства. Дела разбирались исходя из положений шариата в рамках, предоставленных российскими властями. Собственно, в Духовном правлении дела рассматривались после их предоставления хатибами, имамами, муллами или обществами только после предварительного заключения кадий в уездах.

Если учесть, что шариат в исламе тотален по своему значению и регламентирует всю жизнь мусульманина, то признание за кадиями права решать на основе мусульманского права гражданские споры среди верующих подчеркивает исключительное уважение российских властей к обычаям, религиозным нормам мусульман. Тем более, что регулированию правовых отношений в исламе уделяется особое внимание. Так, например, большинство так называемых мединских аятов в Коране и другие источники в шариате посвящены урегулированию именно правовых отношений.

Следует оговорить, что Положение предполагало только добровольное желание подданных. В обратном случае или если юридические проблемы выходили за пределы указанных выше отношений, все подданные Таврической губернии, независимо от вероисповедания, в делах гражданских, административных и уголовных подпадали под действие общих законов России. За государственными органами сохранялось право высшей инстанции в спорах, если поступали жалобы на деятельность Таврического магометанского духовного правления или духовенства.

При этом мусульманскому духовенству были предоставлены судебные преимущества. Если мусульмане, избранные на духовные должности, подвергались суду гражданского, то дела, касающиеся муфтия и кади-эскера, рассматривались на уровне Сената, а решение (приговор) утверждалось непосредственно императором, уездные кадии подлежали суду Уголовной палаты, а приговор утверждался Сенатом. Только дела, касающиеся приходских чинов, рассматривались в уездном суде и, поступив в Уголовную палату, утверждались на общем основании. Таким образом, высшее духовенство было защищено от возможного давления и произво-

ла со стороны местных властей. Соответственно, все лица, имеющие духовное звание, не могли подвергаться телесным наказаниям.

Упомянутым Положением оговаривались правила пользования и строительства культовых, связанных с культом и религиозными традициями зданий. Одновременно данный вопрос регламентировался Уставом строительным 1836 г.²¹ В частности, Таврическое магометанское духовное правление отвечало за должное содержание мечетей и мусульманских учебных заведений. Однако строение новых мечетей допускалось только с разрешения губернского правительства. При этом учитывались следующие нормы и требования: наличие у общины проекта здания и должных средств как на строительство, так и на содержание. Основанием для разрешения строительства являлось проживание не менее 300 верующих-мусульман или не менее 200 верующих мужчин. При этом, если в селении был христианский храм, проект должен был согласовываться с епархиальным правлением, что позволяло избежать проблем во время культовых мероприятий. Что касается мусульманских учебных заведений, то они могли создаваться в каждом населенном пункте независимо от численности его населения, но при наличии согласия общества и средств на их содержание.

Кроме того, в Положении о Таврическом магометанском духовном правлении подробно расписывается порядок принятия решений, отчетности, делопроизводства. Надо отметить, что права мусульман не только не уступали, но во многом превосходили права даже христианского населения Крыма. В документе неоднократно упоминается об особых правах, дарованных императорской властью таврическому татарскому народу.

Для изучения истории мусульман Крыма и их правового положения в составе Российской империи представляет интерес группа сохранившихся архивных документов, касающихся льготного налогообложения и повинностей крымских татар-мусульман в конце XVIII — начале XIX в. Данные материалы оказались среди материалов канцелярии таврического губернатора²². Судя по докладу таврического граждан-

²¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 82. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 8 (1833—1914 гг.). Иудейское и магометанское исповедание. Д. 743. Л. 27—28.

²² О прибытии гражданского губернатора в Одессу, для представления императору мнения по случаю обложения татар податями и о смерти его, губернатора, постигшей на пути в Армянском базаре // Государственный архив Республики Крым. Ф. 26. Оп. 1. Д. № 5376. Л. 7—10.

ского губернатора А. Н. Баранова, к 1821 г. подати, взимаемые с крымских татар-мусульман, были значительно сокращены даже по сравнению с указами Екатерины II. Они ограничивались сборами на отопление войск, дислоцированных на территории губернии. Так, проводя сравнительный анализ размера податей, собираемых с различных категорий жителей, губернатор писал, что с казенных русских крестьян собирается подать подушная, оброчная, на устройство больниц, государственных дорог, а также развитие судоходства на общую сумму 11 руб. 30 коп. Кроме того, поселяне и крестьяне несли подушные денежные повинности на поддержание перевозов, дорог и устройство верстовых столбов (22¼ коп.), содержание почт (95¼ коп.), канцелярии предводителя дворянства (81 коп.), волостных правлений и судов (20% — 32¼ коп.). В общей сложности денежная подать с поселян и государственных крестьян, по нашим подсчетам, составляла более 13 руб. 60 коп. Кроме того, с 1821 г. дополнительно вводились сборы на ремонт и строительство воинских зданий, ремонт мостов и иных общественных сооружений, освещение караульных постов на общую сумму 99½ коп. При этом только сборы на содержание волостных правлений были сокращены до 18¼ коп., не считая рекрутской и постоянной повинностей. Например, только на содержание каждого рекрута в губернии крестьяне вносили сумму в 1 000 руб.

Между тем крымские татары-мусульмане выплачивали со всего двора (так как подушная подать воспринималась как признак рабства и не допускалась шариатом) единственную подать на отопление войск в сумме 2 руб. 50¼ коп., были освобождены от постоянной, рекрутской и иных повинностей. Если исходить из того, что в среднем татарская семья насчитывала не менее трех мужчин, даже не учитывая упомянутые повинности, сумма подушного сбора была почти в 17 раз меньше, чем представителей иных народов и вероисповеданий.

Таким образом, российским законодательством были предоставлены достаточно широкие права таврическому мусульманскому ду-

ховенству, а мусульманское население Крыма пользовалось обширными льготами.

Говоря о католических общинах Крыма, которые существовали на полуострове на момент его присоединения к России, следует отметить, что таковой являлась только армяно-католическая, которая требовала адаптации к правовой системе Российской империи. Миссия ордена иезуитов была ликвидирована еще в 1740 г.²³ Кроме армяно-католиков, остальные представители католического сообщества появились на полуострове в процессе его освоения при Екатерине II и ее преемниках. После восстаний в Польше 1830—1860-х гг. в Крыму число католиков выросло за счет ссыльных или беглых поляков.

Стремление российского правительства расширять контакты со странами Европы определяло терпимое отношение к католическим религиозным общинам в империи. Манифестом Екатерины II от 30 октября 1794 г. католики получили права на неограниченное публичное вероисповедание и законное владение своим имуществом. Как и в большинстве конфессий иностранных вероисповеданий, священники содержались за счет государственных средств и обязались давать присягу на верность и подданническое повиновение²⁴.

Однако национально-освободительное движение в Польше, поддержанное католическими священниками, изменило ситуацию в сторону ужесточения контроля государства за деятельностью российской католической церкви и сокращения ее контактов с Римской курией. С целью ослабления влияния папы на российские католические общины в 1782 г. была открыта Белорусская (Могилевская) католическая архиепископия во главе с С. Сестренцевичем, при котором учреждалась консистория. Под давлением России папа 10 декабря 1783 г. был вынужден возвести С. Сестренцевича в ранг архиепископа, а позднее в сан митрополита. В 1798 г. был утвержден «Регламент для церквей и монастырей римско-католического исповедания в России», которым они были переподчинены архиереям, что противоречило правилам римско-католической церкви²⁵.

²³ Мурзакевич Н. Н. Пребывание иезуитов в Крыму // Записки Одесского общества истории и древностей. 1860. Т. 4. С. 466—467.

²⁴ Указ «О разделении Великого княжества Литовского на три части и образе управления оными» // ПСЗРИ-1. Т. 23 (1789 — 6 ноября 1796 г.). № 17264.

²⁵ Регламент для церквей и монастырей римо-католического исповедания в России // ПСЗРИ-1. Т. 25 (1798—1799 гг.). № 18733—18734.

Немногочисленные католические общины Таврической губернии не имели своего центра и были оторваны от непосредственного влияния митрополии. Только при Николае I Риму удается добиться от российских властей учреждения новой епископской кафедры с центром в Херсоне, которая должна была объединить многочисленные католические общины немецких и польских колонистов, сосредоточенных в Саратовской, Новороссийской и Таврической губерниях, Бессарабии и на Кавказе. Однако открытие кафедры в Херсоне вызвало бурное противодействие православного архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия, опасавшегося усиления католического влияния в регионе. Ему удалось добиться переноса кафедры католического епископа в небольшой городок Тирасполь, где, как оказалось, отсутствовал даже католический приход.

Назначение первого Херсонского (Тираспольского) епископа Фердинанда Кана произошло 20 (или 24) мая 1850 г. с согласия российского императора. Причем им была принесена архиерейская присяга, обычная для имперской России, когда главой религиозной общины в целом признавался правитель государства. Осенью 1852 г. понтифик официально переименовал епархию в Тираспольскую, но ее центром городок так и не стал. Ф. Кан для устройства епископской кафедры избрал город Саратов, где существовали крупные немецкая и польская католические общины²⁶. В то же время определенное недоверие к римско-католическому духовенству сохранялось. Это следует из ст. 47 «Свода учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных». Отмечалось, что «никакие буллы, послания и наставления римского двора не могут быть приводимы в действие в империи, Царстве Польском и Великом княжестве Финляндском без Высочайшего Его Императорского Величества разрешения, испрашиваемого министром внутренних дел по предварительному удостоверению, что сии акты не заключают в себе ни-

чего противного государственным постановлениям и священным правам и преимуществам Верховной самодержавной власти».

Все римско-католического исповедания епархиальные управления и духовенство, кафедральное, приходское, монастырское и служащее в разных частях гражданского, военного и морского управления, получали содержание из государственного казначейства, и из процентов особого, в ведении министра внутренних дел состоящего капитала, по штатам и другим положениям «сообразно с потребностями места и лиц и приличное сану и степени каждого». На должности назначались только российско-подданные, получившие соответствующее богословское образование, а в ряде случаев и ученую степень²⁷. Интересно, что в разделе «О управлении духовных дел христиан римско-католического исповедания» было подчеркнуто, что «...лицам римско-католического духовенства строго запрещено в своих поучениях, произносимых в церквях, касаться предметов политических, даже в общих выражениях, или издавать сочинения о делах политических и особенно об относящихся до внутреннего государственного правления»²⁸. Католические монастыри не могли использовать земли, населенные крепостными иного вероисповедания, а духовенству было запрещено пересылать за границу свои сбережения из полученных доходов²⁹.

В то же время аналогично с православными и мусульманами римско-католические священнослужители получили широкие полномочия в судебной практике. В их ведении были не только дела внутрицерковные, они также рассматривали жалобы на духовных и светских лиц, если таковые поступали в консисторию, решали спорные дела между духовными лицами, касающиеся движимых или недвижимых имуществ, в отношении светских лиц — семейно-брачные дела и дела наследования. Если же рассматриваемое дело выходило за рамки предусмотренных Уставом наказаний церковных и морально-нравственных, то оно

²⁶ Кумор Б. Российский конкордат от 3 августа 1847 г. и создание Тираспольской епархии // Чаплинский Б. История церкви в России. СПб., 2000. С. 124—128; Лиценбергер О. А. Римско-католическая и Евангелически-лютеранская церковь в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII — нач. XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005. 488 с.

²⁷ Уставы духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. СПб., 1857. Ст. 47, 49, 91.

²⁸ Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 54.

²⁹ Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 91, 112.

передавалось в светский суд с обязательным участием в процессе депутата от римско-католического духовенства³⁰.

Армяно-католики Крыма были подчинены российским католическим иерархам латинского обряда. Еще в 1778 г. вместе с другими христианами они покинули Крымский полуостров³¹. Высочайшей грамотой от 14 ноября 1779 г. им были предоставлены широкие льготы при размещении в г. Новомосковске Екатеринославской губернии и иных местах компактного проживания³². Этим же актом предписывалось «учредить ратушу, которую назвать католическим судом». В 1780 г. был создан Новомосковский римского закона суд. Таким образом, армяно-католическая община получила право «в нем производить суд и расправу по вашим правам и обыкновениям избираемыми из вас по жребию начальниками, коим и пользоваться чинами и жалованием по штату Азовской губернии, и быть под апелляцией наместнического правления»³³. Однако уже в 1787 г. большинство армяно-католических семей вместе с православными греками и прихожанами Армянской апостольской церкви получили официальное разрешение от правителя Таврической области Г. А. Потемкина вернуться в Крым. Из рапорта Новомосковского римского закона суда от 15 сентября 1789 г. следует, что Указом Екатеринославского наместнического правления «велено оному суду жительствующим в г. Новомосковске армян переселить в Таврическую область»³⁴. Общая численность переселенцев составила 796 человек, из них католиков 348. К 1800 г. числен-

ность Карасубазарской армяно-католической общины выросла до 1 100 чел, а к концу XIX в. насчитывала около 11 тыс. человек³⁵.

Переселенцы, вернувшись на родину, были размещены в Карасубазаре, где был учрежден Армянский магистрат и Суд римско-католического закона³⁶. Оба учреждения выполняли роль органов самоуправления. В частности, Карасубазарский римско-католический суд с момента его открытия находился в прямом подчинении Таврического областного правления и Таврической казенной палаты, что наделяло его особым статусом. Члены магистрата и суда содержались из казны государства, в отличие от аналогичного учреждения армяно-григориан в Старом Крыму. Актом от 12 июня 1800 г. (№ 2974) предписывалось, что «города Карасубазара жителей римско-католического закона купцов и мещан на основании высочайшей грамоты от покойной государыни императрицы Екатерины II в 14 день ноября 1779 г. на разные права и преимущества им пожалованной и Его Императорским Величеством в 18 день апреля 1800 г. утвержденной... под ведением и правлением сего суда находиться, который один имеет над ними во всем свои распоряжения, не входит никто из прочих тамошних жителей греческого, татарского, еврейского и другого звания в их дела... и к повинностям не привлекались»³⁷. Армяно-католическая община, подведомственная Карасубазарскому римско-католическому суду, таким образом, получала обширные привилегии. Однако льготы на выплату податей и отправление повинностей

³⁰ Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 60, 64.

³¹ Тур В. Г. Особенности возрождения армяно-католической общины Карасубазара в конце XVIII в. // МАИЭТ. 2009. № 15. С. 564.

³² Жалованная грамота вышедшим из Крыма христианам римско-католического закона в Азовскую губернию на поселение // ПСЗРИ-1. Т. 20 (1775—1780 гг.). № 14943.

³³ Ревин К. И. Возникновение и деятельность Карасубазарского римско-католического суда // Кримський юридичний вісник. 2010. № 1 (8). Ч. 2. С. 277—286.

³⁴ Дело о переселении армян // Государственный архив Республики Крым. Ф. 799. Оп. 1. Д. 191. Л. 1. С. 59—64.

³⁵ Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом. Симферополь, 1897. С. 116.

³⁶ Об учреждении судов в завоеванных местах Екатеринославской губернии греками, армянами и католиками и о штате чинов для отправления пограничных дел // ПСЗРИ-1. Т. 21 (1781—1783 гг.). № 15700; Хутько Т. В. Основные направления деятельности Карасубазарского римско-католического суда // Ученые записки Таврического нац. ун-та имени В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2012. Т. 25 (64). № 1. С. 332—341.

³⁷ О пожалованных Карасубазарскому обществу привилегий на право преимущества города Карасубазара // Государственный архив Республики Крым. Ф. 179. Оп. 1. Д. 51. Л. 11—12.

распространялись на «людей, причислившихся к Карасубазарскому армяно-католическому закону обществу до 30 января 1804 г.», что следует из доклада на Государственном совете министра юстиции графа В. Н. Панина от 9 сентября 1852 г.³⁸ Кроме исполнения судебных функций, данное учреждение наделялось правом выдачи свидетельств на право торговли и промыслов, билетов на торговые и промышленные заведения купцам и мещанам армяно-католического вероисповедания, а также паспортов для выезда из области сроком до года. Отчеты предоставлялись в губернскую канцелярию. К области фискальной деятельности суда относился сбор налогов и податей, предусмотренных законом³⁹. Таким образом, армяно-католики Крыма, как и таврические мусульмане, получили право иметь органы самоуправления, которые во многом регламентировали деятельность общины.

Армяно-григорианской общине (Армянская апостольская церковь) во время переселения в 1778 г. также были выделены земли в районе Екатеринослава. Тем не менее из-за их малопригодности к ведению традиционного хозяйства армяне массово переселились в низовья Дона, основав там город Нор-Нахичеван. В последующем часть армяно-григориан, как и армяно-католиков, возвратилась в Крым. Центром их заселения в начале XIX в. становится Старый Крым. Рядом находилась и святыня армян — древний монастырь Сурб-Хач. К середине XIX в. численность армяно-григорианской общины увеличилась до 4 тыс. человек. Старокрымская община пользовалась правом внутреннего самоуправления, предоставленного грамотами 1779 и 1799 гг. Учитывая, что среди армянского населения Таврической губернии значительное число составляли ремесленники и купцы, со временем армяно-григориане расселяются по наиболее крупным городам Крыма, прежде всего в Феодосии, Евпатории и Симферополе⁴⁰.

С 1812 г. в Крыму была учреждена должность наместника католика всех армян, а сама община включена в состав Нахичевано-Бессарабской армяно-григорианской епархии⁴¹. Но уже в 1842 г. вместо наместника католика в Крыму вводится должность главного попечителя крымских армянских церквей.

В Старом Крыму 28 июля 1808 г. в соответствии с грамотой Павла I, по аналогу с Карасубазаром, также была открыта армянская городская ратуша. Это позволило «учредить собственный армянский суд под именем магистрата и в нем рассматривать и решать дела тяжёлые и исковые на армянском языке по прежнему народа сего правам и обыкновениям...»⁴². Деятельность членов ратуши осуществлялась на общественных началах. Из средств общины оплачивалась лишь работа писаря, двух канцелярских служащих, рассыльного и сторожа.

Армяно-григорианская и армяно-католическая ратуши являлись органами внутреннего самоуправления. Правомочность ратуш и судов ограничивалась лишь обществами в Старом Крыму и Карасубазаре. Она не распространялась на армянские общины, возникшие в других городах Крыма. Таким образом, самые крупные общины армяно-григориан и армяно-католиков Крыма в местах их компактного проживания, как и таврические мусульмане, получили право иметь органы самоуправления, которые во многом регламентировали их деятельность.

В части межконфессиональных отношений между двумя армянскими общинами следует упомянуть о группе документов, относящихся к 1793 г. Прежде всего это переписка Иосифа, архиепископа всех армян Апостольской церкви в России, с чиновниками различных рангов. Основная задача этих писем — добиться поддержки государственным аппаратом в вопросе недопущения принятия католицизма армянами Апостольской церкви. В письмах отмечает-

³⁸ Дело о представлении в Таврическую казенную палату именного списка всех мещан-армян, причисленных в ведомство Карасубазарского римско-католического суда до 1804 г. // Государственный архив Республики Крым. Ф. 179. Оп. 1. Д. 340. Л. 1—2.

³⁹ Материалы о работе римско-католического суда за 1864 г. // ГАРК. Ф. 179. Оп. 1. Д. 293. Л. 106.

⁴⁰ Тур В. Г. Религиозные общины Крыма первой половины XIX века: численность и правовое положение // Судакский Парнас-III : Международная историко-краеведческая литературная конференция 10—14 сентября 2016 г. Итоги. Феодосия, 2016. С. 6—23.

⁴¹ Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 961.

⁴² Жалованная грамота на права, преимущества и вольности Обществу армян Старого Крыма // ПСЗРИ-1. Т. 25 (1798—1799 гг.). № 19168.

ся расширяющаяся практика перехода армян из Апостольской церкви в армяно-католическую и требование — препятствовать этим тенденциям, вплоть до высылки за пределы Крыма лиц, принявших католицизм⁴³.

В результате переселенческой политики в первой половине XIX в. конфессиональный состав Крыма пополнился протестантскими общинами Евангельско-лютеранской и Реформаторской церквей, которые в основном были представлены колонистами из Германии и Швейцарии. Пользуясь значительными экономическими льготами от российского правительства, правом на самоуправление, освобождением от рекрутской повинности и иными преимуществами, им удалось создать целый ряд преуспевающих хозяйств. В Манифесте от 13 февраля 1798 г. «О установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании разных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам» подчеркивалось: «Всем переселенцам, какого бы закона ни были, дозволяется в городах и селах строить храмы и церкви для богослужения по обряду каждой религии, заводить школы и училища для наставления юношества...»⁴⁴. Вопреки пожеланию Екатерины II прежде всего заселить города Феодосию и Евпаторию, переселенцы предпочли районы предгорья и побережья. Возникло восемь колоний в Симферопольском (Нейзац, Фриденталь, Розенталь, Кроненталь) и Феодосийском (Гейльбрун, Су-дак, Герценберг, Цюрихталь) уездах.

В то же время, в отличие от других конфессий, протестанты не имели на полуострове этнических корней и не могли претендовать на какие-либо преимущества в религиозной сфере. Деятельность религиозных общин колонистов регулировалась Уставом Евангельско-лютеранской церкви и Постановлением «О управлении духовных дел евангельско-реформатских обществ»⁴⁵. Таврические приходы входили в округ Санкт-Петербургской консистории⁴⁶. Что до выборных в общинах

проповедников, то они пользовались правами личного дворянства, но могли быть только из подданных Российского государства, принявших соответствующую присягу.

Общины реформаторской церкви, в соответствии с постановлением, были подчинены Вилленскому евангельско-реформаторскому синоду и коллегии. Пасторы и старосты общин были выборными и пользовались более широкой внутрицерковной самостоятельностью⁴⁷.

Протестантские институты, наряду с самоуправлением, получили право суда по делам внутриконфессиональным, семейно-брачным и иным вопросам морально-этических отношений в общине. В Уставе была выделена гл. 8 «О судопроизводстве в консисториях», в которой подробно дается перечень преступлений и нарушений, которые могут рассматривать комиссии, уточняется, какие дела передаются в присутственные места, подробно расписаны процессуальные нормы ведения следствия и суда как по внутрицерковным делам, так и по частным заявлениям и жалобам.

В то же время протестантским проповедникам и пасторам, аналогично духовенству католическому, предписывалось «в речах своих всемерно избегать неуместных рассуждений о предметах, не касающихся религии, особенно же о современных политических происшествиях и принимаемых по оным правительством мерах, и не дозволять себе никаких укоризненных выражений насчет других вер и народов». Духовным и светским лицам из числа протестантских общин предписывалось чтобы «не дозволяли себе нарушать, каким бы то ни было образом, доброго согласия с прочими, в государстве свободно существующими религиями»⁴⁸.

Иудаизм в Крыму был представлен тремя основными этноконфессиональными группами: евреями, исповедующими традиционный иудаизм раввинитской ветви, крымчаками и караимами. Первая группа евреев-раввинистов на протяжении веков сформировалась из

⁴³ О запрещении армянам переходить в католичество // Государственный архив Республики Крым. Ф. 799. Канцелярия Таврического областного правления. Оп. 1. Д. № 323. Л. 1—28.

⁴⁴ О установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании различных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам // ПСЗРИ-1. Т. 25 (1798—1799 гг.). № 18373.

⁴⁵ Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Книга 2. О управлении духовных дел христиан протестантского исповедания.

⁴⁶ Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 434.

⁴⁷ Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 795—800.

⁴⁸ Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 675, 670.

переселенцев, прежде всего из Европы. После присоединения полуострова к России община пополнилась за счет так называемых польских евреев. Второй группой являются крымчаки — субэтническая тюркоязычная группа, которая также исповедовала иудаизм раввинитского толка. Крымчакская община имеет в Крыму более древние корни, сформировалась из многочисленных переселенцев. В отличие от традиционного иудаизма, имела общий для крымских общин молитвенник, получивший название «Молитвенник ритуала Кафы». Представители обеих общин проживали, как правило, в городах. Но крымчакская община в основном была сосредоточена в Карасубазаре. Несмотря на многие общие черты, как в происхождении, так и в религиозной догматике, данные общины, как правило, не смешивались. В то же время в Российском государстве различий между ними не делалось. Обе общины попадали под действие Положения о евреях, утвержденного 13 апреля 1835 г.⁴⁹ Роль крымчакской общины как некоего единого социального организма в конце XVIII — XIX в. разрушается. В Карасубазаре, где была сосредоточена основная часть крымчаков, было учреждено Карасубазарское еврейское мещанское общество, представленное в городской ратуше бургомистром и ратманом⁵⁰. Попытки получить привилегии крымчакской общине по образцу караимов завершились неудачей, и они оставались в равных правах с иудеями-раввинистами, в основном выходцами из Польши, несмотря на различия языка и элементов культа⁵¹.

В отличие от иудеев-раввинистов, более крупной общине караимов удалось добиться от российских властей признания их отличия от иных групп, исповедующих иудаизм. При этом одним из основных аргументов являлся факт непризнания Талмуда. Еще в 1795 г. Екатерина II освободила караимов, число которых к этому времени достигало 2 400 человек, от уплаты наложенного на евреев налога и разрешила приобретение земельной собственности.

В частности, они были освобождены от сбора рекрутских денег, был облегчен постой⁵². Кроме того, в Указе предписывается четко отделять караимов от евреев. Неравенство перед законом положило начало процессу отчуждения между общинами, которые были близки по вере. В 1827 г. караимы Крыма были освобождены от воинской повинности. Всего к середине XIX в. в Таврической губернии уже проживало около 5 тыс. караимов. По аналогии с крымскими мусульманами было создано Таврическое караимское духовное правление во главе с гахамом. 8 апреля 1863 г. был принят новый закон, в котором оговаривалось, что «караимы, находясь под покровительством общих законов Российской империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским поданным, смотря по состоянию к которому кто из них принадлежит»⁵³. Несмотря на различия, следует отметить, что в вопросах вероисповедания и культовой практики иудеи из числа евреев-раввинистов, крымчаков и караимов не имели ограничений, пользовались равными правами с иными религиозными общинами иностранных вероисповеданий, что определялось законодательством⁵⁴.

Подводя итоги, следует отметить, что, несмотря на то, что Свод законов Российской империи содержал более тысячи статей, охранявших права «первенствующей» Православной церкви, после присоединения Крыма к России правительство проводило в Таврической области, а позже губернии, гибкую этноконфессиональную политику в отношении преобладавших по численности «иноверцев». Екатерина II строго придерживалась данных обязательств сохранять обычаи, веру и храмы жителей Крыма. С этой целью для мусульман и караимов учреждались духовные правления, для армянских этнорелигиозных общин — магистраты. Перечисленные структуры наделялись многочисленными функциями, включая даже судебное производство в рамках внутриконфессиональных вопросов и регулирования

⁴⁹ Высочайше утвержденное Положение о евреях. 13 апреля 1835 г. // ПСЗРИ-2. СПб., 1856. Т. 10. № 8054.

⁵⁰ Ачкинази И. В. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. Симферополь: Дар, 2000. С. 82.

⁵¹ Ачкинази И. В. Указ. соч. С. 87—89.

⁵² Об увольнении таврических евреев, именуемых караимы, от положенных на всех вообще евреев двойных податей // ПСЗРИ-1. Т. 23 (1789 — 6 ноября 1796 г.). № 17340.

⁵³ Прохоров Д. А. Караимское население Таврической губернии в конце XVIII — начале XX в. // Таврические студии. 2011. Вып. 1.

⁵⁴ Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Книга 4. О управлении духовных дел евреев. Ст. 1060—1116.

гражданских правоотношений. В ряде случаев в юрисдикцию этих судов входили даже отдельные аспекты коммерческой деятельности. Таким образом, этнорелигиозные общины, сформировавшиеся в Крыму до присоединения к России, во многом сохранили более широкие формы самоуправления и привилегии по сравнению с иными регионами Российской империи.

Одновременно российское законодательство наделило католические и протестантские общины, имевшие центры за пределами полуострова, и сформировавшиеся уже в конце XVIII — начале XIX в., также рядом привилегий, способствовавших притоку колонистов и экономическому развитию полуострова. Священнослужители крупнейших общин находились на государственном обеспечении или им предоставлялись льготы в рамках социального положения. Фактически в вопросах права на свободу вероисповедания и осуществления

культы между религиозными организациями иностранного исповедания принципиальных различий не существовало. Правительство России в Крыму демонстрировало религиозную терпимость и толерантность.

Вместе с тем императорская власть требовала от священнослужителей присяги на верность, строгого подчинения государственным учреждениям и осуществляла всесторонний контроль над деятельностью религиозных организаций, регламентировала порядок выборов, отчетность и даже переписку. Следует подчеркнуть, что благодаря столь продуманной российской политике в религиозной сфере, на протяжении XIX в. в Крыму фактически отсутствовали как межконфессиональные, так и государственно-конфессиональные конфликты. Если таковые и возникали, то были связаны с социальными или внешнеполитическими событиями, но без религиозной составляющей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ачкинази И. В. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. — Симферополь : Дар, 2000. — 192 с.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. — СПб., 1849. — Т. 1. — Ч. 2 : Таврическая губерния. — 298 с.
3. Вольтер Ф. М. Трактат о терпимости. — Серия «Великие идеи». — М. : Эксмо-Пресс, 2016. — 128 с.
4. Вольтер Ф. М. Статьи из «Философского словаря» // Философские сочинения / пер. с фр. ; Ин-т философии. — Серия «Памятники философской мысли». — М. : Наука, 1996. — 560 с.
5. Кумор Б. Российский конкордат от 3 августа 1847 г. и создание Тираспольской епархии // Чаплинский Б. История церкви в России. — СПб., 2000. — С. 124—128.
6. Лиценбергер О. А. Римско-католическая и Евангелически-лютеранская церковь в России : сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII — начало XX в.) : дис. д-ра ист. наук. — Саратов, 2005. — 488 с.
7. Локк Дж. Послание о веротерпимости. 1686 // Сочинения : в 3 т. — М. : Мысль, 1988. — Т. 3. — 668 с.
8. Мурзакевич Н. Н. Пребывание иезуитов в Крыму // Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1860. — Т. 4. — С. 466—467.
9. Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом. — Вып. 1. — Симферополь, 1867. — 520 с. ; 1897. — 208 с.
10. Прохоров Д. А. Караимское население Таврической губернии в конце XVIII — начале XX в. // Таврические студии. — 2011. — Вып. 1.
11. Ревин К. И. Возникновение и деятельность Карасубазарского римско-католического суда // Кримський юридичний вісник. — 2010. — № 1 (8). — Ч. 2. — С. 277—286.
12. Родионов М. Статистико-хронологическое описание Таврической епархии : общий и частный обзор. — Симферополь, 1872. — 269 с.
13. Сафонов С. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы : исторический очерк // Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1844. — Т. 1. — С. 205—236.
14. Старченко Р. А. Динамика численности и расселения русских Крыма в XVIII—XIX веках // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. — 2013. — Вып. 6. — Т. 19. — С. 38—41.
15. Таврическая губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. — СПб., 1897. — Т. 41. — 344 с.

16. Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX в. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. — 368 с.
17. Хутько Т. В. Магометанский духовный суд в Таврической губернии (конец XVIII — первая половина XIX ст.) // Проблемы законности. — 2013. — № 124.
18. Хутько Т. В. Основные направления деятельности Карасубазарского римско-католического суда // Ученые записки Таврического нац. ун-та имени В. И. Вернадского. — Серия «Юридические науки». — 2012. — Т. 25 (64). — № 1. — С. 332—341.

Материал поступил в редакцию 5 января 2017 г.

STATE CONFESSIONAL RELATIONS IN CRIMEA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

TUR Viktor Grigor'evich — PhD in History, Senior Researcher, Honored Worker of Education of the Republic of Crimea, Associate Professor of the Department of State and Law Theory and History of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice (RGUP)
vgtur@mail.ru
295006, Russia, Crimea, Simferopol, ul. Pavlenko, d. 5, kv. 310

Abstract. *Due to the annexation of the Crimea to Russia in 1783, the peninsula saw a problem of the peaceful integration of the population in the legal field of the Empire. Considering that the peninsula of the end of XVIII — first half of the XIX centuries can be characterized by the dominance of the communities of the so-called religions of “foreign confessions”, the peace and prosperity on the peninsula largely depended on good legislative solutions in the field of government/religious relationship.*

Among the first acts of 1783, which laid the foundation of interethnic and interfaith peace, there was a Manifesto of Catherine II “On the Adoption of the Crimean Peninsula, Taman’ Island and whole Kuban’ to the Russian State” and the Decree for the name of the Novorossiysk General-Governor Prince Potemkin “On the Adoption of the Crimean Residents and other Tatar Peoples to the Russian Citizenship”. In fact, all further acts were aimed at the implementation of these safeguards, improvement of state-confessional relations on the peninsula. An important document systematizing various acts concerning the activities of non-orthodox religious organizations in Russia became “Charters of Spiritual Affairs of Foreign Confessions” by Nicholas I.

As a result, through religious and communal authorities, acting in contact and under the supervision of the Provincial governance structures, through the preservation of traditions and customs, a number of measures aimed at economic and cultural development of the peninsula, the authorities of the Empire were able to achieve in the Crimea not only peace and harmony, but the devotional service of the throne subjects.

The proposed article is devoted to the study of government/religious relationship in Taurida Province.

Keywords: *Russian Empire, Crimea, religious organizations, legal status, foreign religion communities, legislation.*

REFERENCES

1. Achkinazi I. V. Krymchaki. Istoriko-etnograficheskii ocherk [Krymchaks. Historical-ethnographic essay]. 2000. Simferopol: DAR. 192 p.
2. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii [Military statistical review of the Russian Empire]. Volume XI. Part 2. The Taurida Province. 1849. St. Petersburg. 298 p.
3. Voltaire F.-M. Traktat o terpimosti. Seriya «Velikie idei» [The Treatise on Tolerance. Series “Great ideas”]. 2016. Moscow: Eksmo-Press. 128 p.
4. Voltaire F.-M. Stat’i iz “Filosofskogo slovaria” [Articles from “Philosophical dictionary”. Philosophical Writings]. Transl. from French. In-t of philosophy. 1996. Moscow: Nauka. 560 p. (Landmarks of philosophical thought).
5. Kumor B. Rossiiskii konkordat ot 3 avgusta 1847 g. i sozдание Tiraspol’skoi eparkhii [Russian concordat of 3 August 1847 and the establishment of the Tiraspol diocese] in Chaplinskii B. Istoriia tserkvi v Rossii [History of the Church in Russia]. 2000. St. Petersburg. P. 124—128.

6. *Litsenberger O. A.* Rimsko-katolicheskaia i Evangelicheski-liuteranskaia tserkov' v Rossii: sravnitel'nyi analiz vzaimootnoshenii s gosudarstvom i obshchestvom (XVIII nach. KhKh vv.): Dis. d-ra istor. Nauk [The Roman Catholic and the Evangelical Lutheran Church in Russia: a comparative analysis of relations with the state and society (XVIII beginning of the XX centuries). Doctoral Degree Thesis]. 2005. Saratov. 488 p.
7. *Locke J.* Poslanie o veroterpimosti. 1686. Sochineniia v trekh tomakh: t. 3 [The message of religious tolerance. 1686. Compositions in three volumes: Vol. 3]. 1988. Moscow: Mysl'. 668 p. (Philosophy. Heritage. Vol. 103). P. 91—134.
8. *Murzakevich N. N.* Prebyvanie iezuitov v Krymu [Residency of the Jesuits in the Crime]. ZOOID [Notes of the Odessa History and Ancientry Society]. 1860. Vol. 4. P. 466 — 467.
9. Pamiatnaia kniga Tavricheskoi gubernii izdanaia Tavricheskim gubernskim statisticheskim komitetom [The memorable book of Taurida Province issued by the Tauride gubernia statistics committee]. 1897. Simferopol. 208 p.
10. *Prokhorov D. A.* Karaimskoe naselenie Tavricheskoi gubernii v kontse XVIII — nachale XX v. [The Karaite population of the Taurida province in the late XVIII — early XX century]. Tavricheskie studii [The Taurida studios]. Vol. 1. 2011. Crimean University of culture, arts and tourism. Available at: <http://kukiit.ru/docs/ts/no1/20.pdf> (Accessed: 15.12.2016).
11. *Revin K. I.* Vozniknovenie i deiatel'nost' Karasubazarskogo rimsko-katolicheskogo suda [The occurrence and activity of Karasubazar Roman Catholic court]. Krymskii yuridichnii vestnik [Crimean Law Bulletin]. 2010. No. 1 (8). Part 2. P. 277—286.
12. *Rodionov M.* Statistiko-khronologo-istoricheskoe opisanie Tavricheskoi eparkhii. Obshchii i chastnyi obzor [Statistical and chronological historic description of the Taurida diocese. General and Special Review]. 1872. Simferopol. 269 p.
13. *Safonov S.* Ostatki grecheskikh legionov v Rossii ili nyneshnee naselenie Balaklavy. Istoricheskii ocherk [The remains of the Greek legions in Russia or the current population of Balaklava. Historical sketch]. ZOOID [Notes of the Odessa History and Ancientry Society]. 1844. Odessa. Vol. 1. P. 205—236.
14. *Starchenko R. A.* Dinamika chislennosti i rasseleniia russkikh Kryma v XVIII-XIX vekakh [The dynamics of the population and resettlement of the Russian Crimea in XVIII-XIX centuries]. Zhurnal Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova [Bulletin of the Nekrasov Kostroma State University]. Issue No. 6. Vol. 19. 2013. P. 38—41.
15. Tavricheskaia guberniia. Pervaia vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii, 1897 g. [The Taurida Province. The First General Census of the Russian Empire Population. 1897]. Vol. 41. St. Petersburg. 344 p.
16. *Tikhonov A. K.* Katoliki, musul'mane i iudei Rossiiskoi imperii v poslednei chetverti XVIII — nachale XX v. [Catholics, Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of XVIII — early XX century]. 2008. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 368 p.
17. *Khut'ko T. V.* Ustavy dukhovnykh del inostrannykh ispovedanii. Magometanskii dukhovnyi sud v Tavricheskoi gubernii (konets XVIII pervaiia polovina XIX st.) [Mohammedan spiritual court in Taurian province (the end of XVIII first half of XIX century)]. Problemy zakonnosti [Problems of law]. 2013. No. 124. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/magometanskiy-duhovnyy-sud-v-tavricheskoy-gubernii-konets-xviii-pervaya-polovina-xix-st> (Accessed: 15.01.2017).
18. *Khut'ko, T. V.* Osnovnye napravleniia deiatel'nosti Karasubazarskogo rimsko-katolicheskogo suda [Main directions of activity of Karasubazar Roman Catholic court]. Uchenye zapiski Tavricheskogo nats. un-ta im. V.I.Vernadskogo [Scientific notes of Taurida National University named after V. I. Vernadskii]. Issue: Legal Science. 2012. Vol. 25 (64). No. 1. P. 332—341.

Л. П. Ануфриева*

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ФИНАНСОВОЕ ПРАВО В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

(рецензия на учебник В. М. Шумилова
и И. М. Лифшица «Международное финансовое право».
3-е изд., перераб. и доп. М. : Юстиция, 2017. 302 с.
Магистратура)¹

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.168-171

В 2017 г. вышло в свет новое — третье — издание учебника по международному финансовому праву (МФП) известного автора в области международного экономического права (МЭП) В. М. Шумилова. Возникает закономерный вопрос: что отличает данное издание от предыдущих? Отвечая на него, стоит прежде всего указать, что, во-первых, он стал в большей степени корреспондировать дискурсу, отмеченному в заглавии рецензии, — постановке проблем международного финансового права в связи с кризисными явлениями последних лет, бушующими в мировой экономической системе (с. 33—38 и др.), что явилось отражением и изменений в авторском составе: вместе с профессором В. М. Шумиловым над учебником работал достаточно много занимающийся тематикой банковского и налогового права, антикризисными мерами в международной финансовой системе кандидат юридических наук, доцент И. М. Лифшиц.

Во-вторых, как пишут сами создатели учебника в его предисловии, он актуализирован и адаптирован к преподаванию дисциплины «международное финансовое право» в рамках

программ магистратуры на юридических факультетах вузов России, ЕАЭС и СНГ (с. 9).

В-третьих, подверглась ревизии структура курса, в которой четко выделены Общая и Особенная части (оправданность и основательность вычленения и представления некоторых элементов в указанных составных частях — особый предмет, о котором авторам необходимо было бы сказать аудитории специально, но этого не произошло).

В-четвертых, уменьшился общий объем учебника, если судить по количеству листов, однако вместо 6 глав в предыдущем издании новый курс вмещает 11 соответствующих подразделов, причем добавились специальные главы, посвященные финансовому праву Европейского Союза и финансовому правопорядку ЕАЭС и СНГ. Этому есть свое объяснение: с одной стороны, в последние годы явно дифференцированно обозначились финансово-правовые проблемы региональных объединений с их более заметным влиянием на прилегающие государства, а с другой — появились дополнительные «резервы» по объему издания,

¹ Материал рецензии подготовлен при информационной поддержке компании «КонсультантПлюс».

© Ануфриева Л. П., 2018

* Людмила Петровна Ануфриева, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) lyu-anufrieva@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

так как из учебника изъяты приложения и глава об инвестиционном праве.

В связи с последним следует указать, что исключение из текста учебника по МФП проблематики инвестиционного права как элемента структуры международного финансового права в принципе справедливо, поскольку делает понятным согласование системы МЭП в целом и его подотраслей: международного торгового права, МФП, международного инвестиционного права, международного права трудовой миграции, международно-правового регулирования интеграции и т.д. (во всяком случае, практически никто не спорит по поводу вхождения в рамки МЭП в качестве подотраслей первых трех составных частей). Включение же международного инвестиционного права в число институтов МФП (т.е. менее крупного подразделения норм, нежели подотрасль) ни логически, ни теоретически, и уж тем более юридически, с точки зрения системного подхода объяснить невозможно, хотя ряд работ, в том числе и предшествующее издание рецензируемого учебника, это допускали. Полностью отказать международному финансовому праву в необходимости учета норм, предназначенных для регулирования межгосударственных инвестиционных отношений, и тем самым обосновать исключение из учебников по МФП проблематики международного инвестиционного права, вряд ли кто решится.

Вместе с тем здесь важно правильно определить структурно-системную принадлежность, а также место подобного рода раздела и в объективном праве, и в науке (учебной дисциплине) с тем, чтобы у студента не было восприятия данного явления как якобы обладающего свойством «раздваивания» — быть одновременно и подотраслью отрасли (МЭП), и институтом одной из подотраслей рассматриваемой отрасли. Представляется, что в качестве института МФП как подотрасли МЭП следует квалифицировать не все нормы, регулирующие международные инвестиционные отношения, а лишь те, которые представляют собой валютное регулирование и затрагивают валютные (равно как и расчетные, платежные) аспекты, присутствующие в связи с реа-

лизацией международных инвестиционных отношений.

Одним из новых разделов, введенных в содержание рецензируемого издания, выступает специальная глава «Международное налоговое право и институт противодействия отмыванию преступных доходов». Вообще, наличие в учебном издании по МФП материала по международному налоговому праву должно приветствоваться. Вместе с тем было бы целесообразно посвятить хотя бы какую-то долю объема материала обоснованию, почему данный институт выделяется в структуре и системе МФП (если, конечно, международному налоговому праву присваивается такого рода статус). Этот упрек имеет более общий характер, относясь равным образом и к другим главам (о международном долговом праве, международном кредитном праве, международном платежном праве, международном праве финансовых услуг. В этой связи заметим, что в предшествующем издании фигурировало еще международное расчетное право в качестве структурного элемента анализируемой подотрасли, что, пожалуй, не может обойтись без детализации!).

Помимо этого, требуется сделать еще ряд замечаний, далеко не во всем положительного свойства. Во-первых, обращает на себя внимание, что не выдержан структурный понятийный ряд: каждая глава в списке разделов, представленных в рассматриваемой части учебника, являет собой отдельный институт международного финансового права (здесь намеренно оставляем в стороне оправданность выделения в системе международного финансового права присутствующих в тексте нормативных образований²). Тот факт, что «международное налоговое право» и «противодействие отмыванию преступных доходов» выступают в качестве разных институтов МФП, не требует особых доказательств. Следовательно, данная глава вмещает в себя два правовых института. Вопрос «почему?» остается открытым. Во-вторых, добавим, что их объединение алогично: ведь общеизвестно, что борьба с легализацией доходов, полученных преступным путем, осуществляется не с помощью средств

² Проблема систематики в праве вообще и в международном праве в частности весьма непроста. Вдвойне она представляется трудно решаемой применительно к отрасли или подотрасли международного права, если нет завершенности в соответствующих процессах отрасле- или подотраслеобразования, как это имеет место и в МЭП в целом, и в МФП конкретно. Однако при всех сложностях разработка научного осмысления данной проблемы должна быть теоретически выдержанной и основываться на достижениях

налогового права, а в рамках банковской системы и посредством ее инструментов. В-третьих, сто́ит упомянуть в этой связи, что и используемую терминологию — «отмывание преступных доходов» — лучше было бы все же заменить на устоявшуюся: «противодействие легализации доходов, полученных преступным путем».

Не совсем понятно и объединение в одной главе валютного и «бюджетного» права. Прежде всего предполагается, что и в этом случае авторы подходят к такому решению с позиций принадлежности к МФП указанных разделов как институтов (либо по крайней мере одного — «совмещенного» — института). Статус определенной совокупности норм как отдельного института — относительно обособленного от остального нормативного массива МФП — требует уточнения факторов и оснований подобного обособления. С этой точки зрения вычленение валютного права из международного финансового права едва ли представляется реалистичным: все отношения, регулируемые нормами рассматриваемой подотрасли, так или иначе носят валютный характер или содержат элементы валютного регулирования либо отмечены его связью с отношениями организационно-правового порядка. Отрицать в современных условиях способность валютного регулирования «пронизывать» все международное финансовое право — значит игнорировать его непосредственную сущность, из которой, собственно говоря, исходят и авторы учебника, давая такой перечень конкретных отношений, находящихся в сфере регулирования посредством МФП и касающихся: бюджетных дефицитов (профицитов); форм международных расчетов; состояния платежного баланса; со-

отношения валют и принципов формирования валютного курса; условий предоставления кредитов; условий погашения или реструктуризации государственного долга; условий оказания финансовой помощи; надзора за деятельностью коммерческих банков и страховых и финансовых компаний; общих подходов борьбы с отмыванием денег, полученных преступным путем; изменения или унификации внутреннего законодательства по вопросам финансовой проблематики (с. 41).

Наряду с этим есть серьезные сомнения в самом существовании и, конечно, обоснованности выделения «бюджетного права». Действительно, трудно помыслить о какой-либо еще области международных финансовых отношений и корреспондирующих им юридических нормах как о бюджетной сфере, которая принципиально имманентна суверенитету и суверенным функциям государства, способна быть регламентируема предписаниями не внутригосударственного, а международного права, особенно с учетом декларируемых в учебном пособии характеристик, буквально свидетельствующих о том, что МФП — неотъемлемая часть международного права: «МФП — подотрасль международного экономического права, которое, в свою очередь, является отраслью международного права»; «международное финансовое право регулирует главным образом отношения между публичными лицами (государствами, международными организациями)» (с. 30—40). При этом нельзя не упомянуть, что авторы отмежевываются от концепций «смешанности», «комплексности» предмета МФП и предшествующего ему варианта — «международно-

юридической (международно-правовой) науки. Автору настоящих строк уже доводилось писать об этом в связи с вопросом о системе МЭП и приводить в обоснование надлежащего подхода довольно многочисленную отечественную и зарубежную литературу как по общим вопросам системы международного права, так и применительно к МЭП. Упоминание некоторых изданий, думается, было бы излишним и в данном случае, когда речь идет о структуре и системе такой подотрасли МЭП, как МФП (см.: *Каченовский Д.* Курс международного права. Харьков, 1863 ; *Усенко Е. Т.* О системе международного права // Советское государство и право. 1988. № 4 ; *Он же.* Очерки теории международного права. М. : Норма, 2008 ; *Фельдман Д. И.* О системе международного права // Советский ежегодник международного права. 1977. М. : Наука, 1979 ; Система современного международного права // Курс международного права : в 7 т. М. : Наука, 1989. Т. 1 : Понятие, предмет и система международного права / отв. ред. Р. А. Мюллерсон, Г. И. Тункин ; *Ушаков Н. А.* Международное право: основные понятия и термины. М., 1996 ; *Ануфриева Л. П.* Соотношение международного публичного и международного частного права : правовые категории. М. : Спарк, 2002. С. 132—138 ; *Она же.* Значительный вклад в развитие основ научных знаний в области международного экономического права : рецензия на книгу А. А. Ковалева «Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности : учебное пособие». М. : Научная книга, 2007 // Московский журнал международного права. 2008. № 3).

го валютного права» (А. Б. Альтшулер) — или иных представлений (Г. В. Петрова), решительно утверждая их теоретическую несостоятельность (с. 43—44).

В этом плане важно подчеркнуть, что работа В. М. Шумилова и И. М. Лифшица продолжает полностью оправдавшую себя традицию советской, а также и нынешней российской юридической науки (Е. А. Ровинский, В. И. Лисовский, Г. М. Вельяминов, Л. И. Волова и др.), которая развивает международное финансовое право на основе главенствующей его квалификации — обладание несомненно международно-правовой природой.

Вместе с тем хотелось бы, чтобы учебник оперировал четко сформулированным авторским определением данной подотрасли, которое в настоящей редакции, как ни странно, отсутствует, в то время как потребности в дефинициях в рамках учебных курсов, как известно, обуславливаются прежде всего академическими целями.

И хотя не со всем, что содержится в учебнике, можно согласиться, поскольку авторы не всегда последовательны в своем «магистральном» взгляде (достаточно сказать об отмечаемом ими якобы «все большем» вхождении в предмет регулирования МФП «вопросов внутренней компетенции государств»; о регулировании МФП «внутренних правовых режимов», что невозможно по самой сути международного права, так как оно не приспособлено для этих целей; о конструкции и составных частях — «компонентах» — международной финансовой системы, нередко не стыкующихся между собой и порою игнорирующих фундаментальные подходы теории государства и права, обоснование и перечень принципов МФП и др.),

не признать высокий уровень представленного труда, глубокое знание авторами сущности современных механизмов и их недостатков в том, что касается регулирования межгосударственных отношений в условиях существования мировой финансовой системы, с одной стороны, и ее увязки с функционированием мировой экономической системы — с другой, невозможно. Дискуссионность отдельных положений, высказываемых в курсе, нерешенность ряда кардинальных проблем, в том числе и пробельность МФП, о которых осведомлены авторы, объективны и во многом объясняются незавершенностью процессов становления МФП, как, впрочем, и МЭП в целом.

Высказанные замечания по существу ряда положений рецензируемого сочинения имеют в виду возможный их учет в будущих выпусках в свет данного произведения, при переработке, дополнении и совершенствовании авторами своего труда. Выявленные недочеты отнюдь не меняют кардинальной оценки полезности проделанной работы. Новое издание учебника по международному финансовому праву по многочисленному кругу проблем, затронутых в нем, станет ценным не только для студентов или аспирантов и преподавателей, но также и для практиков и научных работников, которые из содержания курса узнают немало нового, насущного и интересного. Вряд ли могут быть какие-либо сомнения в том, что у рецензируемого издания при всей противоречивости обрисованной картины существуют реальные конкуренты в части его соответствия требованиям, предъявляемым к подобному жанру, и серьезности подхода к реализации поставленной задачи. Пока такая оценка остается действительной, но жизнь не стоит на месте!

Материал поступил в редакцию 5 марта 2018 г.

**INTERNATIONAL FINANCIAL SYSTEM AND INTERNATIONAL FINANCIAL LAW
IN THE GLOBAL ECONOMIC CRISIS (REVIEW OF THE COURSEBOOK
ON "INTERNATIONAL FINANCIAL LAW" BY V. M. SHUMILOV AND I. M. LIFSHITZ
(3RD EDITION, REV. AND SUPPL.) MOSCOW: IUSTITSIIA.
2017. 302 P. MASTER DEGREE PROGRAMME)**

ANUFRIEVA Ludmila Petrovna — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
lyu-anufrieva@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ МАТЕРИАЛАМ И ИХ ОФОРМЛЕНИЮ

Более подробная информация содержится на сайте журнала lexrussica.ru

1. В журнале публикуются результаты научных исследований и научные сообщения авторов, изложенные в форме научных статей или рецензий в соответствии с тематикой журнала (далее — статья).
2. К сотрудничеству приглашаются авторы — ведущие специалисты, ученые и практики.
3. Направление автором статьи для опубликования в журнале считается акцептом, то есть согласием автора на заключение лицензионного договора о передаче права использования статьи в журнале «Lex Russica». Содержание договора опубликовано на сайте журнала.
4. Автор направляет в редакцию журнала статью согласно условиям и порядку предоставления и опубликования статей, а также требованиям к оформлению статей, размещенным на сайте журнала. При несоблюдении указанных требований редакция оставляет за собой право вернуть статью автору без рассмотрения.
5. Требования к содержанию и объему статьи:
 - объем статьи должен составлять от 25 до 50 тыс. знаков (с пробелами, с учетом сносок) или 20–30 страниц А4 (шрифт — Times New Roman, высота шрифта — 14 пунктов; межстрочный интервал — полуторный, абзацный отступ — 1,25 см, поля: левое — 3 см, правое — 1,5 см, верхнее и нижнее — 2 см). Опубликование материалов меньшего или большего объема должно согласовываться с редакцией журнала;
 - статья должна быть написана на актуальную тему, отвечать критерию новизны, содержать определенное новаторство в подходе к изучаемой теме/проблеме;
 - статья должна содержать структуру изложения;
 - в статье должны быть отражены результаты научного исследования, основанного на анализе теоретических конструкций, нормативных актов, материалов правоприменительной практики;
 - материал, содержащийся в статье, не должен быть только описательным, констатировать существующее положение вещей (статьи, значительная часть которых содержит воспроизведение нормативного материала, будут отклоняться);
 - в материале должна быть соблюдена фактологическая и историческая точность;
 - необходимо обращать внимание на аккуратное использование заимствованного материала, точность цитирования.
6. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
7. Следует точно указывать источник приводимых в рукописи цитат, цифровых и фактических данных.
8. При оформлении ссылок необходимо руководствоваться библиографическим ГОСТом 7.0.5-2008. Ссылки оформляются в виде постраничных сносок (размещаются в тексте как подстрочные библиографические ссылки), нумерация сплошная (например с 1-й по 32-ю). Сноски набираются шрифтом Times New Roman. Высота шрифта — 12 пунктов; межстрочный интервал — одинарный.

Знак сноски в тексте ставится перед знаком препинания (точкой, запятой, двоеточием, точкой с запятой). Пример оформления смотрите на сайте журнала.

Ссылки на иностранные источники следует указывать на языке оригинала, избегая аббревиатур и по возможности максимально следуя таким же требованиям, как и при оформлении библиографии на русском языке.

Ссылки на электронные ресурсы следует оформлять в соответствии с библиографическим ГОСТом 7.82–2001. Необходимо указывать заголовок титульной страницы ресурса, полный адрес местонахождения ресурса и в круглых скобках дату последнего посещения веб-страницы.
9. При оформлении списка литературы (библиографии) необходимо руководствоваться библиографическим ГОСТом 7.1-2003. В библиографическом списке не указываются правовые источники (нормативные акты, судебные решения и иная правоприменительная практика). Пример оформления смотрите на сайте журнала.

Учредитель —
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Адрес издателя: г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Телефон редакции: (8-499)244-88-88 (доб. 556).

Почтовый адрес редакции: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

E-mail: lex-russica@yandex.ru

Объем: 20,46 усл.-печ.л., формат 60x84¹/₈. Тираж 150 экз. Дата выхода в свет 30.04.2018 г.

Редактор *Л. А. Мункуева*.

Корректор *А. Б. Рыбакова*.

Компьютерная верстка *Д. А. Беляков*.

Печать цифровая. Гарнитура «Calibri».

Типография Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN 1729-5920

Свободная цена.

Подписка на журнал возможна с любого месяца.

Распространяется через объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» — 11198.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Lex Russica» обязательна.

Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Ответственность за достоверность информации в рекламных объявлениях несут рекламодатели.